

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.И. ВАВИЛОВА»

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР–РОССИИ
(XX – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВВ.)**

**Сборник статей международной
научно-практической конференции**

**Саратов
2022**

УДК 94:332:001
ББК 63:65

Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР–России (XX – первые десятилетия XXI вв.): сборник статей международной научно-практической конференции – Саратов: ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, ООО «ЦеСАин», 2022. – 206 с.

ISBN 978-5-6047111-6-3

Редакционная коллегия:
Дудникова Е.Б., Романченко В.Я.,
Шмыгина О.Н., Ножкина И.А.

Сборник подготовлен по материалам международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР–России (XX – начала XXI вв.)», проведенной в Саратовском государственном аграрном университете имени Н.И. Вавилова 17–18 ноября 2021 года.

Научные статьи, помещенные в сборник, охватывают период с конца XIX до первых десятилетий XXI века. Их содержание является продолжением научной дискуссии, начатой на международной научной конференции «Проблемы и противоречия аграрной модернизации России», проведенной также на базе Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова 27 апреля 2012 года. Введение авторами статей в научный оборот значительного массива не публиковавшихся ранее источников, содержащиеся в них обобщения и выводы не только обогащают имеющиеся знания, но и позволяют наметить направления дальнейшей разработки чрезвычайно сложной и многогранной проблемы аграрной модернизации СССР–России.

Для научных работников, специалистов сельского хозяйства, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся аграрной историей и современными проблемами развития сельского хозяйства на постсоветском пространстве.

Материалы изданы в авторской редакции

ISBN 978-5-6047111-6-3

© Коллектив авторов, 2022
© ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, 2022

УДК 338.43

Д.Н. Акабирова

Ташкентский государственный аграрный университет, г. Ташкент,
Узбекистан

РОЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА ПРЕДПРИЯТИЙ АПК В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. В данной статье раскрыта роль менеджмента предприятий АПК в повышении качества агропромышленной продукции. В частности, автор выявил отличительные черты продукции АПК, определил основные стандарты, регулирующие качество выпускаемой продукции для предприятий АПК, а также предложил меры по повышению качества продукции.

Ключевые слова: качество, конкурентоспособность, управление качеством, стандарты, стандартизация, АПК.

D.N. Akabirova

Tashkent State Agrarian University, Tashkent, Uzbekistan

THE ROLE OF MANAGEMENT OF AGRICULTURAL INDUSTRIAL ENTERPRISES IN IMPROVING THE QUALITY OF AGRICULTURAL PRODUCTS

Abstract. This article reveals the role of management of agro-industrial enterprises in improving the quality of agro-industrial products. In particular, the author identified the distinctive features of agro-industrial complex products, defined the main standards regulating the quality of products for agro-industrial enterprises, and also proposed measures to improve the quality of products.

Key words: quality, competitiveness, quality management, standards, standardization, agro-industrial complex.

В условиях модернизации аграрного сектора экономики выживаемость любого предприятия, его устойчивое положение на рынке товаров и услуг формируется степенью конкурентоспособности, который в существенной степени находится в зависимости от качества выпускаемой продукции, что особенно важно в агропромышленном комплексе в условиях импортозамещения.

Продукция АПК проявляет огромное воздействие на уровень благосостояния страны и составляет около 80 % всех товаров народного потребления. От АПК в прямой зависимости находятся уровень и качество жизни населения. Приблизительно 70 % всех предметов потребления производится из продукции сельского хозяйства, 27 % населения России проживает в сельской местности и свыше 10 млн из них задействованы в агропромышленном комплексе.

Развитие и обеспечение высокого качества продукции в АПК обладают несколькими отличительными чертами:

- качество продукции должно соответствовать требованиям безопасности питания и здравоохранения;

- сезонный характер производства в отрасли, которая подразумевает зависимость качества продукции от погодных и других природных условий (засухи, эпидемии, нашествия вредителей растений и т.д.).

Рассредоточенность сельскохозяйственного производства усложняет систему контролирования и оперативное управление качеством. Помимо этого, требования производственной деятельности объединены с социально-демографической и экономической ситуацией в регионе. Невысокая техническая укомплектованность, слабое использование информационных технологий и методов контроля характерны для сельского хозяйства.

Качество сельскохозяйственных товаров находится в зависимости от условий изготовления продукции, ее хранения и переработки, что приводит к выпуску существенного количества низкокачественной продукции в данной отрасли национального хозяйства.

По нашему мнению, основные причины низкого качества продукции АПК являются следующие:

- недостаток необходимой материально-технической базы;
- несвоевременное осуществление технологических операций;
- недостаточный уровень профессиональных знаний кадрового потенциала;
- слабая ответственность за выполняемую работу;
- недостаток эффективной системы мер материального стимулирования работников за достижение высоких качественных показателей;
- отсутствие научной, инновационной составляющей и креативности.

Заниматься качеством на предприятии должны все без исключения – от руководителя до конкретного исполнителя любой операции. В систему управления качеством должны быть объединены все процессы по обеспечению и сохранению качества.

В управлении качеством продукции АПК необходимыми объектами управления, как правило, являются технологические процессы, включающие в себя обработку почвы, посев, уход за растениями и т.д.

Качество продукции предприятий АПК создается при участии и под воздействие большого количества условий: материальных, земельных и трудовых ресурсов, сортовых особенностей возделываемых культур, системы удобрений, орошения, качества выполненных работ, сроков и способов уборки, предшественника и т.д.

Вышеперечисленные факторы нужно учитывать при производстве продукции. При управлении качеством продукции на предприятии должна функционировать система управления качеством продукции, которая представляет собой организационную структуру. Вовлечение в систему управления рекламной деятельности, направленность ее на потребителя и совершенствование механизма влияния системы управления качеством на все без исключения этапы жизненного цикла продукции являются ключевыми тенденциями совершенствования управления качеством продукции. Усовершенствование качества продукции требует конкретных расходов, которые, как правило, в будущем, окупаются.

Расходы на качество многих предприятий достигают 20 % от суммы продаж и при этом прослеживается их ежегодное увеличение согласно сведениям отечественных и зарубежных специалистов. Функциональные службы сельскохозяйственных предприятий, играют значительную роль в управлении качеством труда и продукции.

Данные службы создают определенные критерии оценки качества труда и продукции, предложения по улучшению производственного процесса сельскохозяйственной продукции, положения о материальном стимулировании совершенствования качества и т.д.

Качество продукции в большей степени зависит от деятельности руководителей подразделений. Функциями служб являются:

- контроль за выполнением заданий;
- объективная оценка качества труда и продукции;
- создание мероприятий, направленных на повышение качества;
- выполнение определенных мероприятий.

Решение проблемы качества продукции в новых экономических условиях в значительной степени зависит от организации и технологии стандартизации. Стандарты на продукцию устанавливают требования и условия, согласно показателям товарного качества [2].

Виды стандартизации продукции включает: основные стандарты – общетехнические и организационно-методологические; технические условия – временные документы, действующие до принятия соответствующего ГОСТ; стандарты на продукцию – регламентирующие параметры, размеры, типы, марки, ассортимент, конструкцию; стандарты на услуги; стандарты на работы и процессы; стандарты терминологии; стандарты технических условий – регламентируют требования к конкретной продукции.

На сегодняшний день в АПК функционируют 1900 межгосударственных и государственных, 1800 отраслевых и 250 республиканских стандартов, 4500 технических условий [7]. Примерами системы стандартизации продукции и услуг в России могут быть нормативный документ по организации Государственной системы стандартизации в России – ГОСТ Р 1.4-93, ГОСТ Р 1.0-92, ГОСТ Р 1.4-92, ГОСТ Р 1.2-92, которые являются единым комплексом стандартов. Наличие российского сертификата ГОСТ Р ИСО 9001 будет недостаточно даже если организация работает с иностранными партнерами, и планирует выход на международный рынок.

Таким образом, серия стандартов ISO 22000, включающая ряд стандартов, каждый из которых посвящен различным аспектам управления, предусмотрена безопасностью продуктов питания производителей агропромышленного комплекса. Серия стандартов ISO 14000 – это практический инструмент для компаний и организаций, которые стремятся определить и контролировать своё воздействие на окружающую среду и со временем совершенствовать свои экологические показатели, включает разнообразные аспекты экологического менеджмента.

На международном уровне требования к качеству установлены стандартами ИСО серий 9000, 9001, 9004, которые включаются напрямую в производственные процессы и сферу управления, определяя конкретные требования к системам обеспечения качества. Стандарты определили единый международный подход к договорным условиям по оценке систем качества и регламентировали отношения между производителями и потребителями.

Формирование управленческих решений производится сопоставлением информации о фактическом состоянии технического процесса с его характеристиками, которые предусмотрены нормативной документацией (стандартами, техническими условиями, производственными заданиями и др.).

Управлению качеством должно осуществляться постоянно в процессе производства продукции, а также предшествовать самому процессу производства. Сертификация – это совокупность действий с целью подтверждения с помощью сертификата соответствия или знака соответствия того, что товар или услуга соответствует конкретным стандартам или другим нормативным документам, являющаяся значимым элементом в системе управления качеством.

С помощью сертификации осуществляется конечная оценка качества производимой продукции. При внедрении сертификации системы управления качеством в соответствии со стандартами ISO серий 9000, 9001 у сельскохозяйственных предприятий есть вероятность увеличить их конкурентоспособность при помощи уменьшения непроизводительных расходов и времени, усовершенствования качества продукции, быстроты принятия управленческих решений, увеличивая эффективности ее производства, а также полного использования потенциала рабочего персонала.

При производстве в основном детского и лечебного питания в Российской Федерации действует система обязательной сертификации продовольственных товаров и определенных видов пищевого сырья. Основой служит ФЗ «О сертификации товаров и услуг». Контроль за ввозом продовольственной продукции из-за границы имеет особую значимость. Обязательное наличие сертификата на импортную пищевую продукцию предусмотрено законом.

Для того, чтобы предотвратить поступления на внутренний рынок страны недоброкачественных и опасных для здоровья потребительских товаров необходимо осуществлять контроль качества непосредственно производственных процессов. Предотвратить ввоз на территорию России продовольственных товаров, которые не соответствуют требованиям российских стандартов или не прошедших должным образом международную сертификацию возможно с помощью заключения договоров на поставку импортного продовольствия с крупными фирмами, позволяющими контролировать процесс производства [3].

Также предприятиям АПК позволяет усовершенствовать качество продукции технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции», вступивший в силу 1 июля 2013 года, который содержит обязательные требования по разработке, внедрению и поддержанию на предприятии процедур, основанных на принципах ХАССП. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности мяса и мясной продукции» вступил в силу

1 мая 2014 года согласно решению Комиссии Таможенного союза № 298 от 10 декабря 2013г. Технический регламент таможенного союза «О безопасности молока и молочных продуктов» (ТР ТС 033/2013) принятый 9 сентября 2013 года включает неотъемлемые условия по производству, транспортировке, хранению, упаковке, нанесению условных знаков для идентификации, распространению и, по необходимости, утилизации изделий, содержащих молоко.

В целях гарантии беспрепятственного передвижения и контроля выполнения действий, сопровождающих молочные изделия, на протяжении всего их жизненного цикла распространяется в пределах Российской Федерации, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. ТР ТС 033 на молоко был создан для защиты окружающей среды, как предусмотрено международными стандартами и с целью предотвращения нанесения вреда жизни и здоровью человека недоброкачественной.

В заключении хотелось бы отметить, что агропромышленный комплекс является важной составляющей частью экономики России, так как здесь выполняется жизненно важная для общества продукция и сконцентрирован большой экономический потенциал. Не заменимая значимость менеджмента качества в управлении агропромышленным предприятием определяется эффективностью деятельности агропромышленного предприятия, находящейся в зависимости от большого количества факторов, как управляемых, так и неподконтрольных человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристов О.В.* Управление качеством: учебник для студентов вузов. – М.: Колос, 2009. – 245 с.
2. *Басовский Л.Е., Протасьев В.Б.* Управление качеством. – М.: Инфра-М., 2013.
3. *Бобылев Д.С.* Агропромышленная интеграция – необходимое условие адаптации АПК к рынку // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 7. – 265 с.
4. *Бульхин А.Г.* Главное для нас – качество продукции, качество менеджмента // Стандарты и качество. – 2009. – № 6 – 374 с.
5. *Гичин В.И.* Управление качеством: Учебное пособие. – М: ИКЦ «Март», 2014. – 435 с.
6. *Гриценко Г.М., Кендюх Е.И., Величко Н.Н.* Система управления качеством продукции на предприятии АПК: теоретический аспект и проблемы становления // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2011. – № 8 (82). – С. 106–111.
7. Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://oplib.ru>.

Т.Х. Ахмедов

Ташкентский государственный аграрный университет, г. Ташкент,
Узбекистан

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы повышения конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции. Оценка конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции является исходным элементом для производственно-хозяйственной деятельности предприятий в условиях рыночной экономики. Изучение конкурентоспособности должно вестись непрерывно и систематически на всех этапах жизненного цикла продукции.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственное производство, дотация, субсидия.

T.Kh. Akhmedov

Tashkent State Agrarian University, Tashkent, Uzbekistan

PROBLEMS OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF DOMESTIC AGRICULTURAL PRODUCTS

Abstract. The article examines the problems of increasing the competitiveness of domestic agricultural products. Assessment of the competitiveness of agricultural products is the initial element for the production and economic activities of enterprises in a market economy. The study of competitiveness should be carried out continuously and systematically at all stages of the product life cycle.

Key words: competition, competitiveness, competitiveness of agricultural products, agricultural production, subsidies, subsidies.

Конкурентоспособная продукция – это продукция, обладающая более высокими свойствами по сравнению с аналогами и пользующаяся в результате повышенным спросом. Конкурентоспособность продукции – понятие относительное, четко привязанное к определенному рынку и времени сбыта, что особенно характерно для сельскохозяйственной продукции.

Конкурентоспособность продукции определяется показателями ее качества, ценой, упаковкой, товарным знаком, рекламой и т.д. Конкурентоспособность предприятия – интегральная числовая характеристика, с помощью которой оцениваются достигнутые предприятием конечные результаты его деятельности в течение определенного периода. Это система элементов, каждый из которых предназначен для отражения числовой (например, балльной) оценки определенного вида потенциала.

Конкуренция в сельском хозяйстве формируется одновременно по двум направлениям: между предприятиями с различными формами собственности и хозяйствования и между всеми товаропроизводителями за наиболее выгодные экономические условия деятельности и финансовые результаты.

Ситуация, сложившаяся в настоящее время в агропромышленном производстве, требует выработки четких мер, направленных на повышение его конкурентоспособности, включая демонополизацию промышленных и перерабатывающих предприятий. Среди этих мер особую актуальность приобретают задачи, связанные с созданием и функционированием многоукладной экономики, ориентированной на рынок коллективных и частных производителей с развитой сетью кооперации и агросервиса.

В отношении ценового регулирования и государственной финансовой поддержки аграрного сектора производства основным принципом должен быть аграрный протекционизм, обеспечивающий эквивалентность товарного обмена между сельским хозяйством и промышленностью, конкурентоспособность национальных производителей на мировом рынке и социальную защиту работников сельского хозяйства. В настоящее время такого эквивалентного обмена нет, цены на продукцию сельского хозяйства низкие и темпы их роста значительно отстают от темпов роста цен на промышленную продукцию и услуги. При осуществлении ценовой политики в АПК в ближайшее время необходимо обеспечить государственную поддержку сельхозпроизводства, сохранить и увеличить дотации и субсидии.

Цены должны оказывать влияние на формирование региональной структуры сельхозпроизводства, способствовать формированию межрегионального обмена продукцией. Государственное регулирование аграрных рынков и рыночных цен может осуществляться в формах государственных закупок сельхозпродукции и продовольствия или государственных залоговых операций в соответствии с федеральными и региональными программами.

Для сбалансированности цен в АПК следует предусматривать совершенствование организационно-экономического механизма взаимоотношений непосредственных сельхозтоваропроизводителей с перерабатывающими предприятиями путем перехода от неэффективных форм контроля за уровнем рентабельности в перерабатывающей промышленности к введению и поддержанию паритетных коэффициентов соотношения цен на сырье и конечную продукцию в перерабатывающих отраслях.

Поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей может осуществляться в форме субсидирования, льготного кредитования, налогового и инвестиционного стимулирования.

Финансовую поддержку агропромышленного комплекса следует осуществлять по следующим направлениям:

- путем компенсации части затрат на горюче-смазочные материалы, электроэнергию, удобрения при производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции;
- создание специальных государственных фондов финансовой поддержки сельского хозяйства, обладающих источниками формирования и целевым характером использования;

- выделение дотаций на поддержку племенного животноводства и птицеводства, элитного семеноводства, производства гибридных семян кукурузы, зерновых, сои;
- субсидирование за счет средств федерального и регионального бюджетов части кредитов, используемых товаропроизводителями на приобретение высокопроизводительных машин и оборудования, внедрение эффективных и инновационных технологий.

Кредитная политика государства в агропромышленном комплексе должна быть направлена на обеспечение его приоритета в экономической структуре всего народного хозяйства и направлена на стимулирование производства. Льготные кредиты при этом следует предоставлять под специальные инвестиционно-инновационные проекты и стартапы, а также в целях поддержки потребительской кооперации [4].

При этом следует жестко контролировать деятельность посреднических структур. Важно обеспечить выделение кредитных ресурсов, доступных сельчанам, для покрытия сезонного недостатка собственных средств, а также для осуществления инвестиций в объекты сельскохозяйственного значения.

Этот подход мог бы включить следующие направления: открытие специальной кредитной линии с оформлением залоговых операций под будущий урожай; предоставление инвестиционных кредитов на строительство производственных объектов сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности; внедрение ипотечных операций и земельного залога в целях привлечения в сельскохозяйственное производство дополнительного капитала. Размеры кредитов, процентные ставки, сроки погашения, меры ответственности за использование кредита и его возврат должны определяться на договорной основе между производителями и банками.

Предлагается также наряду с укреплением действующей банковской структуры по обслуживанию агропромышленного комплекса сформировать систему сельскохозяйственных кооперативных банков, в том числе с государственной поддержкой, включая создание учреждений мелкого кредита. Условием формирования конкуренции в АПК является развитие инфраструктуры – производственной, социальной и рыночной. Производственная инфраструктура должна обеспечить сохранность и наращивание производства сельскохозяйственной продукции. Для этого требуется улучшить обеспеченность сельхозпредприятий и крестьянских хозяйств техникой, семенами и т.д. [5].

Развитие инфраструктуры в агропромышленном комплексе должно осуществляться за счет расширения фирменной торговли. Необходимо формировать региональные продовольственные оптовые рынки по основной сельскохозяйственной продукции и продуктам ее переработки. Для этого нужны товарные биржи сельскохозяйственного сырья, обеспечение сельхозпроизводителей беспрепятственным входом на рынок, создание альтернативных рыночных каналов реализации продукции.

Для развития рыночной инфраструктуры требуется подготовка кадров, владеющих практикой маркетинга и менеджмента, создание автоматизированных

информационных систем. Осуществление предложенных мер может обеспечить более высокую конкурентоспособность сельскохозяйственного производства региона, что в конечном итоге будет способствовать повышению его эффективности и устойчивости [3].

В экономической литературе нет четкой системы показателей конкурентоспособности. Как правило, в качестве показателей, характеризующих конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции, выступают: полезность, цена, издержки, ресурсоемкость, трудоемкость, энергоемкость, материалоемкость.

Применяются также дополнительные показатели: объем продаж в расчете на единицу земельной площади, чистая прибыль в расчете на производственный капитал, на единицу затраченного труда, окупаемость, уровень рентабельности. В аграрном секторе производства предприятие должно четко определить стратегию своего конкурентного поведения на соответствующем товарном рынке. Для этого предприятие должно найти свое конкурентное преимущество, что создаст для него определенное превосходство по сравнению с предприятиями-конкурентами [2].

Известно, что конкурентное преимущество предприятия может быть внешним, если оно основано на особых, отличительных качествах товара. Особые свойства товара позволяют предприятию воздействовать на рынок, реализовав этот товар по более высокой цене. За счет качества товара цена будет выше, чем у конкурента, который не обеспечил получение товара соответствующего отличительного качества. Однако стратегия, обусловленная внешними конкурентными преимуществами, носит для сельскохозяйственного предприятия ограниченный характер, и большого влияния на формирование цены не оказывает.

Для сельскохозяйственного предприятия стратегия, основанная на внутреннем конкурентном преимуществе – наиболее предпочтительна, т.к. она основана на доминировании на рынке по издержкам производства. При такой стратегии преимущество предприятия будет проявляться в меньшей себестоимости продукта, чем у конкурента.

Внутреннее конкурентное преимущество позволяет добиться более высокой эффективности производства, обеспечивающей предприятию большую рентабельность и более надежную устойчивость при снижении цен реализации товара, диктуемых рынком. Процесс формирования конкурентоспособности представляет собой совокупность организационно-экономических мер по приведению производственных программ выпуска продукции определенного объема, ассортимента и качества в соответствие с имеющимся производственным потенциалом. Одним из главных факторов формирования конкурентоспособности является максимальное использование конкурентных преимуществ [1].

По нашему мнению, оценка конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции является исходным элементом для производственно-хозяйственной деятельности предприятия в современных условиях. Изучение конкурентоспособности должно вестись непрерывно и систематически на всех этапах жизнен-

ного цикла продукции. При исследовании рынка сельскохозяйственной продукции необходимо учитывать такую его особенность, как повышенное по сравнению с рынками других видов продукции регулирование со стороны государства. В этих условиях анализ изначально искаженной ситуации приводит к результатам, достоверность которых можно поставить под сомнение: конкурентоспособность продукции из стран, оказывающих активную поддержку своим производителям, будет завышена.

Несомненно, это одна из причин неполноты количественных методов оценки конкурентоспособности на уровне страны. Проблемы повышения конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции являются одними из наиболее сложных и актуальных. Необходимо, чтобы они находили свое решение на уровне российских регионов, т.к. именно здесь происходит непосредственное воплощение в жизнь намечаемых проектов.

На коротком отрезке времени необходимо предпринять усилия как со стороны исполнительной власти, так и бизнеса, чтобы сельское хозяйство могло обновить устаревшие сельскохозяйственные фонды, использовать достижения научно-технического прогресса и перенимать опыт других стран.

В заключении хотелось бы отметить, что наряду с поддержкой отечественных производителей конкурентной продукции, надо совершенствовать рыночную инфраструктуру на товарном и потребительском рынках, устранять негативное воздействие на конкуренцию со стороны монополистов и различного рода посредников. Необходимо упростить доступ производителей сельхозпродукции на потребительский рынок. Реализация подобных мер усилит позиции российских предприятий как на внутреннем, так и на внешнем рынке, будет способствовать наращиванию их потенциала по производству конкурентоспособной продукции и насыщению товарного и потребительского рынков качественной отечественной продукцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Н.В.* Сущность и особенности конкурентоспособности субъектов малого агробизнеса [Текст] / Н.В. Алексеева, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2014. – Вып. 4 (43). – С. 179–188.
2. *Минаков И.А.* Экономика отраслей АПК [Текст]: учебник – М.: Колос С, 2004. – 464 с.
3. *Непомнящая О.В., Реймер В.В.* Мелкотоварное производство в системе аграрных отношений (на примере Амурской области) [Текст] / О.В. Непомнящая, В.В. Реймер. – Благовещенск: ДальГАУ, 2002. – 64 с.
4. *Пашина Л.Л., Реймер В.В.* Агропродовольственная система: тенденции, инновации и перспективы развития [Текст]: монография / Л.Л. Пашина, В.В. Реймер. – Благовещенск: ДальГАУ, 2011. – 223 с.
5. *Улезько А.В.* Обеспечение конкурентоспособности малых форм хозяйствования [Текст] / А.В. Улезько, Н.В. Алексеева. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. – 179 с.

УДК 94(470) «1921/1929»

А.В. Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ НЭПА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ)

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Аннотация. В статье исследуется этнический аспект землепользования, форм самоуправления полиэтничного крестьянства, восприятия советской системы в общественном мнении земледельцев Северо-Кавказского края в 1920-х гг. Автор статьи сосредоточил внимание на изменениях приоритетов и задач партийно-государственной этнополитики на Северном Кавказе в период нэпа. Аргументируется точка зрения, по которой в региональном сообществе вопросы землевладения неразрывно были связаны с административно-территориальным статусом и границами этнических автономий.

Ключевые слова: власть, крестьянство, взаимоотношения, НЭП, этнический аспект, Северо-Кавказский край.

A.V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ETHNIC ASPECT OF RELATIONSHIPS OF AUTHORITIES AND THE PEASANTRY IN THE CONDITIONS OF THE NEP (ON THE MATERIALS NORTH CAUCASIAN REGION)

The study was carried out within the framework of the RFBR project No. 21-09-43110 "The relationship between the party-state power and the multiethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)".

Abstract. The article examines the ethnic aspect of land use, forms of self-government of the multiethnic peasantry, the perception of the Soviet system in the public opinion of the farmers of the North Caucasian Territory in the 1920s. The author of the article focused on the changes in the priorities and tasks of the party-state ethnopolitics in the North Caucasus during the NEP period. The point of view is argued according to which the issues of land tenure in the regional community were inextricably linked with the administrative-territorial status and boundaries of ethnic autonomies.

Key words: power, peasantry, relationships, NEP, ethnic aspect, North Caucasian Territory.

Взаимоотношения власти и крестьянства являлись основным фактором, определявшим стабильность общественной системы в условиях нэпа (1921–1929 гг.), поскольку земледельцы составляли почти 80 % населения СССР, в том числе – Северо-Кавказского края [2]. В традиционном полиэтничном обще-

стве аграрные отношения неизбежно опосредовались нормами и институтами самоорганизации народов, их восприятием смысла власти и её политического курса.

Цель работы – выяснить проявления этнического аспекта взаимоотношений власти и крестьянства в условиях нэпа на Северном Кавказе.

Рамки статьи включают в себя пространство дореволюционных казачьих областей: Донской, Кубанской и Терской, губерний с общероссийским статусом: Ставропольской и Черноморской.

Среди исследований темы можно выделить работы российских историков Ю.Ю. Карпова [6], Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе [10], А.В. Аверьянова [1], а также зарубежных: Р.Г. Суни [9] и Т. Мартина [7].

Теоретическую основу статьи составляют системный и неоинституциональный подходы. Они дают возможность раскрыть взаимосвязь элементов аграрной и национальной политики на Северном Кавказе, формальных и неформальных норм регулирования аграрных отношений. Применена конструктивистская парадигма исторической этнологии, позволяющая выяснить аргументы и обстоятельства нациестроительства на Северном Кавказе в 1920-х гг.

По переписи населения 1926 г., сельскими жителями были 98,0 % в автономиях Северо-Кавказского края и 89,2 % – в Дагестане [3, с. 2-3]. Это подтверждает аграрный, традиционалистский характер сообществ. В автономиях сохранялись патриархально-родовые и общинные отношения, регулируемые шариатским правом. Так, аульные сходы обычно распределяли землю и воду после пятничной молитвы, когда мужчины собирались возле мечети. Имамы и предводители суфийских братств накапливали значительные финансовые средства от взимания налогов и подношений, будучи часто более мощными, чем местные Советы [5, с. 89-95]. В то же время, общество стало к началу советского периода «многосоставным», неформальные статусы и рамки влияния различных народов были закреплены в патрон-клиентарных отношениях. Сложность строения общества усугублялась тем, что жители высокогорных местностей имели право для отгонного скотоводства сезонно спускаться с гор. Так, в Кизлярском округе горцы проходили дважды в год сотни километров со своими отарами. Совершались набеги для выкупа заложников и скота, кровной мести.

Советская система применила на Северном Кавказе доктрину «коренизации», что означало целенаправленное повышение политического статуса и уровня социально-экономического, культурного развития горских народов при «позитивной дискриминации» славянского населения. В 1920–1921 гг. из состава Терской области были выделены Дагестанская и Горская АССР, а из Кубано-Черноморской области в 1922 г. – Адыгейская (Черкесская) автономная область. Летом 1924 г. эти территории, кроме Дагестана, объединены в Северо-Кавказский край, а Горская АССР разделена на автономные области. Статус и границы территориальных единиц напрямую связывался с землепользованием, квотами «титულных» народов на обучение в средней и высшей школе, на занятие должностей партийно-государственного аппарата, весомо влиял на землепользование. Однако в данной политике налицо три разных этапа:

- с весны 1920 по лето 1924 гг. (создание крупных автономных республик по надэтническому – территориальному принципу, депортация сунженских казаков в 1920– начале 1921 гг.);

- с лета 1924 по 1927 гг. (упразднение Горской АССР и включение её частей, автономных областей, в состав Северо-Кавказского края, создание русских районов и автономных округов внутри горских автономий, прямое подчинение г. Владикавказа и Грозного краю);

- 1928–1929 гг. (наиболее активная «коренизация» аппарата управления, внедрение местных языков в делопроизводство, передача г. Владикавказа и Грозного, Сунженского округа автономным областям) под предлогом обеспечения «пролетарского влияния».

Таким образом, на первом и третьем этапах проводилась децентрализация, а на втором – обратный, интеграционный процесс. Различия определялись тем, что менялось понимание федерализма правящей большевистской элитой: от утопии мировой революции и глобального государства к обслуживанию задач социалистического строительства в изолированной стране. Поэтому именно в середине 1920-х гг. районирование в Северо-Кавказском крае проводилось на прагматической, а не идеологизированной основе, с учётом хозяйственной убыточности автономных областей и республик. Свёртывание нэпа означало переход к приоритетности индустриализации и коллективизации, к неизбежному уничтожению традиционных общественных институтов и отношений в аграрном обществе Северного Кавказа. Многие в курсе власти оставались утопичным – как требование в короткий срок вырастить массовый слой городских рабочих из представителей горских народов.

Обеспеченность горцев обрабатываемой землёй к началу советского периода была значительно ниже, чем в равнинных, преимущественно русских по населению областях. В высокогорных местностях сохранялся родовой порядок землепользования, а в плоскостных – господствовало общинное землепользование [8, с. 28-30]. Только за 1920–1926 гг. горские общины получили от властей 300–400 тыс. дес. земли, включая непригодные для обработки [11, л. 39]. Эта мера, ущемившая интересы терского казачества, активно пропагандировалась органами власти. Но значительная часть изъятых земель не обрабатывалась (в частности, на Сунженской линии).

Межселённое и внутриселённое землеустройство не было завершено к началу коллективизации. Председатель Северо-Кавказского крайисполкома Советов П.А. Богданов на заседании Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 15 марта 1928 г. подверг резкой критике то, что не было выполнено поручение ВЦИК о глубоком экономическом обследовании автономных областей. Внутриселённое землеустройство к началу 1928 г. проведено в автономиях края на 13 % подлежащей площади, поскольку требовались государственная помощь в переселении на равнину и наделение землёй по особым нормам в каждой автономной области [12, л. 2].

Уровень светской грамотности оставался крайне низким. Жизнь внутри этнических сообществ регулировали традиционные элиты (бывшее дворянство,

помещики, муллы). В итоге сложилась система двойной общественной регуляции, при которой официальные институты (партийные комитеты РКП(б), ревкомы, Советы, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, кооперативы и др.) согласовывали интересы и нормы, с одной стороны, партийно-государственные, а с другой – традиционно-исламские. Так, в Карачаево-Черкесской автономной области в 1924 г. произошёл конфликт между партийными работниками «княжеского» и «трудового» происхождения [6, с. 160-173]. В Чечне шейх А. Митаев, перешедший на сторону Советской власти, имел больше хорошо вооружённых мюридов, чем воинские части Красной Армии в этой автономии. Ряд руководителей органов власти (Т.Э. Эльдарханов в Чечне, И. Зязиков в Ингушетии) был обвинён в связях с антисоветским подпольем [4]. Дефицит лояльных и квалифицированных кадров побуждал органы власти сделать опору на бедняцкий крестьянский актив и молодёжь.

Сделаем выводы. Этнический аспект взаимоотношений власти и крестьянства Северного Кавказа в условиях нэпа проявлялся в сохранении традиционных норм и практик землепользования, сильном влиянии национальных и религиозных элит на общественные настроения и активность земледельцев. Уравнительная земельная реформа, отмена общинных отношений, формирование сети лояльных власти общественных организаций развивались в автономиях Северного Кавказа с большим трудом, замедленно в сравнении с русскими округами. Политика «коренизации» парадоксально укрепила традиционные институты, что привело к её кризису и постепенному замещению на курс интеграции Северного Кавказа в общегосударственную систему с 1928 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверьянов А.В.* Вопросы национальной политики на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: от национального размежевания к национальной интеграции // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2017. – № 4 (92). – С. 91–96.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. – URL:http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 04.09.2021).
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. – М.; Л., 1929. – Т. 17. – С. 2–3.
4. *Галицкий В.П.* Организация и проведение операций по разоружению районов Северного Кавказа в 1920–1930 гг. // Тайная стража России: Очерки истории отечественных органов госбезопасности. – М., 2019. – Кн. 3. – С. 201-219.
5. Записка Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусдуховенством». Октябрь 1926 г. // Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов. – М., 2010. – С. 89-95.
6. *Карнов Ю.Ю.* Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. – СПб., 2017.
7. *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М., 2011. – С. 88-116.
8. *Овчинникова М.И.* Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). – Ростов н/Д, 1972.
9. *Суни Р.Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. – М., 2014. – С. 17-40.

10. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, 2014.
11. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 606. – Л. 39.
12. ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 834. – Л. 2.

УДК 94(47).084.6

В.А. Бондарев

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
Россия

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР

Аннотация. Предметом авторского анализа в публикации выступает проведенная в 1930-х гг. в СССР коллективизация сельского хозяйства, понимаемая как комплекс мер по модернизации аграрного производства и всей жизни деревни. Отмечены и охарактеризованы направления и результаты модернизации аграрной сферы в 1930-х гг., указаны факторы, под непосредственным воздействием которых модернизационный потенциал «колхозного строительства» не был реализован в полной мере. Значительное внимание уделено дискуссионному вопросу о возможных альтернативах сплошной форсированной коллективизации, сложившихся в СССР в период нэпа.

Ключевые слова: аграрное производство, деревня, коллективизация, колхозы, крестьянство, модернизация, сельское хозяйство.

V.A. Bondarev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ON THE QUESTION OF THE MODERNIZATION POTENTIAL OF COLLECTIVIZATION IN THE USSR

Abstract. The subject of the author's analysis in the publication is carried out in the 1930s in the USSR, the collectivization of agriculture, understood as a set of measures to modernize agricultural production and the entire life of the countryside. The directions and results of modernization of the agrarian sector in the 1930s are noted and characterized, factors are indicated, under the direct influence of which the modernization potential of "collective farm construction" was not fully realized. Considerable attention is paid to the debatable issue of possible alternatives to continuous forced collectivization that developed in the USSR during the NEP period.

Key words: agricultural production, village, collectivization, collective farms, peasantry, modernization, agriculture.

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. – это время развертывания в СССР сплошной форсированной коллективизации сельского хозяйства, оказавшей гигантское воздействие на аграрное производство и социально-экономическое устройство советской (российской) деревни. Коллективизация и, в целом, аграрная политика сталинского режима, проводились крайне жесткими методами, сопровождалась значительными социальными потрясениями и человеческими жертвами, а ре-

зультаты их оказались весьма неоднозначны. Все это не только порождает полярные оценки колхозного строительства 1930-х гг. и провоцирует ожесточенные дискуссии в обществе, но и привлекает первостепенное внимание исследователей к социально-политическим аспектам коллективизации, её наиболее острым вопросам и трагическим событиям. В итоге, на периферии исследовательского внимания оказалось то обстоятельство, что коллективизация, наряду с репрессивно-карательной её составляющей, представляла собой и комплекс мер по модернизации сельского хозяйства. Принимая во внимание возникшие в постсоветской историографии лакуны, в рамках представленной публикации нами предпринята попытка дать характеристику колхозного строительства как аграрной реформы, сконцентрировав внимание на факторах результативности таковой.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению осуществленного на протяжении 1930-х гг. комплекса мероприятий по модернизации аграрной сферы, следует, на наш взгляд, остановиться на таком актуальном в науке и публицистике вопросе, как альтернативы коллективизации. Хотя история не знает солагательного наклонения, анализ альтернативных вариантов носит научный характер, поскольку необходимым условием такого анализа выступает осмысление конкретно-исторической ситуации, предшествующей искомому событию, в данном случае – коллективизации.

С высоты современных научных знаний можно с полной уверенностью утверждать, что в Советской России (СССР) к исходу 1920-х гг. не существовало альтернатив крупным формам аграрного производства. Грандиозный «черный передел» 1917 г. привел к измельчанию крестьянских хозяйств, придал им натурально-потребительский характер и замкнутость [4, с. 268], противоречащую идее модернизации. Крестьянская община, восстановившая свои позиции в ходе революционных событий, решительно препятствовала модернизации сельского хозяйства, поскольку по-прежнему отличалась наличием дальнотемелья, чересполосицы, уравнильных переделов. Все это дает основания говорить о том, что, с экономической точки зрения, великая аграрная революция 1917 г. имела выраженные контрмодернизационные результаты.

В итоге, продуктивность и товарность сельского хозяйства в период нэпа оставались невысокими, что не позволяло Советскому Союзу наладить экспорт зерна и, тем самым, изыскать средства для индустриализации. По статистике, в конце 1920-х гг. в СССР при среднем валовом сборе зерна в 75 млн тонн товарная часть составляла не более 8,2 млн тонн, чего было далеко недостаточно для организации доходного экспорта [7, с. 5]. Исправить ситуацию могли лишь те меры, которые привели бы к созданию и доминированию в советском сельском хозяйстве крупных форм производства.

Но была ли безальтернативной именно форсированная коллективизация или же можно было модернизировать аграрную сферу не столь крутыми и болезненными методами? Полагаем очевидным, что в советской деревне имелись альтернативы коллективизации «по-сталински». Речь идет об известной (благодаря, прежде всего, работам В.П. Данилова) «бухаринской альтернативе», со-

гласно которой следовало не ликвидировать, а развивать нэп и в соответствии с которой не столько колхозы, сколько сельскохозяйственная кооперация должна была стать «и путем к социализму, и формой социальной организации при социализме» [2, с. 127]. Социальная база для «бухаринской альтернативы» в СССР существовала в лице активных инициативных крестьян, передовым отрядом которых выступали «культурники» («культурные хозяева»), широко применявшие в производстве новейшие приемы агротехники, внедрявшие достижения науки, и пр. Кооперативное движение получило широкое распространение в нэповской деревне. Так, к концу 1927 г. пайщиками сельских потребительских обществ являлись 39 % крестьянских хозяйств (в 1929 г. – 58,3 %), а в составе сельскохозяйственных кооперативных товариществ пребывало 37,7 % крестьянских дворов [3, с. 67, 68].

Однако, наличие альтернатив не означало возможность автоматической реализации таковых. Прежде всего, взгляды Н.И. Бухарина вряд ли возможно охарактеризовать как четко разработанную программу; скорее, это было некое общее видение пути развития деревни и построения социалистического общества, видение, довольно далекое от конкретики. Здесь нельзя не согласиться с Н.Г. Кедровым в том, что, когда В.П. Данилов в своих работах назвал группу Н.И. Бухарина «в качестве силы, способной в конце 1920-х годов изменить ход истории», он «впал в апологию» своего героя [5, с. 25].

Еще более важно то, что «бухаринская альтернатива» могла возобладать и привести к существенной модернизации аграрной сферы лишь на протяжении длительного времени, при наличии иного социально-психологического климата в стране и другого политического режима. Между тем, у СССР не было временного лимита. Необходимо было как можно скорее крепить свою экономическую и военную мощь перед лицом враждебной капиталистической Европы. Кроме того, кооперативный путь развития сельского хозяйства позволял сохраняться и даже укрепляться индивидуальным крестьянским хозяйствам, что было совершенно неприемлемо с точки зрения радикал-большевиков и их беспартийных сторонников, готовых к самым жестким действиям ради осуществления иллюзорных планов создания «коммунистического рая». Поэтому, «бухаринская альтернатива» изначально была обречена и не имела шансов на реализацию.

Развернутая на исходе 1920-х гг. сплошная коллективизация представляла собой своеобразную попытку разрубить гордиев узел экономических, социальных, политических проблем, накопившихся в сельском хозяйстве, в деревне, да и, в целом, в стране. Государство не жалело усилий при проведении коллективизации, формально провозглашая её добровольность, но не останавливаясь перед прямым давлением на хлеборобов, не брезгуя запугиванием несогласных и репрессиями против них (при этом, не следует забывать, что у коллективизации имелось немало сторонников из числа сельской бедноты). Не жалело государство и средств, направляя в деревню огромное количество техники и значительные контингенты специалистов.

Вряд ли можно оспорить тот факт, что итог этих титанических усилий был впечатляющим. На протяжении 1930-х гг. резко повысилась техническая вооруженность сельского хозяйства. По статистике, в 1929 г. в СССР было около 35 тыс. тракторов, в конце 1934 г. – уже 278 тыс. [9, с. 9], а в конце 1938 г. – 483,5 тыс. [10, с. 17] Причем, с 1932 г. СССР прекратил импорт тракторов и к началу 1934 г. свыше 70 % тракторов, занятых в сельском хозяйстве, являлись не импортными, а отечественными [9, с. 10]. Комбайнов в СССР насчитывалось в 1930 г. 1 770 штук, в конце 1934 г. – 33 тыс. [9, с. 9], а в конце 1938 г. – 153,8 тыс. [10, с. 17] Если в 1929 г. советское сельское хозяйство потребляло 38,8 млн кВт/ч электроэнергии, то в 1933 г. – 117,02 млн кВт/ч, поскольку мощность всех типов сельхозэлектроустановок выросла за это время с 30 тыс. кВт до 78 тыс. кВт [9, с. 10]. А в 1937 г. мощность сельских электростанций составляла уже 145,5 тыс. кВт, они произвели 184,2 млн кВт/ч электроэнергии, а аграрное производство получило от сельских и других электростанций 330 млн кВт/ч [10, с. 21].

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства повлекло за собой существенный рост механизации основных производственных операций в полеводстве как важнейшей отрасли аграрного производства. В 1938 г. в колхозах СССР пахота под яровые культуры была механизирована (проводилась тракторами) на 75 %, подъем зяби – на 72 %, сев всех яровых культур – на 44 %, сев озимых – на 50 %, комбайнами было убрано 42 % всех зерновых культур, и т. д. [10, с. 52]. Механизация, в свою очередь, ускоряла выполнение тех или иных производственных операций и резко снижала трудозатраты. В 1922–1925 гг. в индивидуальных крестьянских хозяйствах затраты труда на 1 га полевых работ составляли 2,55 человеко-дней при вспашке, 1,15 человеко-дней при бороновании и культивации, 1,81 человеко-дня на севе и 14,16 человеко-дней на уборке и молотье. В 1937 г. в колхозах соответствующие затраты составляли (при применении мощных гусеничных тракторов ЧТК) на вспашке 0,25 человеко-дней, на бороновании и культивации 0,05 человеко-дней, на севе 0,10 человеко-дней, на уборке и молотье 0,32 человеко-дней. На колесных тракторах трудозатраты составляли, соответственно, 0,41; 0,10; 0,20; 0,48 человеко-дней, а на конно-ручных работах – 2,04; 0,36; 0,81; 9,49 [10, с. 49].

Характер колхозного строительства как комплекса аграрных инноваций неоспорим, хотя это и не отвергает тот факт, что коллективизация проводилась с широким использованием насилия и принуждения, а колхозы являлись не только крупными формами сельхозпроизводства, но также инструментами контроля над крестьянами и изъятия у них выращенной продукции. Вместе с тем, остается дискуссионным вопрос о том, в какой мере был реализован модернизационный потенциал коллективизации.

В отечественной и зарубежной историографии, не говоря уже о публицистике, довольно широко распространено нелестное мнение о том, что коллективизация «по-сталински» не улучшила, а ухудшила состояние аграрного сектора и положение крестьянства. Так, Ш. Мерль полагает возможным говорить о том, что коллективизация вообще воспрепятствовала «зеленой революции», то есть

«быстрому росту урожаев за счет комплексного улучшения технологии посева и введения новых, более урожайных сортов» [6, с. 90]. В обоснование своего мнения он приводит целый ряд заслуживающих внимания фактов, таких, как мгновенный, без должной организационной подготовки и наличия детальных планов, переход к форсированной коллективизации, огосударствление колхозов и запредельная бюрократизация управления ими, изъятие у них государством максимально возможного количества выращенной сельхозпродукции, лишение колхозников трудовой мотивации, и т. д. [6, с. 101, 140, 141, 142, 144].

Все это так. Но, наличие негативных характеристик колхозной системы не дает оснований вовсе отказываться этой системе (и, создавшей её политике коллективизации) в модернизационном потенциале. Характер коллективизации как насильственной «революции сверху» (хотя и поддержанной «снизу»), равно как и особенности колхозной системы, затрудняли модернизацию сельского хозяйства. Полагаем, что все это не позволило в полной мере достичь модернизации сельского хозяйства в 1930-х гг. Последовавшая затем Великая Отечественная война, а после нее восстановление промышленности (в значительной мере, оплаченное за счет сельского хозяйства) также не способствовали поступательному развитию аграрного производства. Однако, вышеуказанные особенности и характеристики не отменяли модернизацию как таковую. Специалисты обоснованно указывают, что в 1930-х гг. наблюдалась механизация аграрного производства и ослабление его зависимости от природы, а валовые показатели сельского хозяйства демонстрировали тенденции роста [1, с. 35]. Если в 1913 г. наблюдалась самая высокая урожайность зерновых в досоветской России – 8,7 центнеров с га, – то во второй половине 1930-х гг., по мере организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, удалось не только превзойти этот уровень, но и добиться сравнительно устойчивой урожайности: в 1937 г. был урожай составил 9,3 центра с гектара, а в 1938 – 1941 гг. – от 7,3 до 8,6 центнеров с га [8, с. 125].

Не следует также забывать и о том, что коллективизация не может быть сведена исключительно к экономическим преобразованиям. В рамках этой политики была проведена своего рода «культурная революция» в деревне, был серьезно осовременен уклад жизни на селе. Колхозы являлись не только сельхозпредприятиями, но финансово и организационно участвовали, наряду с государством, в создании, обустройстве и поддержании функционирования сельской инфраструктуры, деревенских учреждений культуры, быта, образования, здравоохранения. В частности, в 1928 г. в детских садах и детских площадках на селе содержалось 142,6 тыс. детей, а в 1937 г. – 2 351,5 тыс. [10, с. 101] В 1929 г. в деревне имелось 112 541 школа и 227,6 тыс. учителей, а в 1939 гг., соответственно – 153 209 и 715,3 тыс. [10, с. 102] Библиотек в деревне к началу 1929 г. насчитывалось 20 894 (25,4 млн книг), а к началу 1939 г. – 61 636 (49,2 млн книг), число клубных учреждений – 29 984 и 95 274, число киноустановок – 4 104 и 18 802, и т. д. [10, с. 105] Рост численности означенных учреждений стимулировал развитие грамотности и культуры и на селе, улучшение

медицинского обслуживания сельских жителей, общее улучшение качества их жизни.

Констатируем, что вся жесткость осуществления политики коллективизации и весь негатив колхозной системы не отменяют того факта, что колхозное строительство 1930-х гг. представляло собой, помимо прочего, комплекс мер по модернизации аграрной сферы. Коллективизация, – впервые в истории России, – предстала собой целенаправленную политику по развитию сельского хозяйства и переводу всего жизнеустройства деревни на более высокий уровень. На протяжении 1930-х гг. были достигнуты заметные результаты не только в области аграрного производства (механизация основных операций в полеводстве, внедрение и соблюдение правил агротехники, и пр.), но и в развитии социальной сферы деревни. В конкретно-исторической ситуации, сложившейся на исходе 1920-х гг., коллективизация представляла собой наиболее реальный и результативный вариант преобразования деревни. Вместе с тем, не следует идеализировать коллективизацию и колхозную систему, поскольку негативные характеристики последней (бюрократизация, отрыв колхозников от средств производства и управления колхозами и т. п.) неизбежно и постоянно минимизировали эффективность ее функционирования. В колхозах изначально были заложены семена их гибели, что и случилось в 1990-х гг., когда колхозная система в одночасье рухнула вместе с Советским Союзом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабашкин В.В.* Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ. Дисс. ... докт. ист. наук. – Тамбов, 2010. – 43 с.
2. *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. – Ч. 2 / сост.: М.А. Вылцан, Л.В. Данилова, Е.В. Данилова. – М., РОССПЭН, 2011. – С. 122–148.
3. *Данилов В.П.* О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 49–80.
4. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1977. – 319 с.
5. *Кедров Н.Г.* Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова // Крестьяноведение. – 2019. – Том 4. – № 3. – С. 6–42.
6. *Мерль Ш.* Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / Под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. – М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – С. 88–147.
7. *Милютин В.* Пути развития сельского хозяйства // Пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сб. статей / Под ред. М.И. Лациса и И.И. Литвинова. – М.-Л., Гос-е изд-во, 1929. С. 5–18.
8. *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Урожайность хлебов в России. 1795 – 2007. – М., ИВ РАН, 2009. – 192 с.
9. Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов. – М., 1935. – 304 с.

10. Социалистическое сельское хозяйство СССР. Статистический сборник / Под ред. И.В. Саутина. – М.-Л., Госпланиздат, 1939. – 128 с.

УДК: 94(47).084.8.

В.А. Гижов

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,
г. Саратов, Россия

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 гг.)

Аннотация. Статья посвящена развитию сельского хозяйства СССР в первые послевоенные годы. Автор показывает сложную обстановку, которая сложилась в этой сфере вследствие Великой Отечественной войны. Рассматриваются составляющие послевоенного времени: влияние внешнеполитического фактора, неурожай, слабая оснащённость сельского хозяйства техникой, тяжелое положение колхозников и т.д. Делается вывод о том, что холодная война оказала самое непосредственное влияние на развитие общества, в том числе и на сферу сельского хозяйства.

Ключевые слова: голод, колхозы, сельское хозяйство, СССР, первые послевоенные годы.

V.A. Gizhov

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

AGRICULTURE OF THE USSR IN THE FIRST POST-WAR YEARS (1945–1953)

Abstract. The article is devoted to the development of agriculture in the USSR in the first post-war years. The author shows the difficult situation that has developed in this area as a result of the Great Patriotic War. The components of the post-war period are considered: the influence of the foreign policy factor, crop failure, poor equipment of agriculture with machinery, the plight of collective farmers, etc. It is concluded that the Cold War had the most direct impact on the development of society, including agriculture.

Key words: famine, collective farms, agriculture, the USSR, the first post-war years.

Сельское хозяйство представляет одну из традиционных сфер хозяйства. Важность этого вида экономики для жизнедеятельности общества всегда была высока, несмотря на изменения социального, политического, культурологического характера.

В данной статье автор попытается рассмотреть сельское хозяйство в СССР в первые послевоенные годы.

Сельское хозяйство СССР вышло из войны крайне ослабленным. В 1945 г. его валовая продукция составляла 60 % от довоенной, произошло значительное сокращение посевных площадей, падение культуры агротехники, был нанесен урон животноводству. Все это к тому же было усугублено тяжелейшей засухой 1946 г., охватившей ключевые зерновые районы страны – Украину, Молдавию, правобережье Среднего и Нижнего Поволжья, Центрально – Черноземную зону и Нечерноземье. Во многих регионах осадков не было до 70 дней подряд, что

не могло не сказаться на урожайности, которая в среднем по стране составила вдвое меньше чем в 1940 году и даже меньше показателей 1945 г. В итоге во всех категориях хозяйства собралось 39,6 млн т зерна, тогда как в 1940 г. – 95,6 млн т, а в 1945 г. – 43,7 млн т [2, с. 132]. Планы сдачи хлеба государству не были выполнены.

Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях справедливо ссылаясь и на другие причины: «Неурожай был вызван... кроме того, слабой механизацией сельского хозяйства, подорванного отсутствием тракторов, лошадей, волов. Недостаточно рабочей тягловой силы. Организация работ тоже была плохой; люди вернулись из армии, взялись за работу, но еще не притерся каждый как следует к своему месту, да и квалификация у одних была потеряна, а другие совсем ее не имели» [9, с. 202].

Однако, по мнению многих отечественных историков, не только вышеназванные причины стали причиной голода в 1946 г. Не менее важную роль сыграла совокупность субъективных факторов. Власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по пути организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в порядке обязательной разверстки уже после выполнения плана сдачи хлеба получали так называемую прибавку к плану. По сути, государство отбирало хлеб, предназначенный для распределения среди крестьян. Вместе с тем нельзя не учитывать внешнеполитический фактор, сыгравший определенную роль в 1946 г. Несмотря на продовольственные трудности, СССР продолжал экспортировать зерно за границу, прежде всего в страны Восточной Европы, в том числе и в 1946 г. – из страны было вывезено 1,7 млн тонн хлеба [7, с. 188]. Тем самым руководство Советского Союза стремилось показать экономические возможности своей страны, поддержать новые политические режимы в Юго-Восточной Европе и содействовать росту авторитета зарубежных компартий. Все это, в конечном счете, должно было способствовать укреплению международных позиций СССР.

В разгар голода появился ряд постановлений, которые ужесточали наказания за кражу, хищения хлеба и растрату государственного имущества. Предусматривались различные меры наказания, вплоть до расстрела. Строгость режима лишь незначительно смогла сдержать воровство хлеба, поскольку альтернативой ему для многих являлась смерть от голода. Поэтому неудивительно читать в одном из писем, изъятых органами государственной безопасности: «Мне не страшна тюрьма, там я могу получить кусок хлеба» [2, с. 134].

Кризисная ситуация привела к настоящему голоду, особенно на территориях, подвергшихся засухе 1946 года и опасному недоеданию в стране в целом. По данным историка В.Ф. Зимы, «...в период с 1946 г. по 1948 г. умерло от голода более 1 млн человек. Вследствие голодания переболели дизентерией, дисперсией, пневмонией и др. около 4 млн. человек, среди которых было еще около полумиллиона умерших» [4, с. 170].

В то же время техническая оснащенность колхозов, которые наряду с МТС определяли общую картину сельскохозяйственного производства в областях, оставалась слабой. Они имели в основном конно-ручные машины и орудия, со-

хранившиеся с довоенных лет, причем в недостаточном количестве, так как после войны промышленность выпускала преимущественно сложную технику, недоступную на деле для большинства хозяйств. Недостаток грузовых автомобилей, как и в первые послевоенные годы, обуславливал широкое использование скота для перевозки людей и грузов. Все это вело к затягиванию сроков полевых работ, их низкому качеству [1, с. 37–38].

Наряду с расширением материально-технической базы сельского хозяйства, важное значение в послевоенные годы придавалось укрупнению колхозов и совхозов. Советское руководство, с одной стороны, стремилось тем самым не только расширить материально-технические возможности хозяйств и обеспечить их быстрый подъем, внести изменения в систему производственных отношений в аграрном секторе, приблизив их к индустриальным. С другой стороны, политику по объединению хозяйств следует рассматривать, как продиктованную, прежде всего административными, нежели экономическими нуждами. Преимущества централизованного управления, возможности укрепления вертикали власти отодвигали на второй план экономические показатели сельского хозяйства.

Укрупнение колхозов и совхозов в СССР привело к расширению их материально-технических возможностей. Как и в центре произошло усиление централизации управления сельским хозяйством, партийного контроля над сельскими трудовыми коллективами. Попытки организационного укрепления колхозов и совхозов сопровождались дальнейшими мерами по дальнейшему разрушению традиционного уклада крестьянской жизни. Многие хозяйства представляли собой искусственные объединения нескольких, по существу самостоятельных хозяйств, территориально разбросанных, без учета региональных особенностей.

Одним из основных, а порою и единственным источником получения питания и дохода для колхозников являлись личные приусадебные участки (ЛПХ). Колхозники, в отличие от жителей городов не имели паспортов, имели неоплаченные отпуска и больничные листы [8, с. 75]. Естественно, что они тем или иным способом стремились увеличить их на одну–другую сотку. Процесс этот начался еще до Великой Отечественной войны, за счет освоения крестьянами пустующих земель, но затормозился в послевоенные годы. Крестьяне по объективным причинам крайне неохотно работали в колхозах, не вырабатывая полностью так называемого обязательного минимума трудодней [3, с. 263], принятого в каждом колхозе в качестве необходимой трудовой нормы. Своего рода ответом властей на складывающуюся ситуацию стало постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», в соответствии с которым устанавливались фиксированные размеры приусадебных участков, отрезались «излишки», отбирался скот, зерно, фураж и все возвращали в колхоз [3, с. 91].

На ограничение ЛПХ было направлено указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдельные районы лиц, злостно укло-

няющих от трудовой деятельности в сельской хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни».

В послевоенный период происходило увеличение налогов. Тем самым преследовались три задачи: получались дополнительные средства на развития промышленности в целом и ВПК в частности, сдерживался рост ЛПХ и создавались экономические условия для постепенной ликвидации единоличных хозяйств. В 1946 г. был повышен налог на личные приусадебные хозяйства, а в 1948 г. на 30 % увеличился главный налог с крестьян – сельскохозяйственный. [5, с. 111]. Но кроме этого существовали налоги на холостяков и малосемейных, рыболовный и билетный сборы, местные налоги [6, с. 51–52]. Государство использовало любую возможность для перераспределения финансовых средств в пользу постоянно растущей военной индустрии.

Таким образом, сельское хозяйство, пережившее тяжелые времена Великой Отечественной войны, в первые послевоенные годы ощутило все сложности воздействия государственной политики. Сталинский режим в условиях холодной войны был вынужден усиливать финансирование тяжелого промышленного производства, в ущерб сельскому хозяйству и легкой промышленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. – М.: Мысль, 1976. – 263 с.
2. *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. В 4-х т. Т. 3. 1946–1952. – М.: Госполитиздат, 1958. – 756 с.
4. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946 – 1947 годов: происхождения и последствия. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 265 с.
5. *Зима В.Ф.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конец 40-х – начало 50-х годов) // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109–125.
6. История России Новейшее время 1945–1999. Учебник для высших учебных заведений. /Под. ред. А.Б. Безбородова. – М.: Изд-во АСТ Олимпия, 2000. – 464 с.
7. *Кожин В.В.* Россия Век XX (1939–1964). – М.: Эксмо – Пресс, 2002. – 448 с.
8. *Романченко В.Я., Ножкина И.А., Шмыгина О.Н.* О некоторых методологических подходах к определению сущности и содержания советской социальной политики в деревне (период реформ 1950–1980-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2 (50). – С. 71–83.
9. *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. – М.: Вагриус, 1996. – 510 с.

УДК 94(47)

А.Н. Долгих

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

ОБРАЗ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ В РАБОТАХ П.А. ЗАЙОНЧКОВСКОГО (1904–1983)

Аннотация. Статья представляет собой одну из первых попыток в литературе анализа работ выдающегося советского историка П.А. Зайончковского, посвященных периоду правления в России Николая I, выявления образа самой этой эпохи, имея в виду те ее аспекты, которые были затронуты историком, а также методов исторического исследования, характерных для его творчества и их значению для развития науки тогда и сегодня.

Ключевые слова: П.А. Зайончковский, историография, Николай I, российское самодержавие, крестьянский вопрос, чиновничество, общественное движение.

A.N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

THE IMAGE OF NIKOLAYEV RUSSIA IN THE WORKS OF P. A. ZAYONCHKOVSKY (1904–1983)

Abstract. The article is one of the first attempts in the literature to analyze the works of the outstanding Soviet historian P. A. Zayonchkovsky devoted to the period of the reign of Nicholas I in Russia, to identify the image of this era itself, bearing in mind those aspects of it that were touched upon by the historian, as well as the methods of historical research characteristic of his work and their significance for the development of science then and today.

Keywords: P.A. Zayonchkovsky, historiography, Nicholas I, Russian autocracy, peasant question, bureaucracy, social movement.

Выдающийся советский историк П.А. Зайончковский оставил свой след, прежде всего, в изучении истории России второй половины XIX в.: истории реформы 1861 г. и проведения ее в жизнь, контрреформ времени Александра III, военных реформ Д.А. Милютина, политики самодержавия в отношении русской армии рубежа XIX–XX вв. Но не менее важным для отечественной историографии является его вклад в изучение последних десятилетий предреформенной России, в частности времени Николая I, чему и посвящена наша статья. Этой эпохе была посвящена его книга – «Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847)», содержание которой целиком соответствует изучаемой эпохе (нами использовано издание 1959 г.), а также частично монографии «Отмена крепостного права в России» (издание 1968 г.) и «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» [8; 10; 11].

Первая из них была сначала защищена в качестве кандидатской диссертации еще в 1940 г. под руководством Ю.В. Готье, младшего из учеников В.О. Ключевского. Понятно, что советским историкам не рекомендовалось в те годы заниматься не выгодными для пропаганды и агитации советского образа жизни эпохами, среди которых не последнее место занимало царствование Ни-

колая I – правление «посредственного человека с кругозором взводного командира», по выражению Ф. Энгельса [19, с. 30], на мнение которого опиралась тогдашняя советская историография. Если же необходимо было братья за это 30-летие, то тогдашнюю историографию интересовала главным образом борьба оппозиции (или революционного движения), против николаевской «системы». Поэтому выбор темы для исследования – Кирилло-Мефодиевское общество – был вполне закономерен, да и сама работа (даже в ее переиздании почти через 20 лет после написания) была вполне характерна для тех лет и не столь далеко ушла от прокрустова ложа и штампов историографии того времени. Однако в ней все же не было (по неизвестным нам причинам) ссылок на решения партии и правительства, на высказывания наших вождей (исключая здесь обращение к ленинским работам, вполне адекватным данной тематике).

В полном соответствии с традиционным изложением материала автор начал свое изучение проблемы с очерка, посвященного социально-экономическому развитию Российской империи и ее украинских губерний. П.А. Зайончковский писал о кризисе крепостничества во второй четверти XIX в., разложении крепостного хозяйства и развитии товарно-денежных отношений, росте барщинной эксплуатации владельческих крестьян, составлявших здесь большинство, что приводило «к массовому обнищанию крестьянства» и сопровождалось произволом помещиков в их отношении. Итогом являлась ситуация, при которой «положение крестьян ничем по существу не отличалось от рабства», а в Правобережье имел место и национальный гнет, так как «подавляющее число помещиков» там «принадлежало к польской шляхте». Следствием этого было нараставшее крестьянское движение, во многих случаях усмирявшееся военной силой. Вместе с тем все это вынуждало власти империи задумываться о необходимости преобразований в данной сфере. Автор подчеркивал разницу в позиции самодержавия: на Левобережье практически не предпринималось мер «для ограждения крестьян от помещичьего произвола», а вот в Киевской, Волынской и Подольской губерниях правительство, стремившееся «создать себе в лице крестьянства опору против польского дворянства, принимавшего активное участие в национально-освободительном движении», во второй половине 1840-х гг. по инициативе киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова ввело «инвентарные правила», ставшие теперь обязательными для помещиков. Правда, на деле, эффект от их введения был незначителен, и «положение крестьян... не претерпело... изменений, а правительство оказалось неспособным предпринять какие-либо действенные меры для проведения в жизнь» этих правил. Однако автор подробно не останавливался в этой книге на политике самодержавия в сфере крестьянского вопроса при Николае I, обращая лишь внимание на «исключительно политические соображения», которыми руководствовались власти империи в данном случае [8, с. 39, 42, 45, 47–50].

Однако реальная позиция историка была уже в ту пору, видимо, иной, в частности в отношении решения крестьянского вопроса, о чем он кратко напишет позднее в книге «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», отметив, что император Николай I «в течение всего своего царствова-

ния, точнее до 1848 г., думал об отмене крепостного права, понимая, что оно является "пороховым погребом" под государством. Правда, он имел в виду решить этот вопрос не сразу и, конечно, "безболезненно" в интересах дворянства» [11, с. 109]. Для нас совершенно ясно, что П.А. Зайончковский достаточно рано пришел к выводу об изменении направленности политического курса самодержавия в сторону смягчения крепостного права, хотя прямо об этом и не мог написать даже в своей книге об отмене крепостного права [10, с. 52]. Когда же в частном разговоре я высказал в начале 1980-х гг. ему эту мысль, он, узнав предварительно, сам ли я пришел к ней, ее одобрил. Но когда я сказал в ответ, что в его книге о крестьянской реформе «высказана противоположная мысль», он заметил, что, мол, «мало что там написано». То, что сегодня стало общеупотребительным, даже в те времена, в начале перестройки еще казалось крамольным. Но Петр Андреевич давно уже придерживался подобного мнения, явно здесь опережая свою эпоху.

Продолжая разговор о книге, посвященной Кирилло-Мефодиевскому обществу, заметим далее, что применительно к развитию промышленности историк говорил о постепенном вытеснении в николаевскую эпоху в ряде отраслей купеческой мануфактурой дворянскую вотчинную, а в 1840-е гг. отмечал и «зарождение капиталистических предприятий, основанных на механизированном труде», указывал на ведущую роль, например, на Украине «русского капитала», обращал внимание на развитие внутренней и внешней торговли, ремесленного производства, для которого в этот период стало характерным явлением «разложение мелких товаропроизводителей и развитие капиталистических отношений», на зарождение в том числе и «украинской буржуазии» [8, с. 50–55]. Вполне естественно, что кризис феодально-крепостнической системы (в отношении которого у нас и сегодня нет сомнений, несмотря на наличие в современной историографии иной точки зрения) [16, с. 400], по мнению П.А. Зайончковского, вызывал «оформление в России буржуазной идеологии».

При этом данный процесс, датированным им 1840-ми годами, «был тесно связан со складыванием нации... и развитием национальной культуры». Автор именовал два направления оппозиционной идеологии в России той поры – революционно-демократическое и либеральное – разными проявлениями «буржуазной» общественной мысли, причем «лишь в середине 40-х годов» наблюдались, по его мнению, «начальные моменты» их размежевания, «нашедшие свое выражение в разрыве Т.Н. Грановского с А.И. Герценом летом 1845 г.». В дальнейшем этот процесс усиливался, особенно с 1848 г., но до конца 1850-х гг., по его мнению, «оба направления выступали совместно в борьбе с крепостным правом». В целом, с этими положениями историка можно согласиться, но вот тезис о развитии «буржуазной» общественной мысли в данном контексте выглядит несколько преувеличенно, тем более традиционное тогда для отечественной историографии положение о «первой революционной ситуации» конца 1850-х – начала 1860-х гг. (так или иначе восходящее к ленинским трактовкам). Зато стоит обратить внимание на тонкое наблюдение историка насчет сходства двух оппозиционных направлений в общественной мысли той

поры: сюда не включен вопрос об их отношении к самодержавию, а лишь к крепостничеству [8, с. 55; 14, с. 218–219].

Подобные же явления имели место и на Украине, но они были замешаны также и на осознании ценностей своего народного быта, языка, фольклора, на развитии национальной культуры, тем более что «правительство Николая I вообще не признавало существования украинского народа и всячески стремилось к полнейшему слиянию "малороссийских" губерний с "Великороссией"». При этом, по мнению историка, «процесс складывания украинской нации обуславливал становление буржуазной идеологии, которая находила «свое выражение не только в развитии национальной культуры, но и в распространении идей национального освобождения» [8, с. 56–58]. Отражением этого явления стало и возникновение Кирилло-Мефодиевского общества.

Отметим, что само изложение материала о нем носит у П.А. Зайончковского суховатый характер, с нашей точки зрения, даже нарочито сдержанный. Создается впечатление, что данный текст дается в сокращении (что, возможно, было связано с ограниченным листажом для издания). Автор обращает отдельно внимание на социальный состав общества (оно «в основном состояло из представителей дворянской мелкопоместной молодежи Левобережья»), а также на националистический характер идеологии Общества, проникнутой «скорбью о родной Украине, страдающей под игом царизма...». Не говоря о многих других вопросах, связанных с Обществом, отметим здесь лишь следующее. Автором книги о Кирилло-Мефодиевском обществе обходится вопрос о Польском восстании 1830–1831 гг., довольно скользкий по тому времени, каковым он во многом остается и сегодня. Тем не менее П.А. Зайончковский все же коснулся этой проблемы, сославшись аккуратно на высказывание В.И. Ленина об огромной роли «шляхетского освободительного движения в Польше» и его влиянии на европейские дела, в том числе и на развитие общественного движения в России [8, с. 56, 78, 83; 15, с. 297].

Говоря о Т.Г. Шевченко, его роли в общественном движении эпохи и влиянии его на изучаемую организацию, П.А. Зайончковский отмечал, тем не менее, что этот выдающийся украинский поэт и мыслитель «не мог разделять ни программных, ни теоретических положений Общества, стоявшего, в основном, на реформистских позициях», в то время как сам он был, по словам историка, «идеологом крепостного крестьянства, стремившегося свергнуть иго феодализма» (здесь имел место, конечно, некоторый перебор в авторских оценках). Исследователь при этом не упоминал (что весьма многозначительно) традиционно отмечаемое в историографии громадное воздействие, которое оказывали произведения Шевченко на российское общество, тем более он не упоминает известное письмо В.Г. Белинского П.А. Анненкову декабря 1847 г. (очевидно, хорошо ему известное), где русский критик крайне негативно отзывался о творчестве поэта, соглашаясь с жестоким наказанием ему – сдачей его в солдаты – за поэму «Сон» (конец 1844 г.), где в крайне сатирической форме (можно сказать и сильнее) изображена была императорская семья, в особенности сама императрица, жена Николая I. Автор, по крайней мере, не писал о рьяной поддержке

со стороны этого «революционера-демократа» позиций Шевченко, что уже весьма много для той эпохи, когда издавалась эта книга П.А. Зайончковского и в ходу были подобные и удобные для тогдашней идеологии фальсификации прошлого. Показательно, что сам автор исследования обращает внимание на фактическом извращении данных о деятельности этой изучаемой им организации и особенно роли Т.Г. Шевченко в деле «революционирования» украинского крестьянства, имевшем место в тогдашней научной и научно-популярной литературе, что не соответствовало данным источников [1; 8, с. 74–76, 99–102]. Многие из этих положений будут в еще большей степени характерны для других книг маститого историка. Интересно, что нам, своим ученикам в свое время П.А. Зайончковский говорил о том, что не стал участвовать в подготовке собрания сочинений В.Г. Белинского, правда, в основном, из-за нежелания иметь дело с его интимными письмами не всегда пристойного содержания (которые и нельзя было публиковать к тому же по политическим и иным соображениям).

Б.С. Итенберг (как и многие другие ученики Зайончковского), указывал на его «непримиримость к искажению подлинных исторических реалий» [17, с. 102]. Заметим, что именно в годы хрущевской «оттепели» он открыто выступил в печати в газете «Известия» со статьей «О честности в науке» по сходной проблематике, что вызвало тогда большой шум в научной и околонаучной среде. В данном случае в той ситуации, очевидно, что это было максимумом того, что мог сделать историк [5, с. 29; 8, с. 102–104; 9; 17, с. 110–111].

Примерно в те же годы писалась и книга П.А. Зайончковского о крестьянской реформе 1861 г., ставшая классической (изд. 1954, 1960 гг.). Ее переиздание в 1968 г. мало что меняло в ней по сути. Стоит обратить внимание на ключевые оценки историка, касающиеся предреформенного периода. Говоря о кризисе крепостничества в последние десятилетия перед реформой, историк одновременно указывал на то, что представления «об упадке и деградации общего уровня сельскохозяйственного производства накануне реформы лишено каких-либо оснований» [10, с. 3, 5, 7, 9, 15], что отражало его довольно жесткую позицию в тогдашних спорах исследователей на эту тему.

Особенно стоит обратить внимание на тезис, скажем так, об идеологической подготовке крестьянской реформы общественным мнением (развитии гуманистических представлений в российском дворянстве на этот счет, ведущих свое начало, по нашему мнению, с произведений и статей Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского), на что в работах В.И. Ленина и советской историографии обычно и даже нарочито не обращалось внимания [4, с. 37]. П.А. Зайончковский не писал об этом прямо, но этот вывод, по крайней мере, частично вытекал из его изложения материала на эту тему. А в частных беседах он неоднократно высказывал подобные идеи, и фактически к подобным выводам стали постепенно приходить его ученики и их последователи, а с ними и вся отечественная историография. Нынешнее представление о подготовке крестьянской реформы практически не отличается от того, как об этом писал П.А. Зайончковский, разве что его довольно жесткие оценки реформы государственной деревни П.Д. Киселева, приведшей лишь к увеличению числа чиновников, сев-

ших на шею казенным крестьянам, могли быть и более сдержанными [6; 10, с. 30–31; 11, с. 110–112, 167]. Конечно, существуют сегодня и иные позиции на сей счет, например, у Б.Н. Миронова, отвергающего само понятие «кризис крепостничества», тем не менее даже он в определенном смысле развивает и идеи Зайончковского [16, с. 408].

Сама же эта картина создания реформы 1861 г. для советского времени была отнюдь не общеизвестной и распространенной; Зайончковский во многом вернулся к традиции изображения этого процесса в дореволюционной литературе, например, у того же А.А. Корнилова (о чем крайне неприязненно в свое время говорила, например, академик М.В. Нечкина). Эта идея о подготовке реформы частью дворянского сообщества, либеральной бюрократией и монархом была не в чести в тогдашней литературе, как и вообще занятия изучением внутренней политики самодержавия, тема, которую он, действительно, сумел «пробить» для себя и своих учеников [17, с. 105, 238–239].

Отдельно стоит сказать в данном контексте о его работе о русском чиновничестве, книге «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», где он стремился показать «влияние экономического развития страны на государственный аппарат» и его воздействие на социально-экономическое и социально-политическое развитие России. При этом период правления Николая I характеризуется им как эпоха «усиления принципов самодержавия, что находило свое выражение в крайней централизации управления», «российский абсолютизм в его военно-бюрократической форме», что в определенной степени было и отражением «кризиса феодально-крепостнической системы», причем самодержавие на этом этапе приближалось «к деспотии». Однако именно в данную эпоху всякого рода произвол чиновников на всех этажах власти, казнокрадство и коррупция захлестнули страну. При этом «высшая бюрократия во главе с Николаем I не в состоянии была предпринять какие-либо серьезные меры для пресечения всего этого. В этом, в частности, и сказывалось загнивание всей системы феодализма, в первую очередь его надстройки». Так звучит один из главных выводов этого исследования применительно к николаевской эпохе [11, с. 5, 56, 106, 142, 178, 224]. Хотел или не хотел этого автор книги, но политически данное положение звучало весьма актуально для реалий позднего советского времени.

Не забудем и его личностных характеристик ряда российских монархов, которые не были тогда типичны для советской историографии; кстати, ныне имеют место и иные их оценки (например, в отношении фигуры Александра III, особенно в отношении его влияния на экономическое развитие страны [13; 18, с. 14]), за существование которых он активно боролся, утверждая, что то, что он говорит, «не есть истина в последней инстанции». Заметим также, что диссидентом он не был и одновременно являлся патриотом своей страны, не любя И.В. Сталина за репрессии, а, например, М.Н. Покровского – за национальный нигилизм. Скажем также о его колоссальном пиетете к русской историографии рубежа XIX–XX в. (его выражение: «музыка имен»), неприятию им тезиса о «кризисе буржуазной историографии» того периода (разделяемого тогда мно-

гими историками, в том числе и некоторыми из его учеников) [2; 5, с. 28; 7, с. 6–7; 18, с. 180–181].

Многие положения работ П.А. Зайончковского встречали отпор официальных органов, выразившийся в искажениях его текстов цензурой. Известно, что при издании его книги «Правительственный аппарат самодержавной России» глава, где уделялось большое внимание неоднозначной личности Николая I, по словам С.В. Мироненко, «была радикально сокращена» в силу того, что ее автор отмечал особое внимание монарха к делу грядущего освобождения крестьян, к чему готовил своего наследника. Известно также, что в его книге «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий» цензурой на последнем этапе были выброшены примерно десяток страниц, где он давал характеристику последним правящим российским монархам и императорской фамилии, в частности выделяя здесь великих князей Константина Николаевича как инициатора ряда реформ, в том числе в морском ведомстве, Константина Константиновича как поэта и Николая Михайловича как историка. П.А. Зайончковский сам говорил, что там отмечалось и хорошее, и плохое у этих и других лиц из императорского окружения; а когда все позитивное убрали, тогда он снял и негативное. Получилось, что на с. 41 дается ссыла 27–50 – памятник советской цензуре, по нашему мнению, не всегда разумной [12, с. 41; 18, с. 24].

И когда сегодня некоторые, даже маститые историки (из категории тех, что, по выражению Е.А. Евтушенко, «здрав штаны, бегут за комсомолом»), утверждают *ex cathedra*, что Зайончковский «устарел», это представляется нам неверным, так как его метод исторического исследования, основанный на точном следовании данным источника (а не на его «методологической организации», как когда-то заявлял академик Н.М. Дружинин), не устареет никогда. *Ad fontes!* – говорили древние на сей счет. П.А. Зайончковский был верен этой формуле, в том числе и в отношении к дореформенной эпохе отечественной истории. Вообще говоря, П.А. Зайончковский, умерший в 1983 г., т.е. накануне «перестройки», как бы подводил итог развитию советской историографии, олицетворяя именно ее лучшую сторону – умение ставить и решать реальные проблемы, высокий уровень анализа источников и вообще аналитики, профессионализм, а также лучшие стороны дореволюционной русской исторической науки – скажем так, ее фактографию, позитивизм в хорошем смысле слова [18, с. 135, 196, 208–210]. Все это становится очевидным на фоне нынешнего упадка отечественной историографии. Особенно это касается именно профессионализма, неуважения к источнику, ставшее, к сожалению, нынешним «брендом» исторической науки и исторической публицистики [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12: Письма 1841–1848 /Подг. текста и примеч. К.П. Богаевской; ред. Ю.Г. Оксман. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 435–442, 568–572.

2. *Долгих А.Н.* К вопросу о современных оценках советской историографии: Н.П. Ерошкин // Гуманитарные исследования Центральной России. – № 1 (14), 2020. – С. 31–41.

3. Долгих А.Н. О крестьянском вопросе в России в предреформенную эпоху: к вопросу о кризисе современной исторической науки // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. д-ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 626–629.
4. Долгих А.Н. О некоторых проблемах истории крепостного права в России в работах В.И. Ленина // Проблемы аграрной истории России: материалы Третьей всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010): Липецк, 24 апреля 2020 года. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 33–40.
5. Долгих А.Н. О Петре Андреевиче Зайончковском (1904–1983): воспоминания ученика // Роль российского дворянства в формировании отечественной ментальности и государственности: Материалы Первой открытой научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Н.Н. Кузьмина. – Липецк: ИКиИ ФГБОУ ЛГПУ. Кафедра народного художественного творчества, 2013. – С. 26–30.
6. Долгих А.Н. Паллиативная реформа или грядущий бунт: мнение заинтересованного лица (А.Х. Бенкендорф о преобразованиях П.Д. Киселева в государственной деревне на рубеже 1830-х – 1840-х гг.) // История: факты и символы. Рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал. – № 4 (13). Елец, 2017. – С. 44–51.
7. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). – М.: Мысль, 1981. – 252 с.
8. Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М.: Издательство Московского университета, 1959. – 172 с.
9. Зайончковский П.А. О честности в науке // Известия. 16 апреля 1960 г.
10. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
11. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
12. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.
13. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 720 с.
14. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 26. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 209–265.
15. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. – Т. 25. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 255–320.
16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): В 2 т. Т. 1. – СПб., 1999. – 549 с.
17. П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 463 с.
18. Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс; МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 879 с.
19. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. – Т. 22. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – С. 11–52.

С.А. Ескалиев

Национальная академия образования имени И. Алтынсарина, г. Нур-Султан,
Республика Казахстан

У.Ш. Исмагулов

Актюбинский Региональный Университет имени К. Жубанова, г. Актобе,
Республика Казахстан

КАЗАХСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ О ПЕРЕХОДЕ КОЧЕВНИКОВ К ОСЕДАНИЮ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс оседания казахов – кочевников в XIX – начало XX вв. Автор указывает, что переход к земледелию в Казахстане проходил под влиянием капитализма и сокращения кочевок. Освещаются различные взгляды казахских просветителей на пути оседания казахских шаруа.

Ключевые слова: Оседлость, кочевой способ хозяйствования, казахские просветители, аграрный вопрос, земледелие.

S.A. Eskaliev

National Academy of Education named after I. Altynsarin, Nur-Sultan,
The Republic of Kazakhstan

U.Sh. Ismagulov

Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Aktobe, The Republic of Kazakhstan

KAZAKH EDUCATORS ABOUT THE TRANSITION OF NOMADS TO SETTLEMENT (XIX – EARLY XX CENTURY)

Abstract. This article examines the process of settling of Kazakhs-nomads in the 19th – early 20th centuries. The author points out that the transition to agriculture in Kazakhstan took place under the influence of capitalism and the reduction of migrations. Various views of Kazakh enlighteners on the path of settling Kazakh sharua are highlighted.

Key words: Settlement, nomadic farming, Kazakh enlighteners, agrarian question, agriculture.

Разрушение патриархальной замкнутости, разложение натурального хозяйства, широкое проникновение товарно-денежных отношений, рост торговли и спроса на хлеб не могли не создать благоприятной почвы, ускорившей переход к оседлости и земледелию в Казахстане.

В 90-х годах XIX в. переход к оседлости был ускорен изъятием земель в переселенческой фонд. Это привело к тому, что в ряде районов кочевники были вытеснены с лучших пастбищ. Изъятие земель вынуждало кочевников сокращать кочевки, искать подспорья в земледелии. Немалое значение в переходе к земледелию имело и обострение в этих условиях кризиса скотоводческого хозяйства, отразившегося в сокращении стада в результате исключительно тяжелых по своим последствиям джутов.

Во второй половине XIX в. оседали не только бедняки, но и зажиточные шаруа, стремившиеся приспособить свое хозяйство к потребностям рынка,

развивать его по новому пути. Оседание шаруа происходило почти одновременно по всему Казахстану, хотя сравнительно медленно.

Число переходивших от полукочевого образа жизни к оседлому постоянно увеличивалось. В первые годы оседлости жатаки (шаруа-крестьяне) сочетали земледелие со скотоводством, затем большее внимание стали уделять земледелию, а скотоводство стало подспорьем к нему. В летнее время они переезжали в поле, к пастбищам, расположенным вблизи пашен. К концу XIX в. такой образ жизни вели жатаки Кустанайского, Актюбинского уездов Тургайской области, Уральского, Темирского уездов Уральской области, Атбасарского, Петропавловского, Акмолинского, Кокчетавского уездов Акмолинской области, Семипалатинского, Павлодарского, Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области и др. По словам ревизовавшего Туркестанский край сенатора К.К. Палена, «в Семиречье, в местах, пригодных для земледелия, они (казахские шаруа. – Ред.) ведут оседлое хозяйство, обрабатывая главным образом прилегающие к зимовым стойбищам земли и отгоняя на летнее время свой скот для выпаса в горы. Многие зимовки по типу своему напоминают обычные для нашего юга крестьянские мазанки» [1].

Состояние земледелия казахского аула изучаемого периода описано в трудах многих дореволюционных авторов. Среди них выделяется Султан Тлеу Сейдалин, который в 1870 г. опубликовал статью «О хлебопашестве на реке Тургае» [2]. В ней описывается история возникновения и развития земледелия в Тургайской степи, способы возделывания полей, состояние сельскохозяйственных орудий, приводятся интересные данные о количестве егинши (земледельцев), о перспективах дальнейшего развития земледелия, об урожайности, сбыте продукции и т. д.

Во II половине XIX-начале XX века казахском обществе формируется новая генерация интеллектуальной элиты, воспитанной на национальных традициях и получивших, помимо мусульманского духовного, европейское воспитание в российских университетах и институтах, а также специальных учебных заведениях среднего звена и гимназиях. Пути развития своего народа к передовой цивилизации, приспособление к реалиям колониальной зависимости они видели в просветительстве, через которое можно было бы выйти из тупика.

Именно этими благородными целями руководствовались в свое время выдающиеся казахские просветители А. Кунанбаев, Ч. Валиханов, И. Алтынсарин. В современной научной литературе совершенно верно называют Абая и его современников просветителями, а рубеж XIX–XX вв. выделяют как этап «нового просветительства». Идеи Абая были подхвачены по эстафете и развиты интеллигенцией начала XX в. Вместе с тем новое просветительство динамично обогащалось передовыми для своего времени идеями: утверждение национального самосознания, поиски путей переустройства традиционного общества, отстаивание интересов своего народа и т.д.

Ч. Валиханов с одобрением относился к оседанию, считал его ступенью к цивилизации. По его мнению, кочевые народы могут сохранить свое политическое существование путем оседания. Ибо «одного только страшного набега достаточно, – писал он, – чтобы обессилить навсегда кочевой народ, лишить его скота, т. е. силы, обезоружить» [3].

Абай Кунанбаев связывал значение оседания шаруа с экономическими сдвигами аула, с развитием земледелия [4].

О массовом переходе казахских шаруа из кочевого на полуоседлый и частично оседлый образ жизни говорится, например, в докладе военного губернатора Тургайской области от 23 апреля 1897 г., адресованном министру внутренних дел. Губернатор писал: «Наибольшие успехи в Тургайской области замечаются в отношении перехода киргизов от чисто кочевого образа жизни к кочевому-полуоседлому. Киргизов, не имеющих постоянных жилищ и постоянно переменяющих места кочевков, в настоящее время из общего числа 70 134 кибиток имеется только 7297 кибиток, или 13 %» [5].

После принятия внесенной председателем Совета Министров Столыпиным, земельной реформы, решающей проблемы российских крестьян путем переселения в Степной край, переселенческое движение приобрело еще больший размах. Казахскую интеллигенцию, как выразителя мнения народа, сильно обеспокоили передача земель в государственную собственность, разрушение зимовий предков. В связи с этим, вокруг земельного вопроса на страницах казахской периодической печати столкнулись два полярных мнения. Если первые – поддерживали строительство городов, переход на оседлый образ жизни и занятие растениеводством, то вторые – были категорически против, считая, что в условиях проводимой царской администрацией политики, те, кто занимается скотоводством, должны по-прежнему придерживаться кочевой жизни, а оседлые должны растить хлеб. Обе точки зрения были обоснованы и аргументированы.

Выступающие за оседлость доказывали, что в нынешних условиях лучше получить свой пай плодородных земель, чем уступать ее мужикам; пусть хоть 15 десятин, но зато самые благоприятные, да и на привычной земле останутся. А если народ соберется в городах и больших поселках, то появится возможность упрочить единство, строить мечети, медресе, открывать школы, пойти по пути культурно развитых стран. Такой точки зрения придерживались и пропагандировали такие известные общественные деятели, как Мухамеджан Сералин, депутат II-й Государственной Думы Бакытжан Каратай, Жаханша Сейдалин.

Мухамеджан Сералин писал в одной из публикаций: «Я верю, что если мы будем строить города, то будем жить не хуже других народов. Убеждаюсь в этом, когда вижу вполне обеспеченную жизнь казахов в окрестностях Акмечети, Туркестана, Ташкента, Самарканда, Коканда, выращивающих прекрасные сады, возделывающих рис» [6]. Обращаясь к истории древних народов, он также показывает на превосходства оседлой жизни: «В древности, в мире было немало сильных кочевых народов, но все они исчезли и канули в небытие. За ними не осталось никаких следов (например, хазары). Исчезло с лица земли и

немало оседлых народов, однако, большинство из них оставило о себе память до сегодняшних дней и мы знаем – какая у них была наука, культура и искусство (например, римляне, греки, древние булгары, египтяне эпохи фараонов и др.) [7].

Другая группа казахской интеллигенции – депутат I – й Государственной Думы Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов, депутат II-й Государственной Думы Мухамеджан Тынышбаев, Халел Досмухамедов – придерживались второго взгляда.

Они считали, что занимающиеся разведением скота должны оставаться кочевыми, а землепашцы – оседлыми. Политика царского правительства по увеличению переселения на казахские земли крестьян из внутренних районов России, преследовала целью легко разрешить аграрные проблемы самой России. Для проведения этой политики и было создано «Переселенческое управление». Оно занялось всесторонним исследованием Степного края, провело пересчет коренного населения и скота, подсчитало возможности изъятия земель. По одобренной и утвержденной Советом Министров 9 июня 1909 года инструкции было введено две нормы на землю. Одна – для кочевников, другая – для оседлых [8].

В дискуссии о том, какая из этих двух норм более приемлема для казахов, Алихан Букейханов писал в газете «Қазақ»: «Читатели журнала «Айкап» и газеты «Қазақ» видят, что мы, взявшие на себя роль советчиков народа, раскололись на два лагеря. Одни из нас призывают брать по 15 десятин земли, считая это во благо казахов, а другие твердят – не берите, никакого проку от этого не будет. В схватке мнений некоторые доходят даже до грубостей. В споре рождается истина, а без схватки жизнь стала бы скучна и уподобилась тюрьме. Поэтому выскажу свое мнение: «По нашему разумению, хозяйственная деятельность человека формируется долгими годами и через немалые трудности. Испокон веков занимавшийся разведением скота народ, получив от русских по 15 десятин, не сможет стать в один момент земледельцем. Скотоводство – это вам не шапка на голове, которую можно снять при встрече важного господина. Если, существующий только за счет разведения скота, народ возьмет по 15 десятин земли, то это все равно, что на большую ногу приобрести малую обувь. Поэтому мы советуем вам, не спешите брать по 15 десятин, подумайте, ведь на таком малом клочке земли казахи не смогут растить и размножать скот...» [9].

В своем труде «Киргизы», он писал, «что современная хозяйственная жизнь последних (т.е. казахов) не укладывается в простую форму примитивной экономики полудикого кочевника, постоянно меняющего место стоянки и передвигающегося со своими стадами в поисках для них подножного корма и лучшего водопоя. Былое, чисто пастушеское хозяйство киргизов, постепенно уступает место смешанному земледельческо – пастушескому типу» [10].

Следовательно, А.Н. Букейхан предполагал, что казахский народ постепенно перейдет к смешанному скотоводческо – земледельческому типу хозяйства. При этом оседание произойдет значительно быстрее там, где, по его мнению,

«естественно – исторические условия и экономическая конъюнктура оказались благоприятными для развития земледелия», и соответственно переход к оседлости не может произойти там, где «плохая почва, скудность атмосферных осадков и отдаленность от рынков делают земледелие в сколько-нибудь значительных размерах невозможным» [10]. Учитывая эти и другие не менее важные факторы (традиционный уклад жизни, уровень экономики и т.д.), он делает заключение, что казахам данный исторический период (капитализм) нужно пройти естественным, эволюционным путем, без интенсивного, насильственного вмешательства извне, бывшего, по мнению А.Н. Букейхана, пагубным для казахов. Прийти к правильному осмыслению этого, ключевого для казахского общества, вопроса и, всесторонне взвесив все аргументы, довести до народа – было главной потребностью времени и целью образованной национальной интеллигенции, порожденной жизненной необходимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦГИА России. – Ф. 1291, Оп. 84, д. 1907, л. 28, 81.
2. Записки Оренбургского отдела РГО, вып. 1. – Казань, 1870. С. 234–257.
3. Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. 1. – Алма-Ата, 1961. – С. 346–347; Чокан Валиханов и современность: (сборник материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч.Валиханова). – Алма-Ата: Наука, 1988. – 15 с.
4. Абай Кунанбаев. Избранные произведения. Алма-Ата 1958.
5. ЦГИА России, 1291, Оп. 84, ед.хр. 6, лл. 8–17.
6. «Айкап», 1911, №10.
7. «Айкап», 1911, №11.
8. Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905–1907). Учебное пособие. – Алматы: «Арыс», 2000. – 53 с.
9. Қыр баласы // «Қазақ», 1913. – № 28–29.
10. Букейханов А. Киргизы. В кн.: Казахи о русских до 1917 года. Общество исследования Средней Азии. – Оксфорд, 1985. – С. 22.

О.В. Жимбуева

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
имени В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия

КУЛЬТУРА СЕЛА БУРЯТ-МОНГОЛИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается состояние культурной сферы села Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны: возросшее влияние культурно-просветительской деятельности государственно-партийных работников, показан патриотический подъем народных масс, участие творческой интеллигенции в культурной жизни сельчан, анализируется роль газет, радио, кино, плакатов, рассмотрены вопросы о культурно-бытовой сфере села военного периода.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, Великая Отечественная война, село, культурно-просветительская работа, патриотизма, агитация, художественная самодеятельность.

O.V. Zhimbueva

Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov, Ulan-Ude, Russia

CULTURE OF THE VILLAGE OF BURYAT-MONGOLIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract. The article examines the state of the cultural sphere of the village of Buryat-Mongolia during the Great Patriotic War: the increased influence of cultural and educational activities of state and party workers, shows the patriotic rise of the masses, the participation of the creative intelligentsia in the cultural life of the villagers, analyzes the role of newspapers, radio, cinema, posters, considers questions about the cultural and household sphere of the village of the war period.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR, the Great Patriotic War, village, cultural and educational work, patriotism, agitation, amateur art.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для сельского населения нашей страны. Прежде всего нужно принять во внимание, что немцы захватили огромные территории, на которых до 1941 года производили 38 % зерна, 84 % сахара, 38 % поголовья крупного рогатого скота, 60 % свиней [2]. Обеспечение фронта и тыла продовольствием оказалось возложено на местности, свободные от оккупации, и в их ряду – на Бурят-Монголию.

Еще до войны в селах Бурятии были проведены преобразования в культурной сфере: появились школы, клубы, библиотеки, избы читальни, сельсоветы, МТС, сформировалась сельская интеллигенция – медработники, ветврачи, зоотехники, агрономы, бухгалтеры, председатели, учителя. Новые культурные достижения были вызваны масштабными преобразованиями советской власти во всех сферах общественной жизни и подверглись серьезному испытанию с первых дней войны [7].

Деревня стала источником многих ресурсов для фронта, в том числе и людских, однако количество колхозов оставалось прежним, кроме случаев объединения некоторых хозяйств. Лишения военного времени коснулись не только

материально-технической базы села, но и всех сторон повседневной жизни: рабочего времени и досуга, будней и праздников, социального взаимодействия. У сельчан изменился график сна, питания, отдыха. Подтверждение тому звучало в выступлениях сельчан на митингах и собраниях в поддержку армии: «Мы, колхозники и колхозницы...высказываем свое негодование, презрение к заклятым врагам народа и все, как один объявляем себя в мобилизационной готовности. Берем на себя социалистическое обязательство...провести сеноуборку в 15–18 рабочих дней, в ближайшие 5–7 дней полностью внести деньги на заем, подготовиться к проведению хлебоуборки, к 15 июля закончить сдачу зерна авансом государству в счет обязательных поставок 1941 г.» [8].

Органы власти с первых дней войны уделяли большое внимание нематериальным аспектам мотивации сельчан, воспитанию населения в духе патриотизма, стремились выявить людские ресурсы в условиях мобилизации основных кадров на фронт, укрепить моральный дух армии и всего народа.

Большое значение в годы войны среди населения, особенно сельского, приобрели массовые формы политической агитации: митинги и собрания, беседы и читки газет, устройство газетных витрин, выпуск стенных газет и боевых листов, организация выступлений художественной самодеятельности и выставок, показ кинофильмов. Увеличилась сеть радиотрансляционных точек [11]. Среди населения проводилась постоянная агитационно-просветительская работа. Агитаторы выступали перед колхозниками в перерывах либо после трудовой смены и в выходные дни.

Агитационную работу в свое личное время вели представители сельской интеллигенции, партийные и хозяйственные руководители. Агитаторы не только «несли в массы большевистское слово», но и «самоотверженным трудом помогали ковать победу над врагом» [14].

Особенно успешно вели агитационно-просветительскую работу школьные учителя. Об этом упоминается, например, в газетных публикациях: «Лучшими агитаторами были учителя Буйнов, Шалтыков, Буянтуев, Хошиктуев и колхозница Будаева» [10]. Учителя выступали с лекциями на политические, агротехнические и научно-популярные темы. Радовали колхозников своими выступлениями школьники из кружков художественной самодеятельности. Таким образом, сельские школы, несмотря на большие трудности: отсев учащихся и нехватку учителей, все годы войны оставались центрами не только образовательной, но и культурно-просветительской деятельности [2].

Все годы войны в республике не прекращали работу клубы, дома культуры, избы-читальни, библиотеки. К весне 1945 года в сельской местности в рамках агитационно-массовой работы активно развивалась художественная самодеятельность. Интересным явлением культурной жизни был показ агитколлективами одноактных пьес на полевых станах.

Большой популярностью у сельчан пользовался показ кинокартин. Вот один из примеров: «Кинемеханик Иволгинского аймака Толстихин в дни весеннего сева 1945 года исполнял обязанности заведующего аймачным отделом кинофикации. Апрельский план он перевыполнил, обслужив звуковой кинопередвиж-

кой 21 колхоз» В Бурят-Монгольской правде под заголовком «Успех передвижного агитпункта» была напечатана заметка о передвижном агитпункте обкома ВКП (б), который за 42 дня поездки по республике обслужил 14 МТС, 12 колхозов и 6 аймачных центров в Иволгинском, Селенгинском, Кяхтинском, Кударинском, Бичурском, Мухоршибирском и Тарбагатайском аймаках. Передвижной агитпункт провел 45 киносеансов для 7500 человек [13].

На культурную жизнь села большое влияние оказывала работа деятелей литературы, музыкального, театрального и художественного искусства республики.

В начале войны очень многие деятели культуры ушли на фронт, а те, кто остались в тылу, выступали не только в цехах заводов, в воинских частях и госпиталях, но и на колхозных и совхозных станах. Спектакли, политические плакаты, стихотворения, поэмы, публицистические статьи, исторические очерки, романы, массовые песни, марши, симфонии, кантаты помогали поддерживать патриотический настрой и верить в победу [5].

Артисты Бурят-Монгольского национального музыкально-драматического театра все годы войны провели в гастрольных выступлениях по районам Бурят-Монгольской АССР, показывали постановки по произведениям русской и мировой классики: «Евгений Онегин» П. Чайковского, «Фауст» Ш. Гуно, «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева. Были в их репертуаре и национальные пьесы местных драматургов: «Бабжа-барас-батор», «Снайпер», «Сын народа» и другие [4].

В Иволгинском аймаке БМАССР в 1942 году состоялась выставка работ, посвященная 700-летию Ледового побоища. В экспозиции было большое количество рисунков, плакатов и диаграмм. В этом же году была организована выставка картин о героических моментах на фронте и в тылу «Великая Отечественная война». Художниками Ц.С. Сампиловым, Р.С. Мэрдэевым, А.И. Тиминим и др. проводилась работа по оформлению агитпунктов, выпуску стенных газет, боевых листков, лозунгов, плакатов для клубов и госпиталей.

Во время посевной кампании были специальные выезды для художественного оформления полевых станков. Местные газеты опубликовали около 10 рисунков и 20 карикатур на тему войны. За период с 1941 по 1945 гг. было создано 50 плакатов и 170 номеров «агитокон». Надписи к рисункам и плакатам писали поэты С. Дунаев, Х. Намсараев, Ц. Галсанов. Отдельные заглавия работ звучали как лозунги-призывы: «Готовы на фронт!» М. Шестаковой, «Разрешите на фронт!», «Фашистам нет места!» Р. Мэрдэева, «Руки вверх!» А. Тимина [9].

Выступая перед сельчанами, деятели культуры содействовали патриотической кампании по сбору средств в Фонд обороны. В газете Бурят-Монгольская правда за 17 января 1943 года вышел материал под заголовком «Деньги и ценности – в Фонд строительства танков», в котором говорится, что бригада Союза советских писателей БМАССР в составе Х.Н. Намсараева, И.Г. Балдано и А.И. Шадаева 10 и 11 января в клубах колхозов им. Тельмана и им. Кирова выступили с чткой художественных произведений. После окончания художественной части заслуженный деятель искусств РСФСР И.Г. Балдано сделал со-

общение о приветственной телеграмме т. Сталина на имя секретаря обкома ВКП (б) т. Игнатьева колхозникам и колхозницам нашей республики, внесшим 23 миллиона рублей на постройку авиаэскадрильи «Социалистическая Бурят-Монголия». Колхозники... с большим подъемом стали вносить деньги и ценности на сооружение танковой колонны имени 25-летия Красной Армии... Всего было внесено 90 серебряных пуговиц, 8 трубок, 1 пара серег, 1 серебряные часы, 6 цепочек, 5 ложек, 4 кольца, 3 шапочных украшения и др., 2350 рублей было передано деньгами [5].

Колхозы в период Великой Отечественной войны показали свою жизнеспособность тем, что смогли в очень тяжелых условиях сохранить и даже увеличить уровень поставок продовольствия стране. Например, размер сдачи скота увеличился на 320 %. В 1943 г. в БМАССР посеяли свыше 2 тыс. га сахарной свеклы, увеличили посевы картофеля, перевыполнили госпоставки по зерну [1].

Культурная жизнь села Бурят-Монгольской республики в годы Великой Отечественной войны формировалась и направлялась в общем для всей страны духе патриотизма, самоотверженности, мужества, боевого и трудового героизма. Народ искал и находил для себя возможности для творческого самовыражения, черпал в культурной жизни силы, чтобы противостоять горю и бедствиям войны. В сельской местности, с ее условиями тесного проживания и коллективного труда, культура приобрела значение фактора, еще более объединяющего людей и усиливающего патриотический настрой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. – Новосибирск, 1993. – С. 432.
2. *Бальхаева И.Х.* Подготовка кадров учителей в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны//<https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-kadrov-uchiteley-v-buryatmongolskoj-assr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>//дата обращения 12.08.2021 г.
3. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1947. – С. 42.
4. Деньги и ценности – в Фонд строительства танков // Бурят-Монгольская правда, 1943. – 17 января.
5. Доклад Председателя военно-шефской комиссии начальнику Управления по делам искусств при СНК БМАССР о количестве проведенных концертов и о необходимости отметить наиболее отличившихся работников (18 апреля 1942 года).– ФР. 955. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 6, 6а –<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/208936> дата обращения 12.09.2021 г.
6. *Дугарнимаев Ц.А.* Тема войны в бурятской литературе // Байкал. – 1975. – № 2. – С. 143–145.
7. *Зайцева Л.А.* Сельское хозяйство Бурятии (1930–1950-е годы) – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – 280 с.
8. История Бурятской АССР. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – Т. 2. – С. 448.
9. *Кириченко С.В.* Творческая интеллигенция Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – 2020. – Т. 31. – С. 44–51.
10. *Коновалов С.* Сила большевистской агитации // Бурят-Монгольская правда, 1941. – 3 августа.

11. Санжиева Л.Б. Роль печати в укреплении единства фронта и тыла в 1941–1943 гг. (На материалах БАССР) // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. – Новосибирск, 1980. – С. 170–180.

12. Телеграмма И.В. Сталина народному художнику республики Ц. Сампилову // Бурят-Монгольская правда. – 1944. – 20 декабря

13. Успех передвижного агитпункта // Бурят-Монгольская правда. – 1945. – 4 апреля.

14. Юмсунов Д. Любовь к бойцам героической армии // Бурят-Монгольская правда 1941. – 30 сентября

УДК 94(47).084

В.С. Жукова

Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

ПРОВЕДЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ/ОКРУГА)

Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

Аннотация. В статье на основе статистических данных рассматривается начальный этап создания коллективных хозяйств на территории Вологодской губернии/округа. Прослежены основные тенденции при проведении преобразований сельского хозяйства в конце 1920-х годов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, крестьянство, земля, средства производства, коллективизация, колхоз, кооперация.

V.S. Zhukova

Vologda State University, Vologda, Russia

CONDUCTING COLLECTIVATION IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA (ON THE MATERIALS OF VOLOGDA PROVINCE / DISTRICT)

The article was prepared within the framework of the project "Agriculture in the context of modernization of the European North of Russia in the 1920s – 1930s", carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (20-09-00238 a).

Abstract. Based on statistical data, the article examines the initial stage of creating collective farms on the territory of the Vologda province / district. The main tendencies in carrying out reforms in agriculture in the late 1920s are traced.

Key words: agriculture, peasantry, land, means of production, collectivization, collective farm, cooperation.

Наличие земли является важнейшим фактором существования крестьянского хозяйства. Как говорил В.П. Данилов «Земля – естественное условие и основное средство сельскохозяйственного производства. Ее распределение и использование относится к важнейшим условиям крестьянской жизни» [2: С. 71]. Де-

крет о земле исключал землю из хозяйственного оборота и передавал в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов для распределения между крестьянами [3: С. 17]. Право пользования землей получали все граждане на условиях обработки ее собственным трудом на основе уравнительного землепользования – конфискованная земля распределялась либо по «едокам», либо по «трудоульной норме».

Закон о социализации земли закреплял право надела землей по потребительско-трудоульной норме, вызывал ежегодные ее переделы [3: С. 411]. Это явление исключало возможность улучшения в сельском хозяйстве и поднятия его производительности. На протяжении 1919 года выходит ряд документов которые должны были урегулировать беспорядочный передел земли: Положение о социалистическом землеустройстве [9: №4: Ст. 43.], Инструкция по применению Положения о социалистическом землеустройстве [9: № 39–40: Ст. 384]: крестьянское землепользование должно было оставаться в границах 1918г., но передел продолжался. 20 июля 1919г. Нарком земледелия С.П. Середа утвердил «Временные правила о порядке производства внутринадельных переделов земли» [9: № 36: Ст. 362]. Суть их сводилась к тому, что беспорядочные земельные переделы, не сопровождавшиеся землеустройством, в принципе нежелательны и без ведома земотделов запрещались, особенно там, где они были произведены в 1918 г. В документе всячески поощрялись крестьянские хозяйства, которые вводили многопольные севообороты, расширяли посевы технических культур. В связи с важностью циркуляр Наркомзема РСФСР был включен в Собрание узаконений Советского правительства. Еще до принятия соответствующего декрета в феврале 1920 г. Наркомзем разослал на места телеграммы о том, чтобы в посевную компанию строго соблюдался циркуляр о запрещении беспорядочных переделов. 30 апреля 1920 г. указания Наркомзема были закреплены декретом «О переделах земли» [10: № 35, Ст. 170]. Переделы земель были ограничены сроком трех севооборотов, т. е. не менее чем девятью годами [4: С. 43–58].

С 1 декабря 1922 г. был введен в действие Земельный кодекс РСФСР, в котором регулировались основные вопросы, касающиеся земельных отношений в преамбуле в статье 1–2 говорилось: «... право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах Российской Социалистической Федеративной, Советской Республике отменяются навсегда. Все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они не состояли, составляют собственность Рабоче-Крестьянского государства» [7: С. 156]. Далее говорилось, что вся земля составляет единый государственный земельный фонд и право пользования этим фондом предоставляется трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям. Таким образом, Земельный и Гражданский кодексы оформили и регулировали поземельные и гражданские правоотношения периода новой экономической политики, закрепляли право государственной собственности на землю и запрещали куплю-продажу земли. «Земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота», – статья 21 Гражданского кодекса РСФСР [7:

С. 179]. Таким образом, земля исключалась из частного оборота и это лишало возможности концентрации земельной собственности в руках собственников.

В дальнейшем выходят постановления, направленные на дальнейшее развитие сельского хозяйства. Так, в Постановлении СНК СССР от 2 марта 1928 г. «О плане государственных мероприятий по сельскому хозяйству на 1927–1928 гг.», указывалось, что «отставание развития сельского хозяйства от потребностей всего народного хозяйства требует наряду, с мерами общей экономической политики, проведения следующих мероприятий: усиления и расширения производительной деятельности советских и коллективных хозяйств и увеличения их культурного влияния на единоличные крестьянские хозяйства» [8: №15: Ст. 126]. В этом документе также говорилось «о проведении землеустройства с сопутствующими ему расселением и мелиорацией». 15 декабря 1928 г. вышло Постановление ЦИК СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» в нем закреплялись права трудящихся на землю. Преимуществом пользовались «сельскохозяйственные коллективы, а также бедняцкое и середняцкое безземельное и малоземельное население» (статья 8) [8: № 69: Ст. 642].

Таким образом, мы видим, что советское законодательство выводило землю за пределы частной собственности и наделяло лишь правом пользования с преимуществом перед коллективным использованием в противовес индивидуальному. Данные законодательные акты подготавливали последующий этап в истории населения нашей страны.

Исходя из отчета Вологодского окружкома земельного управления за 1928/29 г. мы имеем следующие данные (табл. 1). Отмечается, что за текущий год увеличивается площадь земель разного назначения эксплуатируемой колхозами [5: С. 211]. В отчете говорится, что на колхоз в среднем приходилось от 50 до 300 га. В таблице мы видим, что площадь всех земель, эксплуатируемая колхозами на 1 октября 1928 г., выросла более чем в 5 раз.

Таблица 1

Земельная площадь колхозов Вологодской губернии 1927–1928 гг.

Земля:	На 1 октября 1927 г.	На 1 октября 1928 г.
усадебная	128,75	2979
пашня	1272,0	6370,8
сенокос	1170,5	8243,7
выгон	1543,0	6229,3
лес	1270,75	4583,7
Итого удобной	5385,0	28406,5
неудобной	276,6	1358,4
Всей земли	5661,0	29764,9

Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. (1927–1937 гг.): [Сборник документов] / Под ред. А. А. Сталь (глав. ред.) [и др.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964. – С. 211.

Взгляды В.И. Ленина по отношению к кооперации сложились в дореволюционное время, но следует отметить, что они имели некоторую трансформацию и были зафиксированы в работе «О кооперации» (1923 г.). Он отмечал, что переход к кооперированию займет довольно большой отрезок времени. Этот переход должен был, по его мысли, сопровождаться организованной культурной работой среди крестьянства и составит целую эпоху [6: С. 376]. Следует отметить, что принципами кооперирования являются в первую очередь добровольность объединения, заинтересованность, самостоятельность, а также последовательный переход от более простых форм к сложным.

Данный подход нашел отражение на XII съезде партии среди некоторых членов партии. Н.И. Бухарин пошел еще дальше и развил идею о том, что не следует бороться с частнособственническим характером крестьян, а наоборот нужно его использовать. Кооперация должна нести выгоду крестьянам в виде дешевого кредита и более выгодных цен на сельскохозяйственную и хорошего качества промышленную продукцию. Вовлеченные в кооперацию крестьяне будут укреплять свои хозяйства и становиться сначала середнячками, а затем и кулачками. Таким образом, он приходил к мысли о постепенной естественной ликвидации дифференциации в деревне [1: С. 42–46]. Кроме того, данный политический деятель выступал за продолжение НЭПа и выдвигал в докладе на собрании актива Московской организации в 1925 г. не привычный большевикам тезис «обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство...мы должны вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы» [1: С. 31].

Таблица 2

*Формы коллективного хозяйствования Вологодской губернии
в 1923–1929 гг.*

Формы объединений	Количество организованных объединений за период						
	1923	1924	1925	1926	На I/X 1927 г.	На I/X 1928 г.	На I/XII 1929 г.
С/х коммуны	2	2	4	1	4	11	50
Земледельческие артели	35	9	12	7	16	49	281
Товарищества по совместной обработке земли	42	20	17	29	31	105	137
Машинные товарищества	3	19	45	54	Нет сведений		
Всего	82	50	78	91	51	165	468

Источник: Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. (1927–1937 гг.): [Сборник документов] / Под ред. А. А. Сталь (глав. ред.) [и др.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964. – С. 37, 207.

Вопреки этому решение о переходе к коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. и проводилась в СССР в 1928–1937 гг. Как известно

в 1927 г. разразился новый хлебозаготовительный кризис и это событие подтолкнуло к использованию «чрезвычайных мер» при проведении хлебозаготовок. Рассмотрим, каким образом шло становление и развитие основных форм объединения крестьян в Вологодской губернии с 1923 по 1929 гг. (табл. 2). В 1923 г. было создано 82 разного рода объединений, из которых большее количество приходилось на товарищества по совместной обработке земли – 42, что составляло 51 % [5: С. 37, 207]. Второе место занимали земледельческие артели в количестве 35 (43 %). Третье и четвертое место соответственно занимали машинные товарищества – 3 (4 %) и сельскохозяйственные коммуны – 2 (2 %). Из таблицы мы видим, что наибольшее количество объединений было организовано в 1929 г. – 468, большинство из них приходилось на земледельческие артели – 281 (60 %). Исходя из данных наименее популярным видом объединения среди крестьян Вологодской губернии оставалась сельскохозяйственная коммуна.

При вступлении в колхоз происходило обобществление средств производства, в зависимости от формы объединения изменялась и степень обобществления.

Таблица 3

***Обеспеченность колхозов рабочей силой, скотом и с/х инвентарем,
по данным обследования колхозов в 1926 г.***

	Число обследованных колхозов	Трудоспособных членов	Рабочего скота	Рогатого скота	С/х машин и орудий	Жилых и хозяйственных построек
С/х коммуны	4	66	20	62	52	50
Земледельческие артели	14	364	92	323	251	220
Товарищества по совместной обработке земли	20	612	163	345	280	-

Источник: Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. (1927–1937 гг.): [Сборник документов] / Под ред. А. А. Сталь (глав. ред.) [и др.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964. – С. 39.

Рассмотрим обеспеченность колхозов Вологодской губернии в 1926 г. рабочей силой, скотом, сельскохозяйственным инвентарем (табл. 3). В 1926 г. в Вологодской губернии было обследовано 4 сельскохозяйственные коммуны, 14 земледельческих артелей и 20 товариществ по совместной обработке земли [5: С. 39]. Наиболее обеспеченными рабочей силой были товарищества по совместной обработке земли в среднем 30–31 членов состояло в объединении, в

артели – 26, в коммуне – 16. Рабочим скотом так же были более обеспечены товарищества в среднем 8 лошадей, артели – 5–6 лошадей, коммуны – 5. Что касается обеспечения рогатым скотом, сельскохозяйственными машинами и орудиями, жилыми и хозяйственными постройками были в большей степени обеспечены артели в среднем – 23, 18 и 15–16 соответственно. При вступлении в товарищества обобществление не касалось жилых и хозяйственных построек. Кроме этого, скот и орудия труда в товариществах имели статус не обобществленного, а совместно используемого.

Первоначально, отмечал Н.И. Бухарин, «ясное дело, что в некоторых кооперативных объединениях будут преобладать бедняки, в других – середняки, в третьих – кулаки [1: С. 47]. Отмечается, что в 1927/28 г. в Вологодской губернии по данным выборочного обследования средний размер колхоза 12 дворов с площадью всей земли 225 га. Рассмотрим социальный состав колхозов Вологодского округа сложившийся к 1 июня 1930 г. (табл. 4). Как мы видим социальный состав довольно сильно отличался по видам колхозов [5: С. 93]. Так, в товариществах по совместной обработке земли большее количество было середняков – 71,7 %, бедняки составляли 21,6 % и довольно большой процент приходился на зажиточных – 6,7 %, батраков в данном объединении не было. В сельскохозяйственных коммунах совсем не было зажиточных, но были батраки и большей частью в них состояли бедняки – 66,6 %. В земледельческих артелях большинство было за батраками и бедняками. Суммарно на них приходилось 56,3 %. Довольно большой процент приходился на середняков – 42,5 %. Таким образом, мы видим, что была некоторая дифференциация, которая находилась в прямой зависимости от степени обобществления имущества.

Таблица 4

Социальный состав колхозов Вологодской губернии в 1927/28 г.

Виды колхозов	Количество	Социальный состав в %			
		батраки	бедняки	середняки	зжиточные
С/х коммуны	5	4,9	66,6	28,5	-
Земледельческие артели	11	6,3	50,0	42,5	1,2
Товарищества по совместной обработке земли	32	-	21,6	71,7	6,7
В среднем		1,6	29,7	63,5	5,2

Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. (1927–1937 гг.): [Сборник документов] / Под ред. А. А. Сталь (глав. ред.) [и др.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964. – С. 93.

К 1 июня 1930 г. произошли существенные изменения в социальном составе колхозов Вологодского округа [5: С. 358]. Исходя из данных таблицы 5 мы видим, что в целом по округу большая часть крестьян вступивших в колхоз имела статус бедняка – 45,8 %, середняков было 39 %, батраков 7,5 %, служащих – 6,5 %, рабочих – 1,2 %. Последних двух категорий в ранее создаваемых колхо-

зах не было. Общие тенденции распределения количества разных социальных групп представленных в колхозах Вологодского округа наблюдались в семи районах: Грязовецком, Чебсарском, Кубено-Озерском, Харовском, Вожегодском, Тотемском, Леденском. В некоторых районах были и свои особенности. Так, в районах с развитой промышленностью, например, в Свердловском в колхозах был зафиксирован довольно большой процент служащих – 20,3 %. В некоторых районах процент вошедших в колхоз середняков был выше процента бедняков: Усть-Кубенский (43,0 % – середняков, 42,1 % – бедняков, Толшменский (58,7 % и 30,4 % соответственно), Сямженский (47,4 % и 45,2 % соответственно), Кокшенгский (47,8 % и 36,1 % соответственно).

Таблица 5

Социальный состав колхозов Вологодского округа на 1 июня 1930 г.

Район	Количество колхозов	В них членов	Социальное положение				
			батраки	бедняки	середняки	рабочие	служащие
Вологодский	27	1432	108	602	550	40	132
Грязовецкий	52	2945	265	1509	979	63	129
Чебсарский	43	2304	224	1342	574	20	144
Кубено-Озерский	38	1856	139	848	718	25	126
Харовский	41	1415	62	644	640	15	54
Свердловский	28	1449	118	612	403	22	294
Усть-Кубенский	36	1646	113	693	707	24	109
Шуйский	13	537	30	293	158	9	47
Вожегодский	51	3164	237	1445	1284	43	155
Толшменский	38	1807	104	549	1060	1	93
Сямженский	26	1376	53	622	652	2	47
Тотемский	20	1235	103	549	523	2	58
Леденский	13	571	52	352	132	-	35
Кокшенгский	18	1177	113	425	563	6	70
По Вологодскому округу	444	22914	1721	10485	8943	272	1493

Источник: Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. (1927–1937 гг.): [Сборник документов] / Под ред. А. А. Сталь (глав. ред.) [и др.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964. – С. 358.

Таким образом, мы видим, что на территории Вологодской губернии, а затем Вологодского округа довольно активно идут преобразования связанные с организацией и функционированием разных коллективных форм производства. Они отличались степенью обобществления имущества и как производное от этого социальным составом. Более имущие крестьяне не были готовы сделать свое имущество общим достоянием и чаще входили в товарищества по совместной обработке земли. Беднейшим слоям крестьянства нечего было терять и поэтому они входили в объединения с большей степенью обобществления – коммуны. В целом только под нажимом государства процесс создания коллективных хо-

зййств пошел быстрее и сопровождался с «вычищением кулака из колхозов» со всеми для них вытекающими последствиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бухарин Н.И.* О новой экономической политике и наших задачах : доклад на собрании актива Московской организации, 17 апреля 1925 года. – [Харьков], 1925.
2. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977.
3. Декреты Советской власти. – Т. 1. – М., 1957.
4. *Жукова В.С.* Система землепользования и структура капитала крестьянского хозяйства Европейского Севера России в 1920-х годах // Регионализация и глобализация: общественные процессы в России и на Европейском Севере в XX–XXI веках: сборник научных статей. М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова» ; [отв. ред.: Шубин С. И., Журавлев П. С., Подоплекин А. О.]. – Архангельск, 2007.
5. Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. (1927–1937 гг.) [Текст] : [Сборник документов] / Под ред. А. А. Сталь (глав. ред.) [и др.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., Т. 45.
7. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917–1954. – М., 1954.
8. СЗ. 1928.
9. СУ, 1919.
10. СУ, 1920.

УДК 94(47).084.8

Л.В. Изюмова

Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

КОРПУС ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируется изменение численности и состава председателей колхозов Европейского Севера России в годы Великой Отечественной войны. В качестве основной источниковой базы использованы делопроизводственные документы партийных и советских органов, материалы статистики. В статье показано, что в годы войны изменились условия работы в колхозе, состав руководителей часто менялся, что в целом негативно отражалось на колхозном производстве.

Ключевые слова: колхоз; колхозное крестьянство; колхозное производство; председатель колхоза; трудовые ресурсы; Великая Отечественная война.

L.V. Izyumova

Vologda State University, Vologda, Russia

CORPS OF CHAIRMANTS OF COLLECTIVE FARMS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article analyzes the change in the number and composition of collective farm chairmen in the European North of Russia during the Great Patriotic War. As the main source base used office documents of party and Soviet bodies, statistical materials. The article shows that during the war years, the working conditions on the collective farm changed, the composition of the leaders changed frequently, which, on the whole, had a negative effect on collective farm production.

Key words: collective farm; collective farm peasantry; collective farm production; collective farm chairman; labor resources; The Great Patriotic War.

Великая Отечественная война резко оборвала привычное течение мирной жизни. С первых дней войны начались масштабные мобилизации в действующую армию мужской трудоспособной части населения, что привело к значительному ухудшению качества трудовых ресурсов, особенно в колхозной деревне, где понятие «бронь» не действовало. По воспоминаниям очевидцев, кроме стариков, женщин и детей «в деревне оставались мужчины-инвалиды, хотя в то время колхозники не пользовались пособиями по больничным листам, а, значит, им не определялась и инвалидность, т. е. мужчины со слабым здоровьем и не достигшие 18-летнего возраста. В 1942 г. ситуация на фронтах складывалась так напряженно, что стали мобилизовывать и всех остальных [мужчин], исключая стариков» [1, с. 31]. Согласно сводным годовым отчетам колхозов, численность трудоспособных мужчин (от 16 до 60 лет), принимавших участие в колхозных работах, сократилась в Архангельской области с 51,4 тыс. чел. в 1940 г. до 14,1 тыс. в 1944 г. (т. е. сократилась в 3,6 раза), в Вологодской области соответственно с 157,5 тыс. до 38,6 тыс. (в 4 раза), в Коми АССР – с 26,5 тыс. до 5,8 тыс. (в 4,6 раза). Доля мужчин трудоспособного возраста в 1944 г. составила в Архангельской области 7 % от общего числа колхозников, принимавших участие в колхозных работах, в Вологодской области соответственно 8,8 %, в Коми АССР – 6,7 %. В период войны в колхозах Европейского Севера России на долю трудоспособных мужчин приходилось 11–17 % всех выработанных трудодней (в довоенный период этот показатель составлял 40–43 %) [12, с. 47]. Основной рабочей силой деревни были женщины, старики и подростки. В связи резким сокращением объема механизированных работ МТС, а также уменьшением поголовья рабочего скота в колхозах, возросла доля ручного труда и в целом трудовая нагрузка колхозников. Несмотря на резко ухудшившиеся условия жизни и работы, все силы и энергия сельских тружеников были направлена на то, чтобы обеспечить сражающуюся с врагом армию всем необходимым, сделать все возможное, чтобы приблизить окончание войны.

В условиях войны колхозное производство оставалось под жестким контролем советских и партийных органов. Особое внимание уделялось работе председателей колхозов, которые несли персональную ответственность за выполне-

ние колхозом и колхозниками всех плановых показателей и обязательств. Обратимся к анализу основных изменений в численности и составе председательского корпуса в условиях Великой Отечественной войны.

За период войны на Европейском Севере произошло сокращение числа сельскохозяйственных артелей. Численность председателей колхозов сократилась в Архангельской области с 2165 человек в 1939 г. до 1771 в 1945 г., в Вологодской области соответственно с 5813 человек до 5158, в Коми АССР – с 703 до 671, в Карело-Финской АССР – с 865 до 802 [7, л. 77; 10, л. 131].

В связи с мобилизацией в действующую армию мужчин, среди колхозных руководителей возросла доля женщин. Известны случаи, когда жены заменили на руководящем посту своих мужей. Например, в сентябре 1941 г. председатель колхоз «Большевик» Белозерского района Вологодской области Лебедев был призван в армию – колхоз возглавила его жена, которая по мнению районных властей неплохо справлялась с руководящей работой: в «Справке о состоянии работы с колхозными руководящими кадрами в Белозерском районе» (март 1942 г.) отмечалось, что этот колхоз «хорошо готовится к зиме», «усиленно проходит заготовка удобрений» [4, л. 38]. Приведем еще один пример, в сентябре 1943 г. в колхозе «Борьба» Петриневского района Вологодской области председателем избрали рядовую колхозницу Денисову Е.А., 1910 г.р., беспартийную. В документе о ее избрании отмечается, что Денисова «сельское хозяйство знает хорошо, авторитетом среди населения пользуется» [3, л. 19].

Отметим, что в предвоенные годы удельный вес женщин в составе председателей колхозов был незначительным: в 1939 г. в Архангельской области этот показатель составил 2,1 %, в Вологодской области – 3,7 %, в Коми АССР – 0,9 %, в Карело-Финской ССР – 12,1 %, в среднем по РСФСР – 3,1 % [8, л. 39]. В 1944 г. удельный вес женщин в составе председателей колхозов составил в Архангельской области 10,6 %, в Вологодской области – 19,4 %, в Коми АССР – 18,6 %, в Карело-Финской ССР – 26,3 %, в среднем по РСФСР – 14,9 % [9, л. 83, 85, 86]. С окончанием войны происходило сокращение удельного веса женщин в составе руководителей колхозов: по данным на 1 января 1946 г. этот показатель составил в Архангельской области 8,4 %, в Вологодской области – 16,5 %, в Коми АССР – 15 %, в Карело-Финской ССР – 25,9 %, в среднем по РСФСР – 10,4 % [10, л. 131, 134]. Уже в последние годы войны применялось негласное решение – назначать на руководящие должности демобилизованных из армии мужчин-орденоносцев. В Вологодской области, например, на 1 ноября 1947 г. 26 % от общего числа председателей колхозов были бывшие военные, демобилизованные из армии после 1 июля 1945 г. [6, л. 31].

В условиях войны сохранялась проблема нестабильности состава председателей колхозов. Например, в предвоенные годы в колхозах Архангельской области работали до одного года в 1939 г. 46,6 % общего числа председателей колхозов, в 1940 г. – 37,2 %; в Вологодской области соответственно 50,5 % и 37,1 %, в Коми АССР – 44,7 % и 41,8 %, в среднем по колхозам РСФСР этот показатель составил соответственно 50,4 % и 43,1 % [7, л. 77, 78; 8, л. 39]. По данным на 1 января 1945 г. в Архангельской области имели стаж работы до од-

ного года 24,2 % председателей колхозов, от 1 до 3-х лет – 41,2 %, в Вологодской области соответственно – 23,1 % и 44,5 %, в Карело-Финской ССР – 67,5 % и 16,5 %, в Коми АССР – 24,7 % и 48,9 %, в целом по РСФСР – 37,2 % и 39,8 % [9, л. 83, 85, 86]. Образовательный уровень председателей колхозов оставался крайне низким. Основная масса руководителей колхозов зачастую не имела образования даже в объеме начальной школы.

Частая смена председателей колхозов объясняется разными причинами. Самая распространенная из них – мобилизация мужчин в действующую армию. Некоторые руководители колхозов, в условиях обострения кадровой проблемы, переводились на другую руководящую работу, например, председателями сельских советов, руководителями заготовительных организаций, председателями в отстающие колхозы и проч. Значительная часть руководителей колхозов отстранялась от должности с формулировкой «не справился с работой». Приведем конкретный пример. В 1943 г. в Пришекснинском районе Вологодской области сменились 39 председателей колхозов (29 % от общего числа), из них 15 человек (38,5 %) были призваны в РККА, 4 человека (10 %) перешли на другую работу, 2 человека (5 %) – отстранены от должности «за злоупотребления», 2 человека (5 %) – по болезни, 2 человека (5 %) – по семейным обстоятельствам, 14 человек (36 %) – «сняты с работы как несправившиеся» [5, л. 37].

Необходимо отметить, что в годы войны и назначение, и снятие с должности председателя колхоза требовало предварительного согласования в обкоме партии. Например, на свой запрос от 13 мая 1942 г. секретарь Петриневского райкома ВКП(б) Вологодской области Егорова получила следующее согласование от заместителя заведующего отделом кадров Вологодского областного комитета ВКП(б): «Рассмотрев представленный Вами материал на освобождение и замену председателей колхозов: им. Сталина – Черняева И.Е., «Трактор» – Балаева А.И., «Частобой» – Бибикова Н.Е., им. Ворошилова – Логинова Т.В., отдел кадров ОК ВКП(б) санкционирует освобождение с работы вышеуказанных председателей колхозов, как необеспечивших руководство колхозами, и с выдвинутыми Вами кандидатурами на председателей колхозов: им. Сталина – Вздоровым Н.М., «Трактор» – Еричевым М.А. «Частобой» – Смирновым А.А., им. Ворошилова – Смирновым А.Н. согласен. Освобождение с работы вышеуказанных предколхозов и избрание взамен их проведите на общем колхозном собрании в соответствии с Уставом с\х артели» [2, л. 1]. Иногда снятие председателя колхоза происходило без предварительной санкции обкома, по требованиям колхозников (о чем также необходимо было известить обком партии). Например, 23 июня 1942 г. на общем собрании в колхозе «Бронь» Петриневского района Вологодской области обсуждался вопрос о работе председателя Лебедева. На собрании присутствовал представитель райкома партии Смирнов. Колхозники потребовали отстранить Лебедева от работы, особенно их возмущало грубое отношение председателя к рядовым колхозникам (в отчете Смирнова приводились слова Лебедева в адрес колхозников: «Заморю вас голодом; мне никто не укажет; пока не опухли – хлеба не дам...») [2, л. 16].

В годы войны во главе колхоза зачастую оказывались случайные люди, в том числе из эвакуированного населения, городские «выдвиженцы», направленные в деревню в порядке «укрепления руководящих колхозных кадров» и др. Районные власти признавали, что для таких руководителей работа председателя воспринималась как временная, поэтому они не стремятся вступить в члены колхоза, глубоко вникать во все проблемы колхозной жизни. Вместе с тем, в период войны от позиции колхозного руководителя, от его личных и деловых качеств нередко зависело выживание семей колхозников. В условиях резкого обесценивания трудодня и, соответственно, сокращения доходов от общественного хозяйства, любая дополнительная материальная помощь была важна для сельских жителей. Но в тоже время, если становилось известным, что председатель колхоза раздавал зерно колхозникам из семенного фонда или вместо сдачи госпоставок, его действия квалифицировались как хищение социалистической собственности и в отношении такого руководителя принимались жесткие меры. Так, за IV квартал 1941 г. в колхозах Вологодской области за «разбазаривание колхозного скота и хлеба» были привлечено к суду 11 председателей колхозов, из них 1 человек получил условное наказание, 7 человек – осуждены на срок от 1 до 3-х лет, 3 человека – от 3 до 5 лет. В докладе «Об изучении судебной практики народных судов по Вологодской области по делам о растратах и хищениях в IV квартале 1941 г.» отмечалось, что в период военной обстановки мера наказания в отношении 7-ми человек «является мягкой..., а также недопустимо применять условное осуждение за разбазаривание колхозного скота, хлеба и других продуктов» [11, л. 230].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны должность председателя колхоза оставалось ключевой в организации общественного хозяйства и жизни колхозной деревни. В условиях войны по вполне закономерным причинам состав председателей колхозов часто менялся, что, безусловно, отражалось на работе общественного хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Г.П.* Воспоминания о войне // Историческое краеведение и архивы: материалы областной научной конференции. Вып. 12. – Вологда: Упр. по делам архивов Администрации Вологодской области, 2006. – Ч. II. – 160 с.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 89. Оп. 10. Д. 80.
3. ВОАНПИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 83.
4. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 426.
5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 361.
6. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 63.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3428.
8. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3436.
9. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3472.
10. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3480.
11. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 435.
12. *Изюмова Л.В.* Трудовые ресурсы колхозов Европейского Севера России в годы Великой Отечественной войны // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Некрасов-

ские чтения» памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006), 5–6 декабря 2019 года. – Вологда: ВоГУ, 2020. – 267 с.

УДК: 332, 930

В.Ф. Исайчиков

Журнал «Просвещение», г. Москва, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПОСЛЕ 20-Х ГОДОВ XXI ВЕКА – ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ. ЧАСТЬ I

Аннотация. В работе предложено рассматривать в качестве главного (но скрытого) фактора развития России и СССР в конце XIX – начале XX веков и всего мира (в том числе России) после 20-х годов XXI века – фактор голода. В «Общем введении» даётся общий подход к внешне не связанным явлениям, а в первом разделе «Исторические проблемы развития сельского хозяйства СССР в 20-е годы XX века» рассматриваются реальные и возможные пути развития сельского хозяйства России и СССР до 20-х годов XX века, и, в частности, вопрос о мере допустимости частнохозяйственных укладов при строительстве социализма исходя, в первую очередь, из взглядов В.И. Ленина.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрное перенаселение, голод, Россия–СССР, Великая Октябрьская социалистическая революция, «военный коммунизм», НЭП.

V.F. Isaichikov

Magazine "Education", Moscow, Russia

HISTORICAL PROBLEMS OF AGRICULTURE DEVELOPMENT IN THE USSR IN THE 20S OF THE XX CENTURY AND THE PROSPECTS OF AGRICULTURE DEVELOPMENT AFTER THE 20S OF THE XXI CENTURY – QUESTIONS ASKING. PART I

Abstract. The paper proposes to consider the factor of hunger as the main (but hidden) factor in the development of Russia and the USSR in the late 19th – early 20th centuries and the whole world (including Russia) after the 1920s. The "General Introduction" provides a general approach to seemingly unrelated phenomena, and the first section "Historical problems of the development of agriculture in the USSR in the 20s of the XX century" discusses the real and possible ways of development of agriculture in Russia and the USSR until the 20s of the XX century. century, and, in particular, the question of the degree of admissibility of private economic structures in the construction of socialism, proceeding, first of all, from the views of V.I. Lenin.

Key words: agriculture, agrarian overpopulation, famine, Russia-USSR, Great October Socialist Revolution, "war communism", NEP.

В связи с большим количеством поднятых вопросов и объемом работа разбита на три части. В «Общем введении» дается подход к исследуемым проблемам исходя из главного (но скрытого) фактора развития рассматриваемого общества (России и СССР в конце XIX – начале XX веков) и всего мира (в том числе России) после 20-х годов XXI века – фактора голода. В первом разделе

«Исторические проблемы развития сельского хозяйства СССР в 20-е годы XX века» рассматриваются реальные и возможные пути развития сельского хозяйства России и СССР до 20-х годов XX века, и, в частности, вопрос о мере допустимости частнохозяйственных укладов при строительстве социализма. Во втором разделе «Перспективы развития сельского хозяйства после 20-х годов XXI века» будут изложены перспективы развития мирового сообщества (включая Россию) в целом и сельского хозяйства в частности в условиях приближения глобальной эколого-экономической катастрофы. (Эта часть в состав настоящего доклада не входит).

Общее введение

Рассмотрение проблем (вариантов) развития сельского хозяйства СССР в 20-е годы *post festum* было бы так же малоинтересным, как делёж шкуры убитого в прошлом медведя, если бы оно не упиралось в нерешенные вопросы классовой природы советского социализма и не имело бы перспектив для практического применения в будущем (хотя и вряд ли в России). Эти проблемы имеют историко-экономический характер, и при их рассмотрении необходим не столько анализ новых фактов (фактов по истории советского сельского хозяйства вполне достаточно), сколько их новое осмысление (иногда – не совсем новое, а хорошо забытое старое).

Рассмотрение перспектив развития сельского хозяйства после 20-х годов XXI века имеет принципиально иной характер, ибо в условиях надвигающегося не бывалого ранее глобального эколого-экономического кризиса (или даже катастрофы) анализировать (экстраполировать) необходимо не только известные ранее тенденции, но и пытаться предугадать совершенно новые явления.

И та и другая задача требовали бы обширных исследований, если их пытаться решать в полном объеме; особенно это касается вопросов перспектив развития, ибо с этой задачей в настоящее время не справляются большие коллективы в международном масштабе. Поэтому автор решает только на малую задачу – сформулировать те вопросы, которые кажутся ему ключевыми для решения обеих проблем. Само соединение этих вопросов в одной работе было бы не слишком логичным, если бы оба этих вопроса не лежали в области научных интересов автора и не имели точек соприкосновения. Главная из этих точек – это то, что и проблемы сельского хозяйства России (с середины XIX века) имевшие и причиной, и следствием экологические факторы, и глобальные угрозы экологической катастрофы начинались и могут закончиться голодом.

Для человека, как и для всех животных, регулятором численности популяции в обычных условиях является ограниченность пищи; но, в отличие от животных, для которых голод и вызванные им болезни являются практически единственными регуляторами, человек как «общественное животное» применяет и регуляторы, определяемые его общественной природой, например, ограничением рождаемости (монашество различного вида и др.); убийство стариков и детей; войнами как для захвата источников пищи, так и для сокращения численности населения собственного общества [например 1, 2].

Кроме воздействия природной среды на человека, которое ограничивает продуктивность сельского хозяйства, человек своей деятельностью сам воздействует на природную среду, при этом может не только повышаться продуктивность сельского хозяйства, но и иногда подрываются условия для ведения хозяйства. В некоторых случаях это воздействие было весьма значительным, например, опустынивание степей и полупустынь Северной Африки чрезмерным выпасом скота, но при этом воздействие человека носило локальный характер. Пренебрегая флуктуациями, вызванными как природными катаклизмами, так и неумеренной деятельностью человека, при этом можно считать, что малая скорость повышения продуктивности сельского хозяйства приводила и к малой скорости роста населения.

Однако развитие капитализма и внедрение в сельское хозяйство научных разработок привело к тому, что уже в XIX веке произошло резкое увеличение продуктивности сельского хозяйства, голод временно перестал играть роль основного регулятора численности населения, в первую очередь, для стран капиталистической метрополии. О сознательном регулировании численности населения в этих странах стали постепенно забывать, в них падала как рождаемость, так и смертность, и проблема перенаселения, в первую очередь, аграрного, перестала быть значимой. Но это повышение уровня жизни развитых стран обеспечивалось не только за счет роста производительности труда, но и за счёт неэквивалентного обмена со странами периферии и прямого колониального ограбления. В странах периферийного капитализма продолжали и частично продолжают действовать докапиталистические методы регулирования населения при том, что уровень жизни населения (в первую очередь, крестьянства) падал.

Исторические проблемы развития сельского хозяйства СССР в 20-е годы XX века

Исторические проблемы развития сельского хозяйства СССР в 20-е годы XX века нельзя понять, если не обратиться к предыстории вопроса.

В России крестьянская бедность и аграрное перенаселение во второй половине XIX века были действенными факторами; российское крестьянство не только систематически недоедало, но и периодически голодало, несмотря на то, что страна являлась экспортером зерна [3, с. 64]. И печально знаменитые слова российского министра «Недоедим, но вывезем» – это не просто яркая фраза, это жестокая правда. Та правда, которая позволила Н. Некрасову сказать: «В мире есть царь, этот царь беспощаден, Голод – название ему». На рубеже веков аграрное перенаселение в стране было уже крайне большим: «К 1900 г. избыток рабочей силы в деревне по разным оценкам составлял от 9 до 56 %» [4, с. 291] (в отдельных регионах – до 70 %). Следует отметить важную особенность аграрного перенаселения в России – при том, что в стране был в среднем большой избыток работников, вследствие слабой технической оснащённости на отдельные технологические операции работников в страду не хватало, и хозяйства от бедняцких до кулацких были вынуждены прибегать к найму [5, с. 107].

Нельзя не отметить, что аграрное перенаселение в России приводило к значительным экологическим проблемам (хотя и локальным с общемировой точки зрения). И если во второй половине XIX века из-за перевыпаса образование сыпучих песков в Северной Черниговщине было локальным в масштабах России [6], то образование из-за свода лесов и непомерной распашки земель овражной сети в Черноземье, не только делающей непригодной для сельскохозяйственного производства часть земель, но и понижающей уровень грунтовых вод – это уже значительное экологическое воздействие на природу. Тяжесть периодических засух в южных районах России усугублялась и этими изменениями экологического состояния региона. Например, в ЦЧО распаханность земель в отдельных уездах достигала 80–82 %, что превышало среднюю распаханность в Германии и Франции (около 50 %) [3, с. 69].

При этом бедность российского крестьянства усугублялась паразитизмом помещиков, а также другими пережитками крепостничества и патриархальности. Российское крестьянство попало в заколдованный круг – аграрное перенаселение приводило к бедности, а бедность не давала возможности повышения продуктивности сельского хозяйства и быстрого роста промышленности, не только способную забирать из села «лишнее» население, но и обеспечивать сельское хозяйство новой техникой и технологией.

Вопрос сугубо академический – были ли у России в первой половине XIX века объективные возможности не попасть в петлю крестьянской бедности и аграрного перенаселения за счёт рывка в развитие промышленности, когда отставание от передовых стран Европы было ещё невелико, автор оставляет для любителей. Но исходить следует из факта, что со второй половины XIX века отставание России от передовых стран стало увеличиваться, Россия попала в положение страны периферийного капитализма, а крестьяне стали всё больше страдать от недоедания, которое периодически превращалось в голод.

У самодержавия был теоретический шанс превратиться из помещичьего в «кулацкое», сменив классовую опору с 28 тысяч семей богатых помещиков на миллионы капиталистических крестьян («кулаков»), ликвидируя как паразитизм помещиков, так и остатки реакционной общинности. В связи с этим возникает второй сугубо академический вопрос: были ли у самодержавия объективные возможности капиталистической трансформации и превращения феодальной монархии в монархию парламентскую, капиталистическую?

Как известно, этот исторический шанс для России тоже оказался неиспользованным, и страна двигалась к крестьянской антифеодальной революции, запоздалой на век по сравнению с передовыми странами – и в новых общественных условиях, когда в стране появился достаточно крупный пролетариат, готовый к социалистической революции. При этом, по мнению большинства теоретиков (включая Маркса и Энгельса), малочисленный российский пролетариат и общинное крестьянство пошли бы к социализму вслед за пролетариатом Западной Европы.

Однако крестьянские восстания 1902 года, а затем и опыт Первой русской революции показали Ленину, что в России возможна не предсказанная класси-

ками диктатура пролетариата, а совместная «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [7]. Однако даже в собственной партии эта формулировка не была поддержана, и в официальных документах фигурировала не совместная классовая диктатура, а диктатура пролетариата, ведущего за собой крестьянство. Эта формулировка фактически следовала мнению Каутского, поскольку к этому времени в Западной Европе крестьянство и другие классы уже потеряли не только большинство в населении, но и революционный потенциал – но она не соответствовала условиям России.

Феодално-помещичья царская власть (как и практически все в России) ожидала крестьянскую революцию, однако попытки её предотвратить реформами, не затронув интересы помещиков и банкиров (большая часть помещичьей земли была заложена в банках без больших надежд на возврат займов), не могли быть удачными (тем более, они были запоздалыми). Усугубило положение крестьянства Первая мировая война, в которую Россию была втянута как должница Франции и Англии. Крестьяне, призванные в армию, ещё дома получали наказ родственников – сдаваться при первой же возможности: Россия потеряла пленными в три раза больше, чем Франция, Англия и Германия, вместе взятые; русские сдавались в плен в 12–15 раз чаще, чем солдаты других армий (кроме австро-венгерской) [3, с. 132].

Февральская революция легко скинула монархию. Однако пришедшие к власти мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков в союзе с партией крупной буржуазии (кадетами) не только не стремились удовлетворить требования крестьянства и рабочего класса о немедленном мире, но и тянули вопрос о передаче земли крестьянам. А ждать крестьяне уже не могли. Поэтому Ленин, не дожидаясь крестьянского бунта, «бессмысленного и беспощадного» и «поножовщины» [8] (которая в первую очередь пустила бы под нож помещиков и вообще богатых), решился на взятие власти тогда, когда в стране не было объективных условий для победы пролетарской революции; он повел партию, рабочий класс и крестьянство на «революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства», сознавая, что крестьянство уже практически пережило «патриархальный социализм», но ещё не созрело для социализма пролетарского.

На что рассчитывал Ленин, ведя под красным пролетарским знаменем не только относительно малочисленный пролетариат, но и многочисленное крестьянство, которое в это время было чуждо социализму? На то, что ему удастся управлять сложными классовыми процессами до тех пор, пока не окрепнет «природный носитель социализма» – рабочий класс крупного машинного производства. В коротком докладе невозможно описать даже кратко те классовые трансформации, которые проходили в России (СССР), поскольку пять основных имевшихся в стране укладов (выделенных Лениным) имели каждый своё классовое деление и свои процессы трансформации.

Следует отметить, что Ленин выделил пять основных укладов в стране не в научной работе и строго академически, а в политической полемике; его деление было важно в практическом отношении, но оно было сделано без чётких критериев, необходимых для классового деления. Например, выделяя патриархаль-

ный уклад как уклад с натуральным хозяйством, он соединил фактически как остатки реально патриархального хозяйства на окраинах страны (например, в тундре у ненцев) с полупатриархальным натуральным хозяйством российского крестьянства, в большей мере затронутого товарным производством, при этом доля натурального хозяйства даже у кулаков составляла более 60 % [5, с. 120].

К сожалению, историки и политэкономы не изучили достаточно полно те процессы классовых, укладных трансформаций, которые происходили в России и СССР (особенно в первые десятилетия после Октябрьской революции), проглядели «ползучую» сталинскую контрреволюцию, и даже после 30 лет после поражения советского социализма не осознали его классовой природы как социализма мелкобуржуазного.

С одной стороны, некоторым оправданием специалистам может служить то, что это один из самых сложных моментов для классового анализа не только в истории России, но в мировой истории, поскольку некоторые классовые трансформации происходили в это время очень быстро. Например, ликвидация класса помещиков и феодального уклада произошла практически мгновенно после принятия Декрета о земле, как и появление социалистического уклада после национализации крупной частной собственности.

Не осмыслено нашими учеными и то, что Великая Октябрьская социалистическая революция в связи с её рабоче-крестьянским характером не могла не нести и реакционных составляющих, поскольку в крестьянстве были сильны мелкотоварные и патриархальные пережитки. Например, большая часть крупных помещичьих хозяйств, которые велись по-капиталистически, давали значительную часть товарного хлеба и должны были стать совхозами, была растащена крестьянами и батраками. «Кулацкие» хозяйства (тоже крупные поставщики товарного зерна), выделившиеся на хутора или отруба, были большей частью возвращены в крестьянские общины. Эти процессы понизили экономическую эффективность сельского хозяйства.

Но голод в 1918 году в городах был не следствием меньшей эффективности мелкого парцеллярного хозяйства, а следствием крестьянской анархии и жадности. Крестьяне, получившие бесплатно от советской власти и землю, помещичье зерно, освобождение от долгов, обжирались сами, скармливали хлеб скоту и перегоняли его на самогон, но не сдавали хлеб государству (даже тот хлеб, который они растащили у помещиков). Например, в Самарской губернии в 1919–1920 гг. на одного взрослого едока потребление составляло 4479 ккал (при норме ВОЗ – 2300–2400 ккал) [3, с. 485]. А государственные заготовки по продразвёрстке дали в 1918 году 50 млн. пудов зерна, вместо 320 млн пудов по последней царской продразверстке [9, с. 149] – а это уже голод в городах, поскольку цены на хлеб у мешочников были в десять раз выше государственных и недоступны большинству горожан.

То есть, для историков и политэкономов период быстрых и сложных классовых процессов, который условно можно определить для России (СССР) как первая треть XX века – широкое поле для глубокого и комплексного изучения. Аналогичные процессы происходили через несколько десятков лет в Китае,

Вьетнаме и некоторых других странах, и в некоторых местах Китая путь к социализму приходилось начинать с отказа от пережитков людоедства и рабовладения [10]. Поскольку в настоящее время пережитки докапиталистических укладов сохранились в редких местах, исследования их трансформаций можно считать и как имеющими академический, так и имеющими практический интерес.

Но вот процесс трансформации укладов с товарным производством в уклад подлинно социалистический до сих пор имеет важное практическое значение не только для тех стран, которые сейчас строят социализм (КНР, Вьетнам и др.), но и для будущих социалистических революций, ибо в любом варианте социалистической революции предшествующее капиталистическое общество невозможно моментально трансформировать в коммунистическое; в ходе социалистического строительства придётся в той или иной мере допускать товарное производство. В этом случае осмысленный опыт СССР и других стран будет своего рода руководством для победившего пролетариата. И в этом процессе трансформации важное место занимает вопрос о мере допустимости частного товарного производства при строительстве социализма в первую очередь, в сельском хозяйстве.

Несмотря на регулярные проклятия в адрес Сталина, большинство историков, тем не менее, следуют трактовкам истории из его «Краткого курса...». Например, НЭП считается отступлением от принятого курса на прямой коммунистический продуктообмен так называемого «военного коммунизма». Более того, будущий академик Е. Варга в «Правде» от 14 июня 1928 г. утверждал: «Во всех случаях пролетарской диктатуры, возникших изолированно от СССР, военный коммунизм будет правилом, а нэп – исключением» [цит. по 11, 19, с. 93]. Но в «военном коммунизме» на самом деле никакого коммунизма не было и близко (ни коммунизма прошлой патриархальности, ни пролетарского коммунизма будущего), а был период «военной уравниловки», возврата к своеобразной версии феодализма с насильственным изъятием продуктов. Лучшим образцом «военной уравниловки» во время Первой мировой войны был «гениально организованный голод» в Германии. Для прямого продуктообмена необходим иной уровень развития производительных сил, которого не достигла не только послереволюционная Россия, но и в настоящее время к этому уровню приближаются лишь наиболее развитые и богатые страны. Ленин прямо признавал: «Слишком поспешный, прямолинейный, неподготовленный «коммунизм» наш вызывался войной и невозможностью ни достать товары, ни пустить фабрики» [12, с. 372]. В условиях «осажденной крепости» иного выхода, как «военная уравниловка» не было, и голод в городах в 1918 году это ярко показал.

На самом деле и в НЭПе было мало нового, поскольку его основы начали внедряться в первые месяцы Советской власти до начала Интервенции и Гражданской войны. Если Интервенцию развязали как те капиталистические страны, которые хотели вернуть контроль над национализированными предприятиями и банками, так и просто соседи, желающие поживиться захваченными территориями, то Гражданскую войну с помощью интервентов развязали, в

первую очередь, помещики, желавшие вернуть утраченную землю (фактически утраченную ещё до революции по необеспеченным закладным). Силой российского капитала в Гражданской войне можно пренебречь, поскольку класс капиталистов в стране был относительно малочисленным, и большая часть крупных предприятий и банков принадлежала иностранному капиталу.

Противниками помещиков и иностранных капиталистов выступил не только пролетариат, но и большая часть крестьянства, ибо даже для кулаков помещики были классовыми врагами или конкурентами. Именно поэтому рабочему классу и крестьянству удалось в условиях разоренной страны вышвырнуть не только помещиков, но и иностранных капиталистов.

При строительстве социализма в российских условиях главной была задача поднять крестьянское хозяйство, ибо фактор аграрного перенаселения и маячивший за ним голод был главным препятствием для развития страны.

«В стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача – суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять...» [13, с. 451].

«Аграрная революция», осуществленная большевиками, удалила класс дармоедов-помещиков и дала максимальный простор для развития капиталистических отношений на селе. Чуть дольше сохранялись другие пережитки средневековья – уравнительная крестьянская община, которая экономически подрывалась более свободным развитием товарного хозяйства, а политически – новым органом власти на селе, Советами. Советы, дававшие на селе более широкие права, чем крестьянские сходы (в том числе женщинам и младшим членам семей), постепенно вытесняли сходы из жизни. Советская власть облегчила семейные разделы, подорвав патриархальную власть главы семьи. А семейные разделы за короткий период привели к раздроблению хозяйств на мелкие, малоэффективные, практически бестоварные. В результате, как верно отмечал И. Лозбенёв «Развитие основной массы крестьянских хозяйств пошло ... по пути экстенсивного развития. Среднее крестьянское хозяйство Центральной России постепенно мельчало и сокращало свою деятельность на рынке, ориентируясь, прежде всего, на самопотребление» [14]. Про бедняков и говорить нечего, они превращались частично в нахлебников.

По сравнению с довоенным периодом к началу НЭПа доля сельского населения в России увеличилось с 75 % до 80 % не только за счёт бегства горожан от голода и разрухи в сёла, но и за счёт рекордного увеличения рождаемости практически до биологического предела (до 20 % в год). Это лишь усугубило аграрное перенаселение; полученная помещичья земля без технической революции в сельском хозяйстве могла лишь на время отдалить кризис перенаселения.

Для решения проблемы аграрного перенаселения и бедности (но не перенаселения вообще) существовал практически единственный выход – развитие промышленности и несельскохозяйственной занятости. В бедной стране с недостаточно развитой промышленностью для её развития требовались средства, которые имевшаяся промышленность дать не могла. Средства необходимо бы-

ло получить из бедного сельского хозяйства, которое само требовало средств на аграрную революцию, ибо с сохой, бороной-суковаткой, серпом, цепом и полудохлой клячей поднять сельское хозяйство было невозможно, а трактор, комбайн, молотилку и даже конную жнейку в парцелле применять неэффективно.

Суть стратегии строительства социализма в таких условиях Ленин выразил коротко: «Мы доведём дело до того, чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную» [13, с. 461]. Однако эта простая суть требовала искусной и точной политики классового маневрирования, поскольку пролетариат являлся классом малочисленным и экономически не господствовал. Существовала опасность классового перерождения незрелого социализма в сторону более многочисленных классов. В ленинском плане построения социализма для предотвращения опасного возрождения капитализма на базе частной собственности, которая порождалась поминутно в условиях общественного разделения труда, главными моментами было два.

Первый из них – кооперация мелких собственников, которая была бы ступенью для внедрения машинного производства в натуральное и полунатуральное хозяйство, основанное на ручном труде, и превращения кооперативных объединений частных собственников в предприятия социалистические; эта линия (не без завихрений) проводилась всё время существования советской власти (до горбачёвской контрреволюции).

Вторым направлением в построении социализма Ленин видел в ускоренном развитии промышленности, которая бы не только позволяла выбраться стране из бедности, но и расширила социальную базу социализма – рабочий класс. И в развитие промышленности Ленин был готов допустить капиталистов (как внутренних, так и внешних; вопрос о концессиях был подготовлен ещё до допуска товарного обмена с крестьянством), которые бы помогли не только удовлетворить потребности населения (в первую очередь, крестьянства) в промышленной продукции, но и создали бы мощную конкуренцию для зарождающегося «своего» промышленного капитализма. Зарождающиеся при товарном производстве и обмене капиталистические отношения в промышленности не смогли бы вырасти из стадии мастерских в капиталистические предприятия, поскольку не способны конкурировать своим маломощным производством с продукцией современной промышленности (социалистической и капиталистической). Со временем концессионные капиталистические предприятия стали бы предприятиями государственными, социалистическими, а НЭПовские промышленные предприятия при определённых государственных ограничениях и классовой борьбе пролетариата на этих предприятиях не смогли бы вырасти до опасных в классовом отношении размеров.

Мы сейчас не будем рассматривать проблемы развития промышленности, а в развитии сельского хозяйства будем постоянно держать в уме, что это развитие так или иначе должно было решать проблемы аграрного перенаселения и его ближайшего следствия – голода. Если столыпинские реформы, оберегавшие помещиков, в своём развитии должны были породить не только миллионы капиталистических хозяйств (как кулацких, так и помещичьих), но и десятки

миллионов нищих и голодных крестьян, которых не смогли бы принять малонаселённые города и отсталая промышленность, то советская рабоче-крестьянская власть должна была искать другие пути для аграрной революции и развития промышленности.

Один путь – развитие крупных высокотоварных хозяйств на базе совхозов был временно практически прегражден растаскиванием крестьянством большинства высокотоварных хозяйств – реакционной стороной антифеодальной революции. Вторая «колея» на этом пути – создание крупных коллективных хозяйств и кооперации вообще – «колея», к которой склонялось большинство специалистов ещё до революции – была более перспективной, поскольку к ней разными тропками двигалось и само крестьянство, например, переселяясь на выселки и работая «супрягой».

Но нельзя отрицать, что существовал и временный «объездной» путь – развитие эффективных хозяйств на базе личного труда или с привлечением наёмного труда в ограниченных масштабах. При этом, как мы уже говорили, при имевшейся в стране неразвитой материальной базе сельского хозяйства невозможно было обходиться без привлечения наёмного труда на некоторых критических технологических операциях, например, при жатве и обмолоте.

Именно на все эти различные пути, колеи и тропки в развитии сельскохозяйственного производства и указывал Ленин в своих работах и практической политике.

На VIII съезде РКП(б), говоря об отношении к разным слоям крестьянства, Ленин напомнил классовое подразделение крестьянства в Западной Европе по Энгельсу: на мелкое, среднее и крупное (причём, Ленин отнёс всё российское крестьянство по европейским меркам к мелкому). Ленин также напомнил слова Энгельса о крупном крестьянстве: «Может быть, даже крупное крестьянство не везде придётся подавлять насильем». А чтобы мы могли применять насилье к среднему крестьянству (мелкое – наш друг), – об этом ни один разумный социалист никогда не думал. ... Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация» [15, с. 132–133].

В этих высказываниях Ленина (в соответствии с программой партии) можно обратить внимание на то, что он нечётко проводит деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное – оно сделано то по-европейски, то по-русски; например, когда он говорит о недопустимости «экспроприации богатого крестьянства и кулаков», то не очень ясно, кто в России попадает в слой богатого крестьянства и не является при этом кулаком.

Но в данном случае нас интересует принципиальный вопрос – Ленин говорит о недопустимости экспроприации богатого крестьянства и кулаков (в отличие от помещиков и капиталистов), но чётко указывает на подавление контрреволюционных поползновений богатого крестьянства. То есть, прекрасно пони-

мая стремление богатого крестьянства стать «чистым» сельскохозяйственным капиталистом, Ленин и Программа РКП(б) не призывают к экспроприации этого слоя. Надо прямо сказать, что эту проблему Ленин особенно не выпячивал. И дело было не только в практической целесообразности – в царской России богатое крестьянство и помещики были основными производителями товарного зерна, а после ликвидации помещичьих хозяйств надежды на бедняков и середняков были бы иллюзорными – у них не хватало материальной базы для увеличения продуктивности. Скорее всего, Ленин чувствовал давление беднейшего крестьянства (в том числе через партию), которое было политическим союзником городского пролетариата и настроено против богатых крестьян - но экономически ничтожным. Оно не только не могло обеспечить пролетариат хлебом, но само себя едва обеспечивало. Более того, при продразвёрстке оно получало часть утаенного кулаками хлеба.

В плане брошюры «О продналоге» Ленин размышлял: «Ставка на кулака? или середняк. Нивелировка. Старательный крестьянин. Увеличение продуктов» [16, с. 379] следует обратить на два момента. Во-первых, Ленин искал обобщающее понятие для того крестьянского слоя, который включает как класс мелко-собственника-труженика (середняка), так и промежуточный слой между середняком и капиталистом (собственник, труженик, но уже и эксплуататор) – «старательный крестьянин». Во-вторых, он видел перспективу их нивелировки. Ленин мог рассчитывать на то, что богатое крестьянство, реально не ставшее чисто капиталистическим, в случае ограничений и контроля со стороны пролетариата, так и не дорастёт до этой стадии. При этом, оснащаясь современной техникой и повышая культуру производства, богатое крестьянство, не снижая (а даже повышая в абсолютном исчислении) своё богатство, будет уменьшать долю наёмного труда, переходя в разряд середняков – то есть, тружеников и собственников – но на другом техническом и материальном уровне. То есть, богатое крестьянство могло трансформироваться в то, что в развитых странах называется фермерством. Например, фермер с набором машин и механизмов для всего цикла производства зерна (трактор, плуги, сеялки и пр.), обходящийся без наёмного труда, куда богаче кулака с пятью лошадьми и наёмными работниками, но он по классовому положению середняк, а кулак может быть чистым эксплуататором даже без молотилки. Точный расчёт, при каких условиях в данной местности кулак не будет расти как эксплуататор: размер арендованной земли; уровень технического обеспечения; количество наёмных работников, близость к рынкам сбыта и пр. – задача больших коллективов.

Но эта задача вполне решаемая, и именно этого хотел Ленин от местных властей, поскольку на пути развития НЭПа Ленин видел большие проблемы в системе управления, как партийной, так и советской. В письме Н. Осинскому по поводу резолюции «О работе в деревне» XI партсъезда, Ленин больше всего был обеспокоен опасностью излишней регламентации и ограничениями на местах, в первую очередь, против сельскохозяйственной кооперации и богатого крестьянства (применяющих наём рабочих и аренду земли):

«Больше всего на свете надо теперь бояться, по-моему, именно неумелого вмешательства, пока ещё мы не изучили основательно действительных потребностей местной сельскохозяйственной жизни и действительных способностей нашего местного аппарата власти (способностей не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро).

1. Партсъезд ... констатирует недостаточность собранного материала об опыте работы на местах и ставит первоочередной задачей как партии, так и комфракций во всех совучреждениях тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта.

2. Съезд считает ошибочными меры разгона (или поспешной переделки?) учреждений сельскохозяйственной кооперации, рекомендуя наибольшую осторожность в этом отношении.

3. По вопросу об условиях применения наёмного труда в с.х. и аренды земли партсъезд рекомендует всем работающим в этой области не стесняться излишними формальностями ни того, ни другого явления...

4. Первоочередной и главнейшей целью всей партработы в крестьянстве съезд признает практическую помощь делу немедленного расширения засевов, увеличению запашки, увеличению количества сельскохозяйственных продуктов, уменьшению тяжелой нужды крестьянства...» [17, с. 133]. То есть, Ленин опасался, что власти на местах будут продолжать политику патриархального крестьянства на ограничение кулаков и середняков, а также кооперации (в то время тоже преимущественно с участием кулаков и середняков) в ущерб эффективности производства.

Исходя из этого документа, Ленина вполне можно назвать защитником кулаков. Но кулак даст продукты для рабочего, который сделает трактор, а бедняк – нет, наоборот, сам нуждается в коврижке; трактор же сделает кулака середняком, ибо ему уже не нужно два батрака с лошадьми. Если на процесс посмотреть в целом, то картина совсем иная, чем на вырванном этапе (эпизоде).

Эксплуатация наёмных работников со стороны кулаков и середняков не представлялась Ленину неприемлемой в имевшихся тогда условиях разрухи и аграрного перенаселения. Помогая беднякам выживать, нельзя было превращать их в нахлебников, в люмпенов. А такая тенденция проявлялась. Вот что писал тогда толстовец М.П. Новиков: «Перестаньте считать бедность добродетелью и искусственно её культивировать и идеализировать. Это самое худшее, что у нас есть. Культ бедности разводит притворщиков («химиков», как их зовут в деревне), которые в полном сознании, на виду у всех не заводят себе скот и инвентарь; даже по 2 года не кроют крышу и живут, как самоеды, в гумне. Это же заставляет сильные семьи жить врозь, чтобы всем сразу же стать бедняками и начать есть тоже чужой хлеб. ... За дурную обработку, от которой на равном количестве земли семья не может прокормиться и уплатить налог, нужно делать публичные выговоры, а при повторных случаях отбирать землю, а самих таких крестьян выселять в совхозы как неспособных к самостоятельной работе» [18]. Сходно говорил в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) С. Косиор: «Разве вы не знаете, что среди бедноты есть определённый процент таких, которые во-

обще ничем не занимаются, которых попросту можно назвать лодырями? Эти лодыри больше всего кричат о том, что мы ведём кулацкую политику» [19].

Следует напомнить, что у российского богатого крестьянства (по меркам Европы – мелкого или среднего) доля наёмного труда и прибавочного продукта от наёмных работников составляло значительно меньше половины общих затрат труда и прибавочного продукта. Например, по данным Красноуфимского уезда у крестьян из богатых групп (обрабатывавших 20–50 и свыше 50 десятин) при 1,7–2,0 работниках мужского пола на 1 двор батраков было 0,5–0,8 (т.е. в 2,5–3 раза меньше, чем собственных работников). А если учесть и продукт, создаваемый женской частью семьи, то эта доля будет ещё меньше. Конечно, кроме батраков, свой вклад вносили и подёнщики на определённые виды работ: косьбу, жатву, молотьбу, и для точного учёта необходимы иные данные, но при грубой оценке вклад подёнщиков определённо меньше, чем батраков [5, с. 107]. Хотя эти данные дореволюционные, в связи с тем, что после революции произошло уравнивание и ограничение размеров землепользования, доля наёмного труда в получаемом продукте должна уменьшиться.

Очевидно, что в экономическом плане ставка на бедняка бессмысленна – он себя толком не может обеспечить. Относительно бедняка главное направление – его пролетаризация в городе или полупролетаризация в колхозе. На ближайшее время выбор только между кулаком и середняком, поскольку коллективные хозяйства, колхозы и совхозы, пока малочисленны и малосильны (в 1925 году кулаки дали 61 % товарного хлеба, середняки – не более 39 %). Экономически было бы выгоднее сделать упор на кулака – его эффективность выше. Но политически это сделать сложно: с одной стороны, кулак тянет к капитализму в условиях, когда рабочий класс и советская власть ещё не сильны; с другой стороны, большая часть крестьянства, бедняки, и большая часть партии настроены против кулака. О настроении в партии против кулака ясно (хотя и провокационно) высказался Сталин на XIV съезде: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия, – к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, – и мигом разденут кулака» [20].

Получилась трудно решаемая задача: политически на кулака опереться нельзя, а на бедняка нельзя опереться экономически и нельзя настроить его против рабочего класса – бедняк к 1925 году составлял 75 % от общего числа крестьянских хозяйств, это большая часть населения страны. При этом если бедняк от середняка отличается более или менее явно: сыт или голоден, то резкой границы между середняком и кулаком провести нельзя, ибо кулаков, как чистых эксплуататоров, при ограничениях на размер аренды и найма, в стране уже не было. Поэтому формулировка, которую в черновиках придумал Ленин – «старательный крестьянин» – давала возможность для определённого хозяйственного и политического манёвра.

В брошюре «О продналоге» Ленин уклонился от упоминаний о кулаках и середняках. Даже свою формулировку «старательный крестьянин» не применил,

употребляя более широкие понятия «крестьянство» и «мелкий производитель». В письме Осинскому Ленин, как мы уже видели, рекомендовал не стесняться ни аренду, ни наём излишними формальностями, то есть, на какое-то время не стесняться «старательного крестьянина» (в определённых рамках).

И хотя Сталин вытащил ленинскую формулировку из черновиков: «Старательный крестьянин как «центральная фигура» нашего хозяйственного подъема» [20], он недвусмысленно отнёс её только к середняку, ставя борьбу с кулаком как одну из задач – но пока в рамках последовательных ограничений.

О грубых политических и экономических ошибках Сталина (захватившего со своей фракцией к этому времени власть в партии и государстве) при коллективизации – особый разговор. В данном случае мы должны отметить, что политическая и экономическая линия Ленина отличалась от политической и экономической линии Сталина, и это была не просто субъективная ошибка Сталина, а иная классовая линия – Ленин проводил линию фактически на совместную демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства (с перспективой пролетаризации крестьянства как привлечением в состав промышленного рабочего класса, так и через колхозы и совхозы), а Сталин проводил линию на диктатуру мелкобуржуазно-патриархального крестьянства (реального большинства населения в то время), а о перспективах особенно не думал... Борьба с кулаком проводилась не в интересах рабочего класса, а следуя сиюминутным настроениям мелкого и бедного крестьянина, не избавившегося от патриархальных пережитков, но ускоренно превращавшегося в мелкого товарного производителя, который так же неизбежно превращался как в пролетария, так и в капиталиста. Экономистам давно пора бы подсчитать, какой ущерб экономике страны нанесла топорная и поспешная коллективизация. А политически представляется, что сохранение доли частного крестьянского хозяйства, например, в Польше, не привело к существенной разнице в поражении социализма по сравнению с теми странами, где частного в сельском хозяйстве (и не только) уже не было. А опыт КНР и Вьетнама пока показывает, что допущение в определённых пределах частного в промышленность и сельское хозяйство приводит в более высокой экономической эффективности в развитии народного хозяйства.

Но даже недостаточно эффективное ведение сельского хозяйства в СССР и других аграрноперенаселённых странах показало, что страны в целом успешно справлялись с задачей сокращения аграрного перенаселения и его следствия – голода и бедности.

О том, что проблема голода в мировом масштабе может вернуться в ближайшее время и вне следствия аграрного перенаселения – в следующей части работы (или в подготавливаемой книге автора «Кризис прогнозов. Прогноз кризиса»), которая должна выйти в ближайшие месяцы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелвилл Г. Тайпи – М.: Географиздат, 1968.
2. Уитлок Р. Майя. Быт, религия, культура – М.: 2005.

3. *Нефёдов С.А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. – М.: Дело, 2017.
4. *Мионов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России, 2-е изд. – М.: 2012. – С. 291.
5. *Ленин В.И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века. ПСС, Т. 17. – С. 59–137.
6. *Исайчиков Ф.С., Исайчиков В.Ф.* Климова Слобода – Климов – Климово / спецвыпуск журнала «Просвещение», 1998. – № 2–3.
7. *Ленин В.И.* ПСС, Т.17. – М.: Политиздат, 1968. – С. 371.
8. Протокол заседания Петербургского комитета РСДП(б) 01.11.1917 / Троцкий Л.Д. Пропавшая грамота: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1931/stalin_school/04.htm (дата обращения: 12.11.19).
9. *Ленин В.И.* ПСС, т.42. – М.: Политиздат, 1968. – С. 128–161.
10. *Овчинников Ю.* «Российская газета», 26.08.00.
11. *Гимпельсон Е.Г.* Почему свернули НЭП? // НЭП: экономические и социокультурные аспекты. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 544 с.
12. *Ленин В.И.* План речи о замене развёрстки налогом. – ПСС, Т. 43. – С. 371–378.
13. *Ленин В.И.* VIII Всероссийский Съезд Советов. Доклад Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета Народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря. – С. 436–463 / Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1969. – 856 с.
14. *Лозбенёв И.Н.* Новая экономическая политика. Часть I. Общество на переломе эпох. Противоречия советской деревни 1920-х гг. – «Альтернативы», 2016. – №1. – С. 143–164.
15. *Ленин В.И.* Доклад о работе в деревне 23 марта. – С. 126–141 / Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. – Т.3. – М.: Политиздат, 1969. – 856 с.
16. *Ленин В.И.* Планы брошюры «О продовольственном налоге». – С. 379–387, ПСС, – Т. 43. – С. 366–370
17. *Ленин В.И.* О проекте резолюции о работе в деревне, ПСС. – Т. 45. – С. 132–133.
18. *Новиков М.П.* Письмо «О поднятии урожайности в крестьянском хозяйстве» // «Горизонт», 1989. – №1. – С. 24–25.
19. *Косиор С.В.* XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт. – 1926. – С. 313; цит. по: Никольский С.А. Аграрный курс России (Мировоззрения реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философских аспектах). – М., Колос, 2003. – С. 102
20. *Сталин И.В.* Политический отчёт Центрального Комитета. 18 декабря 1925 г., XIV съезд ВКП(б).

В.В. Касьянов, Ю.А. Яхутль

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АДЫГЕЕ НАКАНУНЕ ФОРМИРОВАНИЯ СССР

Статья выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Аннотация. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики получили возможность реализовать собственную программу, в основе которой были идеи равенства, справедливости, в том числе в землепользовании, и создании аграрного строя на коллективных принципах без эксплуатации «трудового крестьянства», нашедшее свою реализацию в период коллективизации. Особое значение оно имело в период формирования Союза Советских Социалистических Республик и реализации земельной политики в 1920-х гг. в национальных окраинах, где приход к власти большевиков не всегда встречал поддержку. Актуальность проблемы обусловлена современными социально-экономическими преобразованиями в аграрном секторе экономики и возрастающей роли земельного вопроса в развитии рыночных отношений, с одной стороны, а с другой, недостаточной изученностью и необходимостью обобщения накопленного опыта. Авторы поставили задачу исследовать деятельность органов власти по регулированию земельных отношений в южнороссийском регионе – Адыгее в начале 1920-х гг., в период национально-государственного самоопределения адыгов. Это время коренных изменений в общественных отношениях, частичного отказа большевиков от политики «военного коммунизма» и перехода к новой экономической политике, становления многонационального государства Союза ССР и национально-государственного строительства Адыгейской (Черкесской) области в рамках автономизации.

Ключевые слова: нэп, землеустройство, Кубань, Адыгея, СССР, национально-государственное строительство, крестьянство, казачество.

V.V. Kasyanov, Yu.A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia,

STATE REGULATION OF LAND RELATIONS IN ADYGEA BEFORE THE FORMATION OF THE USSR

The article was carried out within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research No. 21-09-43110 "The relationship between the party-state power and the multi-ethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)."

Abstract. The Bolsheviks who came to power in October 1917 were given the opportunity to implement their own program, which was based on the ideas of equality, justice, including in land use, and the creation of an agrarian system on collective principles without the exploitation of the "working peasantry", which was realized during the period of collectivization ... It was of particular importance during the formation of the Union of Soviet Socialist Republics and the implementation of land policy in the 1920s. in the national outskirts, where the coming to power of the Bolsheviks did not always meet with support. The urgency of the problem is due to the modern socio-economic

transformations in the agrar sector of the economy and the increasing role of the land issue in the development of market relations, on the one hand, and on the other hand, insufficient knowledge and the need to generalize the accumulated experience. The authors set the task to study the activities of the authorities in regulating land relations in the southern Russian region – Adygea in the early 1920s, during the period of national-state self-determination of the Circassians. This is the time of fundamental changes in social relations, the partial rejection of the Bolsheviks from the policy of "war communism" and the transition to a new economic policy, the formation of a multinational state of the USSR and the nation-state building of the Adyghe (Circassian) region within the framework of autonomization.

Key words: NEP, land management, Kuban, Adygea, USSR, nation-state building, peasantry, Cossacks.

Земельный вопрос в истории России являлся и остается базовой основой внутренней политики правительства. Не стал исключением период 1920-х гг., когда в ходе модернизационных процессов и связанных с ними изменениями в отношениях собственности он претерпел значительные изменения. Особенности развития Советской России в 1920-х гг. во многом можно объяснить как переходным состоянием общества, так и незавершенностью реформ имперского периода. Однако и модернизационные процессы периода нэпа не имели логического завершения из-за отказа от института частной собственности на землю. Но при этом, именно новая экономическая политика (1921–1929 гг.) заняла особое место в аграрной истории Советской России, выступив связующим звеном между капиталистической и социалистической модернизацией [28], а земельная политика, как ее приоритетная составляющая, формировала социальную базу РКП(б) и обеспечивала советизацию доколхозной деревни РСФСР–СССР.

Этим обусловлен предмет исследования – выявление закономерностей и особенностей земельной реформы в Адыгее в условиях новой экономической политики. Цель – изучить реализацию земельной политики в Адыгее и её влияние на процесс национально-государственного строительства.

С учетом многогранности исследуемой темы использована мультипарадигмальная стратегия исследования, что позволило сочетать различные подходы, а именно: коммуникативный, конфликтологический формационный и цивилизационный; теория модернизации, «новая локальная история». Источниковой основой статьи стали опубликованные и неопубликованные документы, представленные архивными фондами Краснодарского края и Республики Адыгея. Особо следует выделить региональные опубликованные сборники решений местных партийных, советских органов, съездов и пленумов [20], которые позволяют проследить и исследовать содержание земельной политики большевиков в регионе на различных этапах нэпа.

Трансформация аграрной политики в южных регионах Советской России с компактным проживанием представителей малочисленных народов в годы новой экономической политики и начальной фазы существования СССР опирается на обширный массив научных изданий. Развитие советской и постсоветской историографии, обозначенной темы, прошли четыре закономерных этапа, для которых характерны новации, обусловленные включением новых архивных ма-

териалов в научный оборот и усиление или ослабление идеологического влияния государства. К первому этапу относятся 1920-е гг., когда в большей мере шло накопление фактического материала, второй этап 1930-е – 1950-е гг., отличается падением интереса к исследуемой теме. Очередной – связан с реформами в стране, когда с середины 1950-х гг. возрождается интерес к проблемам модернизации доколхозной деревни. Это время расширения источниковой основы, тематик исследований, при этом принципиальных изменений по основным выводам нэпа и одного из главных вопросов 1920-х гг. – земельного, не произошло. Именно на современном, четвертом этапе произошли радикальные изменения в отечественной историографии, начавшееся со второй половины 1980-х гг., когда историческая наука вовлекла в научный оборот большой массив архивных материалов, а главное, произошло научное переосмысление нэпа, социально-экономических, политических и социокультурных процессов в доколхозной деревне. Авторы хотели бы обратить внимание на отдельные работы региональных исследователей по теме новой экономической политики, земельным отношениям и национально-государственному строительству, которые позволяют выявить особенности развития Юга России с ее многонациональным и многоконфессиональным населением, отличавшийся особыми условиями землепользования [14, 17, 18, 22, 24, 26, 27].

Эти исследования относятся к различным этапам научного осмысления нэпа и земельного вопроса, но позволяют рассмотреть эволюцию реформ 1920-х гг. в условиях советского строительства и национально-государственного размежевания на территории Кубани. Однако следует признать, что в региональной историографии отсутствуют исследования, которые могли бы целостно, комплексно, в единстве представить сложные процессы социально-политического, этнического, экономического характера в южнороссийском обществе с учетом формирования союзного государства.

Для национальных окраин бывшей российской империи немаловажное значение имело образование в структуре СНК особого органа – Народного комиссариата по делам национальностей, учрежденный II Всероссийским съездом Советов. Правительство большевиком осознавало значение национальных окраин в контексте сохранения власти и процесса советизации. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» правительство обозначало свое отношение к национальному вопросу и национально-государственному строительству. Очередной шаг был предпринят в 1918 г., когда при Наркомнаце РСФСР был создан отдел горцев Кавказа. Начавшаяся Гражданская война внесла свои коррективы в реализацию национальной политики и советизации в горской среде, и лишь после ее окончания, и завершения боевых действий весной 1920 г., мы наблюдаем активность в продолжение национальной политики РКП(б). В мае 1920 г. был издан приказ Революционного Комитета Кавказского фронта о создании Северо-Кавказского ревкома. Это решение оказало негативное влияние на общественно-политические процессы и межнациональные отношения в регионе, спровоцировав рост повстанческого движения среди крестьян, казаков и национальных меньшинств. В по-

следующем было принято взвешенное решение относительно местных ревкомов. Но процесс был запущен и во многом вопросы формирования советских органов власти, первичных партийных структур РКП(б), реализации земельного законодательства, сбора продовольствия определяли содержание деятельности ревкомов в 1920 г. В последующем было принято решение отказаться от ревкомов и не возрождать комбеды, так как это оказывало существенное влияние на общественно-политическую обстановку в регионе, где присутствовал и национальный компонент – в Кубано-Черноморской области проживали адыгейцы (черкесы).

Национально-государственное строительство в Адыгее проходило сложно и противоречиво. Политическое решение вопроса нашло свое отражение в создании национальной секции по мусульманским делам при отделе управления Кубанской области 8 апреля 1920 г. во главе с К. Мишуриевым [5]. В мае Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) сформировал специальную комиссию по подготовке и проведению I областного съезда Советов горцев Кубани и Черноморья [2].

На I съезде рабочих, трудовых казаков, крестьян и горцев Кубано-Черноморской области было принято решение о восстановлении Советской власти и главное, передаче крестьянам, трудовому казачеству, горцам земли без всякого выкупа. Съезд подтвердил решение I Всероссийского съезда трудового казачества по национализации «нетрудовых» земель, но одновременно поддержал курс на сохранение политической стабильности в регионе, сохраняя в неприкосновенности паевые наделы. Для разъяснения среди адыгейцев принятых решений были проведены встречи с участием руководителей области. Так, 16 июня 1920 г. в а. Лакшукай был созван съезд горцев Екатеринадарского отдела (г. Екатеринодар переименован в г. Краснодар в декабре 1920 г.), в работе которого принял участие Я. Полуян – Председатель Кубчерревкома. На съезде приняли решение о создании Горской секции и созыва съезда представителей адыгского народа. В июле 1920 г. Военный Совет IX Кубанской Армии и Кубчерревком учредили временную Горскую секцию [19]. События развивались чрезвычайно быстрыми темпами. Уже 11 августа 1920 г. прошел I съезд – это был очередной шаг к национально-государственному строительству горцев. Именно горская секция стала проводником продовольственной политики большевиков в адыгских аулах. Местное население негативно восприняло продовольственную политику большевиков, но это было характерно для всего южного региона страны.

Весь 1920 г. в регионе, который входил в фазу «малой» гражданской войны, отмечен ростом казачье-крестьянских и национальных антиправительственных выступлений, которые не позволяли перейти к активному переделу земли, способствуя сохранению принципов «уравнительных начал» и закрепления «трудовых норм» наделения пахотной землей [3]. Эти меры имели особое значение для казачества региона, где особенностью землепользования являлась наделная форма.

Нарастание военно-политического и экономического кризиса в стране вынудило РКП(б) кардинально изменить содержание внутренней политики. На фоне роста объемов централизованных продразверсток в 1920 г. на 1/3 к уровню 1919 г. в стране шел рост организованных крестьянских выступлений и нависла угроза голода. На X съезде в марте 1921 г. было принято принципиальное решение о замене развёрстки на фиксированный продовольственный налог¹. Новая продовольственная концепция была воспринята неоднозначно как населением, так и частью партийного руководства в регионах. Тем не менее, несмотря на ограниченный характер реформ, крестьяне и казаки получили определенный стимул для постепенного возрождения, развития хозяйственной активности. В свою очередь, государство было заинтересовано в увеличении объемов продовольствия для населения страны и сырья для промышленности. Программа правительства по стимулированию сельскохозяйственной деятельности была изложена в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. «О становлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьян сельскохозяйственного кредита». Документ в большей мере носил декларативный характер, но тем не менее, крестьяне в следующем хозяйственном году получили 33 млн пудов семенной ссуды и кредита на сумму 20 млн руб. золотом [15].

Однако приоритетным вопросом оставался земельный, который служил серьезным источником конфликта в российской деревне, имея свои региональные особенности [5]. На Кубани, где общинная форма землепользования с сословными привилегиями для казачества формировала один источник конфликта с иногородними, а с процессом автономизации черкесского населения возник новый очаг противостояния. Согласно Земельному кодексу РСФСР 1922 г., крестьянин имел право на выделение на хутор, отруб или оставаться в составе земельного общества. Община сохраняла свое доминирующее положение, как и сход в решении земельных отношений, осуществляя управление землепользованием. Для казачьего Юга России были характерны частые переделы земли и дальнотерритория. Кроме того, национальный фактор осложнял решение земельного вопроса, формируя конфликт между горскими народами и русскими, с одной стороны, а с другой, внутри горского этноса при определении границ национальных автономий. Принятие Земельного кодекса означало определение задач государственной политики в деревне в условиях нэпа [16], формируя общие принципы взаимоотношений между государством и сельским населением.

В течение первой четверти двадцатых годов были приняты ряд законов, которые регламентировали землеустроительные работы в деревне (Декреты ВЦИК и СНК РСФСР от 27 мая 1920 года «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах», ВЦИК и СНК РСФСР от 22 сентября 1924 года Положение «О кредите на производство землеустроительных работ» и др.). В соответствии с декретами советской власти в пользовании трудового населе-

¹Троцкий Л.Д. в феврале 1920 г. внес в ЦК РКП(б) предложение о замене продразверстки налогом, но оно было достаточно противоречивым. По мнению Троцкого реформа должна была быть реализована лишь в ряде регионов России, но без учета хозяйственных интересов крестьянства и при этом продолжено принудительное изъятие излишков продовольствия и форсированная коллективизация.

ния оставалось то количество земли, которое находилось в его фактическом производстве и обрабатывалось силами самого хозяйства без применения наемного труда, если даже это количество земли было выше установленных для данного района норм наделения.

Местные партийные работники понимали, что начало перераспределения земли может помешать посевной кампании и отрицательно скажется на сборе единого сельскохозяйственного налога, поэтому не были активны в практике передела земли. Активные землеустроительные работы на Кубани в 1921–1922 гг. были приостановлены [25], но партийные органы продолжали требовать сохранения классовых принципов в решении земельного вопроса [4].

В сложной ситуации оказалась Адыгея, территория, в то время, обозначенная с компактным проживанием на левом берегу Кубани (Закубанье) адыгов-черкесов. Часть адыгейцев проживала обособленно в Туапсинском и Сочинском округах Черноморской губернии и Баталбашинском отделе. Административно в начале 1920-х гг. они входили в состав Кубано-Черноморской области.

Региональный ревком внимательно следил за деятельностью горской секции, так как не без оснований опасался проявления националистических тенденций со стороны членов секции, а главное со стороны малочисленной национальной интеллигенции и религиозных деятелей. Но главное противоречие заключалось в различии понимания целей и задач деятельности горской секции и последствий революции для национальных меньшинств Северо-Западного Кавказа. Поэтому до выделения адыгейцев в самостоятельную национальную автономию сохранялась своеобразная форма двоевластия на территории их компактного проживания.

В марте 1921 г. в г. Краснодаре прошел съезд трудящихся горцев Кубани и Черномрья. Было принято решение об организации Горского исполкома в составе Кубано-Черноморского исполкома. Председателем избрали Д. Гутякулова. Первое, с чем столкнулся исполком – был кадровый вопрос, который во многом определял успехи и проблемы самоопределения адыгейцев в сложных условиях нэповской действительности и формирующихся республиканских и региональных органов власти. В последующем состав исполкома пополнился как национальными революционерами (Ш. Хакурате), так и командированными специалистами, бывшими красноармейцами.

Сбор продовольственного налога при всей её важности не мог быть приоритетным для местных национальных партийных функционеров с учетом уровня развития индивидуальных хозяйств черкесов, которые в основном занимались развитием домашнего скотоводства [7]. Национальные партийные, советские кадры, которые только формировались, ориентировались на процесс государственного самоопределения и связывали с ним решение экономических, земельных вопросов и советизацию черкесских аулов.

В декабре 1921 г. на пленуме горского исполкома был рассмотрен вопрос о выделении в автономию. Весь процесс национально-государственного самоопределения занял несколько месяцев (декабрь 1921 г. – июль 1922 г.). После проведения необходимых организационно-правовых мероприятий Президиум

ВЦИК РСФСР 27 июля 1922 г. принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области, которая 24 августа была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область. В этом же году 30 декабря на I Съезде Советов СССР была утверждена Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Приоритетная политическая цель была достигнута, но следовало приступить к реализации поставленных экономических задач. В этот период в деятельности национальных кадров автономии присутствует желание продолжить работу по окончательному формированию партийных, советских органов управления, а решение хозяйственных вопросов откладывается до получения государственной финансовой помощи. В 1922 г. было создано Адыгейского оргбюро РКП(б), перед которым стояла задача создания областной партийной организации, способной реализовывать экономическую и социальную политику на территории автономии. Первые заявления оргбюро относительно нэпа носили общий характер, утверждая, что реализация нэпа, «за исключением ряда вопросов» стало правильным решением [8].

Трудности в восстановлении сельского хозяйства автономии были вызваны местными особенностями, наличием экстенсивного земледелия и низкой технической оснащенности крестьянских хозяйств. Если до 1922 г. земельный вопрос среди адыгейцев рассматривался в контексте решения особенностей казачьего землепользования, то после образования самостоятельной области возникли два полюса противостояния. С одной стороны, это межрегиональное размежевание, определение границ автономии, а с другой, между зажиточной частью черкесских аулов, религиозными деятелями и беднотой. Однако, следует отметить, что во втором случае назревал еще более опасный и сложный конфликт как следствие дефицита земли.

Земельный кодекс РСФСР стал действовать на территории Адыгейской (Черкесской) автономной области с 1 марта 1923 г. Вопросы землеустроительных работ в 1922–1923 гг. в области находились в критическом состоянии, росло количество малоземельных хозяйств. Многие аулы, которые испытывали дефицит земли вынуждены были арендовать участки в отдаленных местах – эта тенденция была устойчивой и оказывала негативное влияние на развитие земельных отношений в черкесском обществе. В декабре 1923 г. проходил II съезд областного Совета, который рассматривал вопросы организации «участковой агрономии» для пропаганды сельскохозяйственных знаний. В своем выступлении начальник Облземуправления Цеев отмечал приверженность классовым принципам в решении земельного вопроса [9], но во многом определяющим фактором в адыгском обществе оставались традиции, нормы ислама и родовые принципы.

Общественно-политическая обстановка в области усугублялась ростом противоречий между адыгейцами и русскоязычным населением из-за земельного вопроса. На территории Адыгеи в это период проживало 112 515 чел., в том числе черкесов 65 583 чел. (58,3 %), русские составляли 37,6 % и 4,1 % представители других национальностей [12].

Немаловажным фактором, влиявшим на взаимоотношение власти и черкесского общества оставался вопрос финансирования землеустроительных работ, который был незначительным. При этом, руководство области признавало, что активизация землеустройства «бедняцких хозяйств» за счет государственного финансирования позитивно скажется на ходе работ в Адыгее, так как именно государственная поддержка во многом предопределяла успех или провал политики большевиков. Собственных ресурсов для завершения землеустроительных работ у автономии не было. По состоянию на 1922 г. земельный фонд автономии составлял 276. 537 дес. земли. К 1924 г. площадь земельной угодий автономии уменьшилась и составила 242 154 дес. [10]. При том, что объем проводимых работ по сравнению с Кубано-Черноморской областью был незначительным. Вместе с тем, в среднем за период с 1923 г. по 1925 г. ежегодная площадь землеустроительных работ росла с 40 040 до 56 020 дес. Это сказалось на имущественном расслоении адыгейцев, где число безземельных хозяйств сократилось на 2,1%, а количество середняцких хозяйств выросло на 8,2 % – с 31 % до 39,2 %. Наметились определенные диспропорции в обеспечении земель казачье-крестьянских хозяйств по сравнению с черкесскими хозяйствами. В среднем одно черкесское хозяйство владело 2,74 дес., а казачье-крестьянское – 1,6 дес. Но в казачье-крестьянских хозяйствах доминировали середняцкие хозяйства (62 %) в отличии от черкесских (12 %).

В это время появляются первые производственные кооперативы. Самой распространённой формой кооперации стали ТОЗы, число которых достигло 12, были созданы пять коммун, которые обрабатывали 792 дес. земли под посевы из 1 189 дес. Слабая техническая оснащённость и малочисленность коммун не позволяли обрабатывать предоставленные земельные площади, но они использовались под выпас домашнего скота – традиционного вида хозяйственной деятельности адыгейцев. К середине 1920-х гг. в области функционировало два совхоза, которые использовались для агропропаганды [11]. После создания оргбюро Адыгейской областной организации РКП(б) были проведены районные совещания, беспартийные конференции, собрания бедняцко-крестьянских хозяйств, на которых проводилась активная разъяснительная работа по организации внутриселенного землеустройства и способов перехода к улучшенным формам землепользования. Предполагалось проводить внутриселенное землеустройство методом сплошного или выборочного землеустройства в зависимости от местных условий и практической целесообразности. Однако эта работа, в свою очередь, встречала активное отрицание со стороны зажиточных слоев черкесских аулов и муфтий. Ситуация осложнялась политизацией земельного вопроса. Руководство области и местное (коренное) население стало связывать его решение с переселением русскоязычного населения за пределы автономии. И это при том, что руководство ВЦИК рекомендовало не производить переселение до окончания сплошного землеустройства [21].

На региональном уровне Крайземуправление пыталось создать определенные административные преграды, требуя, чтобы мощность переселяемых единоличных хозяйств составляла не менее 300 руб., а для коллективных – 100 руб.

[13]. Следовательно, маломощные хозяйства не могли быть отнесены к категории переселенцев, а это была приоритетная задача руководства области. После обследования хозяйств бывших красных партизан, которые прибыли на территорию Адыгеи по завершению Гражданской войны, было признано, что большинство из них оказались без земельных наделов. Дефицит земли, который имел место в Адыгеи, провоцировал в большей мере межнациональный конфликт, чем социальный в отличие от Кубано-Черноморской области. Предложения по расширению удобных земель за счет осушения плавней не могли решить проблему дефицита земли.

К середине 1920-х г. основные задачи межселенного землеустройства по урегулированию землепользования были выполнены. Одной из главных препятствий в землеустройстве было наличие споров о праве на землю того или иного земельного общества. Как было отмечено, возникали споры и конфликты с пограничными округами. Низкий уровень доходов черкесских хозяйств не позволял выплачивать задолженности по оплате за землеустроительные работы.

Правительство страны в меру своих возможностей оказывало ААО как финансовую, так и техническую помощь. За первую половину 1920-х гг. было получено 2 858 плугов, 40 112 борон, 121 молотилок и 84 тракторов марки «Фордзон» [6]. Этих средств было явно недостаточно с учетом уровня развития сельского хозяйства Адыгеи в отличии от Кубано-Черноморской области.

Огромные усилия правительства СССР по организации и проведению землеустроительных работ в первой половине 1920-х гг. были практически отменены Законом СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 г. [23]. Для Адыгейской (Черкесской) автономной области это означало, что землеустроительные работы первой половины 1920-х гг. оказались невостребованными и неэффективными. В отличии от Кубано-Черноморской области, где землеустроительные работы провоцировали острый сословно-этнический, социальный конфликт, в Адыгее он трансформировался в политическую акцию в рамках национально-государственного строительства.

Крестьяне в регионах РСФСР проявляли интерес к новым формам хозяйствования, проведению землеустроительных работ, которые часто провоцировали конфликты, доходившие до массовых драк и побоищ. В Адыгее эти конфликты если и возникали, то разрешались на основе межродовых отношений, во многом опиравшиеся на устои ислама, что явно проявилось в ходе выборов в Советы. При наличии острого земельного дефицита конфликтов на межнациональной основе в регионе удалось избежать, а процесс автономизации адыгского народа способствовал сохранению экономических и политических связей с Кубанью.

Мы можем утверждать, что процесс землеустройства в Адыгейской (Черкесской) автономной области накануне формирования СССР приобрел региональные особенности и не был эффективным и лишь последовавшая коллективизация способствовала реальному развитию аграрного сектора экономики. Национально-государственное самоопределение в рамках формирующегося многонационального государства – СССР стало для адыгского народа приоритетной за-

дачей, а решение большинства экономических вопросов, в том числе и земельного, носило перспективный характер, реализованный в ходе социалистической модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декрет от 27 мая 1920 года «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» ВЦИК и СНК – электронная версия. КонсультантПлюс.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р. 158. Оп. 1. Д. 54. Л. 18.
3. ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 63. Л. 1012.
4. ГАКК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
5. Государственное учреждение Национальный архив Республики Адыгея (ГУ Нацархив РА). Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
6. ГУ Нацархив РА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.
7. ГУ Нацархив РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.
8. ГУ Нацархив РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.
9. ГУ Нацархив РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 54.
10. ГУ Нацархив РА. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.
11. ГУ Нацархив РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 54.
12. ГУ Нацархив РА. Ф. 1 Оп. 4 а. Д. 73. Л. 46–47.
13. ГУ Нацархив РА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 206. Л. 8.
14. Казачий Дон: Очерки истории / А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян и др. – Ростов н/Д, 1995. – Ч. 1.
15. *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). Часть первая. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. – 428 с.
16. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти 1917–1927. История крестьянства СССР в 5 т. Том 1. / Г.В. Шарапов. – М.: «Наука». 1986. – 455 с.
17. *Меркулов Д.Х., Удычак Ю.А.* Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспективы. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. – С. 45.
18. Осколкова Э.Д. Проблемы методологии и историографии ленинской концепции нэпа. – Ростов н/Д, 1981.
19. Очерки истории Адыгеи / Г.П. Иванов, М.Г. Аутлев. – Майкоп. 1981 – 368 с.
20. Отчёт Северо-Кавказского краевого земельного управления за 1924–25 операц[ионный] год. – Ростов н/Д, 1926.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 134. Л. 165.
22. Северный Кавказ: выбор пути национального развития. / отв. ред. Н.Ф. Бугай. – Майкоп: Издательство «Меот», 1994. – 269 с.
23. СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.
24. *Хутыз К.К.* Адыги и многонациональной семье народов Северного Кавказа: опыт, уроки. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. – 390 с.
25. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 43.
26. *Чернопицкий П.Г.* К вопросу о расказачивании // Казачество России: история и современность: Тезисы Междунар. науч. конф., г. Геленджик (8–11 октября 2002 г.). – Краснодар: КубГУ, 2002.
27. *Щетнёв В.Е.* Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти на Кубани // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. Сб. статей. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1980. – С. 40–56.

28. Яхутль Ю.А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона). – Краснодар, Кубанский гос. ун-т, 2021. – с.

29. Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Басте Р.Ю. Аграрная политика советской власти на Кубани (1921–1929). – Краснодар, Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 64.

УДК 336.3(094)(470+571)''1922/1924''

И.А. Комиссарова

Ивановский государственный университет, г. Иваново. Россия

ПРАКТИКА СБОРА ЕДИНОГО И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЛОГА В 1922–1924 ГОДАХ НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье будут рассмотрены некоторые аспекты практики сбора сельскохозяйственного налога на местах и сдачи налога крестьянами, которые, на взгляд автора, оказали влияние на ход налоговой компании и приводили к дополнительной нагрузке на плательщика, увеличивая тяжесть обложения.

Ключевые слова: новая экономическая политика, единый сельскохозяйственный налог, крестьянство, практика налогового дела.

I.A. Komissarov

Ivanovo State University, Ivanovo. Russia

PRACTICE OF COLLECTION OF THE UNIFORM AND AGRICULTURAL TAX IN 1922–1924 ON MATERIALS IVANOVO-VOSNESENSKY PROVINCE

Abstract. The article will consider some aspects of the practice of collecting agricultural tax at the local level and the delivery of tax by peasants, which, in the author's opinion, influenced the course of the tax company and led to an additional burden on the payer, increasing the severity of taxation.

Key words: new economic policy, unified agricultural tax, peasantry, tax practice.

В период новой экономической политики во многом именно налоги определяли выбор пути, выстраивание отношений с крестьянством и состояние экономики в целом. Важной частью налоговой политики является практика организации сбора и сдачи налогов. Исследователи часто оставляют без внимания эти аспекты, занимаясь анализом декретов, государственных установок. В некоторых случаях уделяют внимание работе центральных налоговых органов, большей части квалификации сотрудников. Все это важно, дает возможность оценить эффективность и целесообразность налоговых мероприятий с точки зрения экономики в целом. Но, не менее важно посмотреть на практику сбора налогов со стороны населения. Это даст возможность, во-первых, лучше понять причины неудач проведения налоговых кампаний. Во-вторых, выявить ошибки в законодательстве. В-третьих, это самое важное, оценить настроение населе-

ния, непосредственных плательщиков, и их отношение к мероприятиям советской власти вообще и к самим налогам.

В данном материале, мы остановимся лишь на некоторых аспектах практики сбора налогов. Рассматриваться будут основной налог первых лет нэпа с крестьянства сельскохозяйственный, который в этот период ежегодно реформировался, прошел путь от натурального налога к полностью денежному. Такие государственные преобразования принципиально меняли практику сбора и сдачи налога, но практически не находили отражения в законодательстве. Места были вынуждены самостоятельно искать решения.

Для подготовки материалы в основном будут использованы материалы из фондов Государственного архива Ивановской области и областной газеты «Рабочий край». Начальный период новой экономической политики наиболее интересен, на взгляд автора, так именно в первые годы нэпа складывались налоговые отношения между населением и государственными структурами, закладывались основы налоговой культуры населения советского государства.

Практика сбора налога с крестьянства на местах включает в себя несколько составляющих: работа низового податного аппарата и собственно налоговое поведение крестьянства. От взаимодействия крестьянства и низового аппарата как на стадии определения суммы платежа, так и во время сбора налога зависел успех всей налоговой кампании. Проблема первых лет нэпа состояла как раз в том, что работа низового налогового аппарата была не налажена, не продумана, а население максимально старалось избежать всех тягот налогового обложения.

В нормативных документах, как правило, регламентировалась работа государственных структур и губернских администраций. На местах налоговый аппарат функционировал в виде подотделов губернских и уездных финансовых отделов, в штат которых входили налоговые и финансовые инспектора и агенты. Их главной обязанностью был надзор за взиманием налогов. Первые два года нэпа налоговые структуры наркомата финансов практически не участвовали в сборе налогов с деревни. То есть в практике сбора налога практически не участвовали специалисты и опытные агенты. С кампании 1922/1923 года стали привлекать налоговых агентов. Однако, практически повсеместно податной аппарат обвиняли в сильной централизации, места в вину центру ставили оторванность от действительности и излишнюю теоретизированность: «НКФ абсолютно не связан с местами, всякая новая практика, которая проводится в центре, находится в максимальном разрыве на местах со всеми органами» [3]. Аппарат в свою очередь обвинял губернские, уездные и волостные финансовые органы в уклонении от сообщения в ЦНУ действительных сведений о сборе податей, на случай неполучения из центра подкреплений денежными знаками [2]. Но главной проблемой податного аппарата и на местах и в центре был недостаток квалифицированных кадров и просто желающих работать. Обычной практикой было направление на работу в деревню «лучших»: коммунистов, комсомольцев, рабочих. С налоговым делом такие агенты были знакомы плохо, и помощь практическую оказать не могли, занимались в основном агитацией. А многие из них вообще боялись крестьянства, дальше уездных центров или

крупных сел не заезжали. Одна из основных установок для агентов была – административное давление на плательщиков, а в документах часто встречаются слова «принуждение» и «государственное принуждение» [5]. ЦНУ пыталось повлиять на ситуацию своими методами. Агитационную работу достаточно активно вели уже среди агентов и низовых сотрудников. Объясняли назначение налогов, приводили примеры подсчета по ставкам для хозяйства и давали установки на ведение кампании: «Быстро, энергично, терпеливо, правильно» [6]. На словах, на деле получалось не так. По одному из самых больших уездов Иваново-Вознесенской губернии пахотную землю на местах не выявляли, данные от правили по прежним данным, для ситуации 1923 года, что привело к переобложению хозяйств [1, д. 739, л. 18]. Для организации обследования прямо на месте, налоговые комиссии ждали жалобы с мест, если их накапливалось более 20 % на одну и ту же проблему, командировали в поселение специалиста. Но даже так не получалось удовлетворить все запросы, об этом писал губфинотдел в своих отчетах [1, д. 761, л. 33]. Еще среди частых претензий к низовому аппарату были обвинения в безхозяйственности, кумовстве и отсутствии инициативы. О подобных недостатках писали сами крестьяне в газеты и жаловались в губфинотдел. Чаще всего, подобные жалобы поступали, когда чаша терпения крестьянства переполнялась. Причины обвинения в бесхозяйственности были в отношении аппаратчиков к ведению учета и подсчету облагаемых объектов. Кумовство, по мнению крестьян, приводило к незаслуженным льготам и недоучету для одних и переобложению других. А инициатива, по мнению сельского населения, от низового аппарата была необходима при объявлении разряда урожайности и своевременной реакции на жалобы, задержка передачи жалоб дальше по инстанциям, как правило приводила к их отклонению [5].

Еще среди случаев недобросовестной работы инспекторов в газете отмечалась работа «на глаз», или «по шапке». И это была самая серьезная проблема. Так как, именно, эти два метода составляли основной арсенал работы низового аппарата. «На глаз» аппарат работал во время подготовительной работы при составлении списков, проверке, и самое печальное, при исчислении налогов, самая большая беда практики налогового дела в деревне. Именно это приводило к переобложению, недоимкам и весьма распространенной практике административных мер.

«По шапке» работали заготовительные конторы, чаще в свою пользу, крестьяне при таком подходе оставались с недоимками, так как не получали полного зачета сданных продуктов, или проданных в кооперативы. Следует отметить, что «по шапке», были вынуждены мерить из-за отсутствия весов, счетов и емкостей для замера. Все это просто не поступало на места, чтобы не сорвать проведение кампаний по этой несерьезной, на фоне стихийных бедствий, причине и мерили, как умели [5].

Стоит отметить, что все вышеперечисленные проблемы, были не только из-за низкой квалификации или неграмотности агентов. Значительная часть была прямым следствием несовершенства налоговой системы в целом. Именно, на уровне низового аппарата все эти недостатки становились очевидны, но ис-

правлять их не торопились. В приоритете были государственные экономические и социальные задачи.

Теперь несколько слов о крестьянстве и его отношении к налогам. Весь период крестьяне привыкали к налогу. Следует отметить, что к 1924 году смирились с тем, что налог придется платить постоянно, что он обременительный и с тем, что власть мало интересуется мнением самих крестьян. Поэтому крестьяне приспособивались. Искали возможности облегчить налоговое бремя любыми способами.

В целом практика налогообложения для крестьян определялась несколькими составляющими.

Объективные сезонные трудности (например, дожди), стихийные бедствия, например, засуха, промочки, пожары, но в изучаемый период в Иваново-Вознесенской губернии крестьяне страдали, именно от засухи и промочек.

О таком аспекте, как работа низового аппарата мы писали выше. Еще один важный аспект налоговой жизни крестьян – торговля. Следует заметить, что для частной, кооперативной и государственной торговли весь период была одна и основная проблема – слабая сеть. В Иваново-Вознесенской губернии крестьянам было сложно продать свой товар и купить необходимое для хозяйства. Закрытый круг. Для уплаты налога необходимы денежные средства, о безденежье деревни в материалах губернского исполкома сохранилось много записок за разные годы. Получить деньги за продукты можно было, отправившись или на рынок или в кооператив. Но кооперативы, также не обладали необходимыми средствами. А на рынках, по описанию самих крестьян: «Каждую субботу всем селом едут на базар, чтоб продать и заплатить налог. На базаре канитель, приходится везти обратно, так как покупателей нет...» [4].

И еще, очень больной вопрос, для крестьян, судя, по количеству жалоб. Это дороги, мосты и гужевой транспорт. Всего этого, по сути, у крестьянства не было. С этими проблемами они вынуждены были справляться сами. Для этого периода было не важно в какой форме сдавали налог в натуральной или денежной, мосты, дороги и транспорт были необходимы для того, чтобы если не привезти продукты, то доехать до кассы, чтобы уплатить налог. Пытались решить проблемы, откладывая уплату до морозов, получалось не всегда, выходило дороже, так как по истечении сроков уплаты начисляли пени. Или организовывали совместный массовый выезд, но это создавало очереди в конторах, оплатить не успевали. И это не частные случаи отдельных деревень, с подобными проблемами сталкивались постоянно и по всей губернии. А в некоторых уездах власти указывали, именно эти причины, как основные задержки сбора сельскохозяйственного налога.

Конечно, проблемы налоговой политики периода нэпа нельзя сводить к частным вопросам практики крестьянства и налогового аппарата. Но, на наш взгляд, количество этих недостатков наглядно демонстрирует несовершенство налоговой системы. Пренебрежение частностями дает подтверждение, того что налоги – это прежде всего государственный интерес, а население только источник доходов. И, разобравшись в механизме организации налогового дела на ме-

стах, становятся понятны истоки кризисов нэпа, и, скажем, осторожное отношение крестьянства к государственной аграрной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 739. Л. 18.
2. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 692/a/. Л. 2.
3. XI съезд РКП /б/. М. 1961. С. 324.
4. О чем говорят крестьяне // Рабочий край. 1925. 5 февраля.
5. *Полетаев А.* О советском аппарате в деревне // Рабочий край. – 1924. 24 февраля.
5. Рабочий край. 1921. Август; сентябрь; 1924. Июль.
6. *Чернов М.* Крестьянство и продналог // Рабочий край. – 1921. 9 августа.

УДК 94(470.44) |1929/1930|

В.А. Котельников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ: СЛУХИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация. Период сплошной коллективизации был ознаменован множеством трагических событий, которые повлияли на все дальнейшее развитие страны. В это время среди крестьянства Саратовского Поволжья получили широкое распространение конспирологические и апокалиптические слухи, которые были составными элементами крестьянской идеологии сопротивления. Причем данная тенденция была связана именно с тем, что вспыхивала в моменты наиболее сильных социальных потрясений. Еще одним важным фактором мифологизации процессов и разрушения традиционной культуры, повлиявшим на повседневную жизнь села в Саратовском Поволжье, была развернувшаяся антирелигиозная кампания, призванная насадить новые социалистические идеалы. Тем не менее подавить до конца инакомыслие не удалось: оно ушло в подполье и продолжало локально существовать.

Ключевые слова: коллективизация, мировоззрение, повседневность, Саратовское Поволжье, колхоз.

V.A. Kotelnikov

Saratov National Research State N. G. Chernyshevsky University, Saratov, Russia

EVERYDAY FORMS OF RESISTANCE: RUMORS AND OUTLOOK OF FARMERS IN THE SARATOV VOLGA REGION DURING THE PERIOD OF CONTINUOUS COLLECTIVIZATION

Abstract. The period of complete collectivization was marked by many tragic events that influenced the entire further development of the country. At this time, among the peasantry of the Saratov Volga region, conspiracy and apocalyptic rumors were widespread, which were integral elements of the peasant ideology of resistance. Moreover, this trend was associated precisely with the fact that flared up at the moments of the most powerful social upheavals. Another important factor in the mythologization of the processes and destruction of traditional culture, which influenced the

daily life of the village in the Saratov Volga region, was the unfolding anti-religious campaign designed to instill new socialist ideals. Nevertheless, it was not possible to suppress dissent to the end: it went underground and continued to exist locally.

Key words: collectivization, worldview, everyday life, Saratov Volga region, collective farm.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. и провозглашение Сталиным курса на сплошную коллективизацию стало началом насильственных методов во взаимоотношениях с крестьянством. Осуществлявшаяся советская модернизация сельской повседневности приобрела всеобъемлющий характер и достигла пика социокультурного радикализма в условиях «великого перелома», результатом которого стала ответная реакция доведенного до изнеможения проводимыми хлебозаготовками сельского населения. Все это привело не только к глубоким изменениям в экономике страны, но и затронуло все стороны крестьянской повседневности, которые имели долгосрочные последствия, определившие специфику развития социальных процессов в стране.

Аграрная политика власти в большой степени противоречила менталитету и социальным ожиданиям крестьян, которые выражались в сохранении традиционных, повседневных, бытовых и религиозных практиках. Особенно важен тот факт, что под пристальным идеологическим вниманием оказалось Саратовское Поволжье. Несколько округов Нижне-Волжского края (Балашовский, Пугачевский, Аткарский) и АССР Немцев Поволжья были объявлены в качестве образцово-показательных по социалистическому строительству, став, таким образом, экспериментальной площадкой для государственных кампаний, послужив причиной драматических событий и острой реакцией крестьянства на преобразования [8, 5].

Так, со второй половины декабря 1929 г. ситуация в Немреспублике приобрела характер массовых антисоветских протестов. Местные жители выпускали арестованных, возвращали отобранное имущество; в течение месяца в селе Мариенфельд фактически не существовало советской власти [5, 407–416]. Связано это было с тем, что немецкое население традиционно жило в определённой изоляции, которая определяла культурные, религиозные, бытовые и хозяйственные особенности, а также с тем, что местные функционеры проявили больше настойчивости и упорства ввиду национальных особенностей.

В то же время большую популярность в деревне получают различные апокалиптические слухи – с их помощью сельское население пыталось переложить на свой лад представление о развернувшемся строительстве нового миропорядка. Связано это было с тем, что в Саратовском Поволжье, помимо главенствующей православной церкви, многочисленными и авторитетными среди немецкого населения являлись лютеранская и католическая конфессии. Активно себя проявляли и вели насыщенную религиозную жизнь различные секты: старообрядцев, молокан, баптистов, цинистов, толстовцев, меннонитов и др. [10, 50].

Вследствие этого неудивительно что, по сообщениям ОГПУ Нижне-Волжского края «религиозная тематика» была преобладающей в кулацкой агитации против коллективных хозяйств. Крестьяне утверждали, что «колхоз несовместим с религией. Там вас заставят работать в воскресенье, закроют цер-

ковь и не позволят молиться», и, «присоединяясь к колхозу, вы записываете себя в список антихриста. Бегите из колхоза, спасайте душу!». В Аткарском округе одна крестьянка пророчила: «Тебя по воскресеньям заставят работать, если ты пойдешь в колхоз, поставят печать антихриста на лбу и руках. Сейчас уже царство антихриста началось, и идти в колхоз – большой грех. Об этом написано в Библии» [7, 113]. Разнородные слухи, нацеленные на коммунистов и крестьян, вступивших или собирающихся вступить в колхоз, предрекали гибель всем, кто перешел на сторону советской власти.

В деревнях ходили разговоры, предупреждающие сельских жителей о том, что коллективизация принесет беспорядки, голод, а применение тракторов приведет к неплодородию земли. Все чаще в деревне коллективизацию стали ассоциировать со вторым крепостным правом, сельские жители стали опасаться возвращения старых помещиков. Основными носителями и проводниками таких разговоров, касающихся вопросов семьи и домашнего хозяйства, были женщины. Одним из самых популярных слухов были опасения, что коллективизация приведет к тотальному обобществлению личных вещей, заканчивая детьми и женами, поэтому они были настроены враждебно против яслей, закрытия церквей и т.д. [6, 29]

Официальная аргументация утверждала, что кулак был главным виновником бабьих бунтов, т.к. «баба» была лишена политического сознания и свободы воли, она легко поддавалась влиянию кулака, подкулачника и вездесущего кулацкого духа, пронизывающего в то время сельскую местность. По словам сотрудника ОГПУ, «кулацкая антиколлективная агитация пользуется успехом в отсталых женских массах». Власти рассматривали женские бунты как иррациональные, спонтанные вспышки женской истерии [7, 133].

Повышенная активность женщин была связана с тем, что их реже привлекали к ответственности. В марте 1930 г. Верховный суд РСФСР разъяснил: «привлечение к ответственности членов двора – женщин, как пока наиболее угнетенного и подчиненного элемента в крестьянском дворе, может иметь место лишь в исключительных случаях» [8, 344]. В связи с этим женщины активно пользовались своими преимуществами.

Например, в с. Федоровке Лысогорского района Аткарского округа уполномоченный РИКа Федосеев арестовал зажиточного крестьянина Никитина за антисоветскую агитацию. На следующий день толпа женщин направилась в сельсовет и с криком вынесла на руках арестованного, после чего восстание разрослось до 100 человек, вооруженных кольями и вилами. Протестующие избивали членов местного совета и поджигали их дома. По данному делу было арестовано 10 человек, женщинам в качестве наказания были вынесены предупреждения [2, 2].

Не редко источниками слухов были местные уполномоченные. В рамках осуществления генеральной линии партии работники стали повсеместно превышать свои полномочия, активно применяя административный нажим и террор в деревне, насильно загоняя крестьян в колхозы. Причиной данного явления стал тот факт, что «мирные» средства вовлечения крестьян в колхозы не

срабатывали. Посланные в деревни партийные агитаторы как правило сталкивались со скептицизмом и насмешками.

Так, уполномоченный из Самойловского района при проведении сплошной коллективизации запугивал крестьянство раскулачиванием и передачей дел в ОГПУ. В с. Малая Осиновка Аткарского округа председатель правления колхоза Андреев заявил: «Кто не пойдет в колхоз, того отправят в Соловки. Есть такое правительственное решение, которое говорит, что все, не вошедшие в колхоз, будут выселены из пределов села. Я беру всех на заметку, кто будет голосовать против организации колхоза» [3, 105].

Очень похоже шла «агитация» за колхозы и в Немреспублике. Здесь можно привести в пример высказывание одного из загнанных в колхоз села Семеновки (Гебель) крестьян: «Во время проведения сплошной коллективизации председателем было сказано: «Сегодня мы имеем торжественную ночь. Дело идёт или же к жизни, или к смерти. Кто к утру не вступит в колхоз, пойдёт через горы в ледяное море». Мы видим, что нам житья не будет, и записались в колхоз. Ныне нас сильно угнетают...» [4, 252].

Крестьянство было дезориентировано, на глазах рушились вековые устои их жизни, поэтому массовое сознание было подвержено сильному влиянию слухов, они определяли политическую активность сельских жителей. Происходило это по причине того, что всякая попытка изменения привычного хозяйственного уклада вызывала страх за свое будущее и естественное стремление оставить существующий порядок в неизменности с необходимостью интерпретации происходящего. Крестьяне опасались, что советское государство, обещая лучшую жизнь и давая на подпись заявление о принятии в колхоз, на самом деле выписывало им «путевки» в ад. Выбирая между спасением и проклятием, крестьянам ничего не оставалось, как сопротивляться политике государства. Подобные мероприятия все чаще стали растолковываться и восприниматься населением как надвигающийся «конец света» [9, 58].

Концепция апокалипсиса вернула крестьянству определенный жизненный контроль, который в момент глобальных потрясений служил универсальным инструментом для объяснений происходящих событий, адаптируя и преобразовывая их под существующую реальность.

Поэтому государство определяло своей важнейшей задачей вытеснение консервативного, в первую очередь православного, мировоззрения и замену его социалистическо-атеистической системой. В ходе репрессивных мероприятий у крестьян стали массово отбирать культовые учреждения, поскольку религия была не только мощным идеологическим противником, но и оставалась культурным символом деревни и ее традиций; с ней были связаны основные жизненные события жизни человека, от рождения до брака и смерти. Более того, отдельные элементы культовых учреждений, такие как церковный колокол, были символами деревенской солидарности. Именно набат призывал крестьян на службу и собрания, предупреждал о пожаре, т.е. объединял крестьян в случае необходимости. В период сплошной коллективизации звон колоколов стал интерпретироваться как призывание к мобилизационным действиям против власти.

Поэтому, когда колокола стали массово снимать, для крестьянства это стало новым поводом для отказа от рационального понимания действительности и мифологизации происходящего. Так, в селе Широкое Татищевского района, когда власти проводили опись церковного имущества, сельчане сокрушались: «Отдали колокол антихристам, теперь скоро будут на лбу класть печать, и будем сами антихристами» [1, 90].

Мир слухов, отраженных в устной, традиционной форме или в печати, представлял собой своего рода закулисное социальное пространство для выражения крестьянского инакомыслия. Слухи были популярным форумом абстрактного социального пространства, в котором крестьяне могли создавать и поддерживать политический диалог о советской власти, коммунизме и колхозе. Эти слухи были формой дискурса, который всегда находил благодатную почву в период социальных потрясений, несмотря на натиск коммунистов на крестьянскую культуру. Различные подпольные толкования и сплетни предоставили крестьянам необходимое пространство для построения идеологии протеста, которая объединила бы и мобилизовала крестьян против государства, отрицая при этом легитимность советской власти.

Существование слухов и легенд, характерно для любого общества. Несмотря на жесткий тоталитарный контроль они активно распространяясь с помощью не подконтрольного власти «сарафанного радио», оказывая значительное влияние на мировоззрение населения, так как стремление общества делиться утаиваемой, но, возможно, правдивой информацией было довольно сильным. Они передавались из уст в уста, распространяться по каналам «горизонтальной» коммуникации независимо от усилий институтов власти, постепенно видоизменялись, к ним добавлялись новые факты; некоторые склонны были им доверять, другие игнорировали, но что самое главное, люди с ужасом и интересом рассказывали их друг другу. Похожие легенды появляются в разных странах и обществах в схожих социальных условиях. Иначе говоря, они – часть народного фольклора.

В начале 1930-х, население не могло похвастаться обилием источников информации. В основном это были официальные издания, откуда поступали основные сведения, наполненные агитацией и пропагандой, однако это обстоятельство не сделало общественное мнение однородным. Оно было сложным, многослойным, устроенным по своим собственным законам. Деревня жила в мире взаимодействия и переплетения индивидуальных и коллективных практик, деревенской и городской, православной и светской, народной и массовой идеологизированной культуры. Что касается периода сплошной коллективизации, то крестьяне изо всех сил пытались защитить и сохранить традиционный образ жизни, который подвергался политическим и идеологическим нападкам любыми доступными средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области далее – ГАНИСО) Ф. 55. Оп. 1. Д.5.

2. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 180.
3. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 215.
4. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – М.: МСНК-пресс, 2007.
5. Герман А.А. Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – Вып. 3.
6. Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. – М.: РОССПЭН, 2007.
7. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000.
9. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2008.
10. Яковлева Ж.В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). – Саратов. Техно-Декор. – 2020.

УДК 331.105.443

Г.Н. Крайнов

Российский университет транспорта, г. Москва, Россия

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. Рассмотрены формы и методы, особенности деятельности профсоюзов АПК в решении экологических проблем. Проведено сопоставление результатов работы российских профсоюзов АПК с соответствующими показателями представителей международных глобальных профсоюзов. Показаны негативные проявления минеральных удобрений, пестицидов, различных ядохимикатов на сельское хозяйство и здоровье человека. Проанализированы технологии «синтетической биологии», наноматериалов, и борьба профсоюзных организаций за экологическую безопасность.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс (АПК), профсоюзы агропромышленного комплекса, глобальные профсоюзы, экология, экологические проблемы.

G.N. Krainov

Russian University of Transport, Moscow, Russia

ENVIRONMENTAL ACTIVITIES OF TRADE UNIONS AGROINDUSTRIAL COMPLEX

Abstract. The forms and methods, features of the activity of the trade unions of the agro-industrial complex in solving environmental problems are considered. A comparison of the results of the work of the Russian trade unions of the agro-industrial complex with the corresponding indicators of representatives of international global trade unions is carried out. Shown are the negative manifestations of mineral fertilizers, pesticides, various pesticides on agriculture and human health. The technologies of "synthetic biology", nanomaterials, and the struggle of trade union organizations for environmental safety are analyzed.

Key words: agro-industrial complex (AIC), trade unions of the agro-industrial complex, global trade unions, ecology, environmental problems.

Свою историю профсоюз работников агропромышленного комплекса РФ ведет с марта 1919 г., когда в Петрограде состоялись I Всероссийский съезд Профсоюза сельскохозяйственных работников и I Всероссийский съезд Профсоюза рабочих пищевой промышленности [3].

Сегодня профсоюз работников АПК РФ объединяет более миллиона рабочих сельского хозяйства и смежных отраслей, пищевой и перерабатывающей промышленности в 80 регионах РФ и является членской организацией ФНПР. В профсоюз АПК также входят преподаватели, студенты, учащиеся отраслевых аграрных учебных заведений [4].

Одним из актуальных направлений деятельности аграрных профсоюзов является борьба за экологическую безопасность. Начиная с 1980 г. ООН считает угрозу живой природе, исходящую от сельского хозяйства, в числе опасных. Источниками сельскохозяйственного загрязнения являются минеральные удобрения и пестициды. Например, при чрезмерной дозе внесения удобрений возможно накопление в растениях нитратов, большое количество которых попадает в пищу и может вызвать пищевое отравление. Также, попадая в больших количествах в организм человека, нитраты становятся причиной развития рака.

Пестициды входят в число ядохимикатов, применяемых для борьбы с болезнями сельскохозяйственных растений и сорняками. В среднем на каждого человека Земли ежегодно расходуется 400–500 г пестицидов, а в России и США – до 2 кг. При этом, поражая определенные сорняки, пестициды негативно влияют на окружающую среду. Из последних наиболее известных фактов в нашей стране, связанных с негативными последствиями применения пестицидов в агропромышленном комплексе, можно отметить массовую гибель пчел летом 2019 г., причиной чего явилось опыление посевов рапса пестицидами [5].

Особую актуальность в настоящее время приобретают экологические проблемы, связанные с загрязнением рек. Обилие на малых реках мелких предприятий лесной, пищевой, легкой, текстильной, сельскохозяйственной и промышленности с отсталой технологией очистки воды приводят нередко к их катастрофическому загрязнению, разрушению экосистем, и полной гибели в реках всего живого. Крупным загрязнителем рек становятся животноводческие комплексы, построенные без очистных сооружений.

В решении экологических проблем современности заметную роль играет IUF – международный отраслевой союз, объединяющий работников агропромышленного комплекса, пищевой и табачной промышленности, гостиничного и ресторанного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей. Федерация создана в 1920 г. и в настоящее время включает 417 профсоюзных организаций из 126 стран мира и 2,5 миллиона членов. В ее составе наиболее многочисленной является сельскохозяйственная группа, в которую входит Профсоюз работников АПК РФ, объединяющий в своих рядах 8 тыс. первичных организаций и более 800 организаций и более миллиона членов в 80 регионах Российской Федерации. В Москве находится региональный офис IUF, который

осуществляет координацию деятельности организаций федерации в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Решение о создании офиса было принято в мае 1997 г. на Конгрессе IUF [2].

Подход к решению экологических проблем, который предлагает IUF, связан с внедрением технологической базы для перехода к устойчивой продовольственной системе. В агропромышленном комплексе для этого потребуется перейти к производству меньшего масштаба и большему разнообразию культур, объединению растениеводства и животноводства и системе севооборота, позволяющей сократить использование химикатов и вредные выбросы. Это позволит обогатить почвы, сохранить биоразнообразие, плодородный слой и запасы воды и создать достойную занятость, основанную на социальной и экологической устойчивости. Также этот подход включает применение мер регулирования процесса внедрения в сельскохозяйственное производство достижений в области биотехнологий, чтобы снизить риски для экологической и продовольственной безопасности, здоровья человека.

Экологические инициативы IUF включают в себя расширение регулятивных мер в отношении использования в сельском хозяйстве так называемой «технологии Терминатор», технологий «синтетической биологии», нанотехнологий. С помощью первого вида технологий производятся семена генетически измененных растений, специально «настроенных» так, чтобы их нельзя было использовать для посевной следующего года. Технологии «синтетической биологии» позволяют создавать новые организмы.

В рамках борьбы с экологическими проблемами IUF вместе с другими профсоюзами и общественными активистами многие годы выступает за запрет на использование в сельском хозяйстве глифосата, который был разработан в 1970 г. корпорацией «Монсанто». С 2000 г. (после окончания патента) этот гербицид выпускается под разными марками практически всеми крупными агрохимическими компаниями и используется при производстве почти 750 коммерческих продуктов. Столь массированное применение глифосата в сельском хозяйстве не могло не привести к появлению десятков новых разновидностей сорных растений, устойчивых к его действию. Для их уничтожения требуется применение все более токсичных средств, в том числе – сочетания глифосата с гербицидами предыдущих поколений.

Выступая за запрет использования в сельском хозяйстве глифосата, IUF и его сторонники предлагают в качестве альтернативы выращивание двух и более культур на одной посевной площади, ведение комплексного хозяйства и севооборот, включающий промежуточные и покровные культуры для нехимической борьбы с вредителями. Эти методы защищают биоразнообразие, обогащают почвы, берегут земельные и водные ресурсы и позволяют повысить производительность как угодий, так и труда. При должной поддержке, таким образом, может быть создана социально и экологически устойчивая сельская занятость.

Являясь активным членом международного отраслевого союза IUF, Профсоюз работников АПК РФ проводит активную работу, направленную на решение современных экологических проблем. В рамках этой работы профсоюз ра-

ботников АПК нашей страны добивается ратификации Конвенции Международной организации труда (МОТ) №184 о безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве, которая устанавливает порядок защиты здоровья работников от воздействия вредных химических веществ (минеральных удобрений и пестицидов), используемых в процессе производства продовольствия. Согласно Конвенции МОТ № 184 для этого предпринимаются меры по:

- установлению особых критериев по импорту, классификации, упаковке, маркировке и ограничению применения или полному запрещению химических веществ, используемых в сельском хозяйстве;

- принятию норм безопасности и гигиены труда и предоставляли надлежащую и полную информацию их пользователям на соответствующих официальных языках страны и, по запросу, компетентному органу;

- обеспечению безопасного сбора, переработки и утилизации химических отходов, химических веществ с истекшими сроками хранения и порожних контейнеров, чтобы не допустить их использования в других целях и устранить или свести к минимуму риски для безопасности и здоровья людей и для окружающей среды.

Работники сельского хозяйства имеют право на:

- получение информации и консультаций по вопросам безопасности и гигиены труда, в том числе о рисках, связанных с новыми технологиями;

- отказ от выполнения опасной работы, когда у них имеются достаточно веские основания полагать, что существует непосредственная и серьезная угроза для их безопасности и здоровья, о чем они немедленно информируют своего руководителя. Эти действия не должны иметь для них неблагоприятных последствий [1].

На пути ратификации в нашей стране конвенции МОТ №184 сейчас существует ряд препятствий, главное из которых связано с мнением Минтруда РФ о нецелесообразности ратификации конвенции. Главные аргументы этого органа государственной власти - затратный характер реализации конвенции и необходимость существенной корректировки законодательства. В свою очередь, профсоюз работников АПК РФ считает, что практически все исходные требования документа уже нашли отражение в российском законодательстве и реализация конвенции не потребует серьезных затрат.

Таким образом, в условиях роста экологической угрозы в сельском хозяйстве под воздействием растущего применения различных пестицидов, минеральных удобрений, ядохимикатов и других технологий «синтетической биологии», международные и российские аграрные профсоюзы играют важную роль в решении экологических проблем. Расширяется их борьба против бесконтрольного применения ядохимикатов и технологий «синтетической биологии», угрожающих органической аграрной экономике и здоровью людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция МОТ о безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве № 184 от 5 июня 2001 года. – URL: www.ilo.org.

2. Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография / С.А. Зубков, Г.Н. Крайнов. – М.:МИИТ, 2021. – 281 с.

3. Крайнов Г.Н. «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. – 2021. – № 2. – С. 79–89.

4. Крайнов Г.Н. Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR. – Санкт-Петербург: Лань, 2018. – 372 с.

5. Крайнов Г.Н. Этапы аграрной политики в современной России // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI вв. – Коломна, 2015. – С. 366–371; Старостина Л. Сельское хозяйство как фактор воздействия на окружающую среду. – URL: <https://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/>

УДК 94(47).

А.А. Куренышев

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

**СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ ТРУДОВАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ.
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ВОКРУГ ПРОБЛЕМ
РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
В 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы политической борьбы вокруг проблем развития сельского хозяйства СССР в 1920-х – начале 1930-х годов и раскрывается история трудовой крестьянской партии.

Ключевые слова: трудовая крестьянская партия – ТКП, политическая борьба, сельское хозяйство, сельская интеллигенция, большевики.

A.A. Kurenishev

Russian State Social University, Moscow, Russia

**WAS THERE A LABOR PEASANT PARTY. TO THE QUESTION
OF POLITICAL STRUGGLE AROUND THE PROBLEMS
OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF THE USSR 1920 – EARLY 1930s.**

Abstract. The article examines the issues of the political struggle around the problems of the development of agriculture in the USSR in the 1920s and early 1930s and reveals the history of the working peasant party.

Key words: labor peasant party – ТКП, political struggle, agriculture, rural intelligentsia, Bolsheviks.

Тема Трудовой крестьянской партии (ТКП) время от времени возникает в отечественной историографии разного направления и содержания. Собственно говоря, исследователей можно разделить на две большие группы: тех, кто занимается историей сельского хозяйства, крестьянства, его организаций, сельскохозяйственной интеллигенции и т.п. и тех, кто занимается историей спецслужб, борьбой с контрреволюционными, враждебными Советской власти. Кроме того следует отметить, что существовало как бы две ТКП: одна внутренняя, возглавлявшаяся крупными деятелями сельскохозяйственной науки

Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чайновым, А.Г. Дояренко и др. И ТКП заграничная с центром в Праге, возглавлявшаяся бывшими крупными эсерами С.С. Масловым и А.А. Аргуновым и др. Эта ТКП – Крестьянская Россия имела и филиалы в других странах рассеяния русской эмиграции, включая зону КВЖД с центром в Харбине. Заграничная ТКП засылала в СССР агентов, литературу, пыталась установить контакты с аграрно-крестьянской оппозицией внутри страны.

Существует две традиции в историографии ТКП. Одна считает ее мифической, полностью выдуманной ОГПУ организаций. Другая, исходит из возможного реального существования оппозиции большевикам со стороны сельскохозяйственной интеллигенции. Ответить хотя бы приблизительно на вопрос о реальности или мифичности ТКП можно только рассмотрев всю совокупность условий возникновения и деятельности организации. Кроме того, как это не удивительно на первый взгляд, необходимо изучить систему борьбы органов государственной безопасности, ВЧК, ОГПУ и НКВД с политическими противниками большевиков внутри страны и за ее пределами. Те исследователи, что изучали систему мер и методов борьбы с внутренней контрреволюции и различными эмигрантскими организациями, отмечали, хотя и не очень внятно (и понятно почему) тот факт, что в этой борьбе существенную роль играли провокаторы, агенты органов безопасности, внедренные во враждебную советской власти среду внутри страны и за ее пределами. Лепить псевдо контрреволюционную организацию и при помощи нее выявлять и изолировать враждебно настроенных к коммунистической власти людей, чекисты научились очень ловко. Достаточно вспомнить операции «Трест», и «Сндикат-2». По ТКП, как мы увидим, также были свои чекистские наработки. В статье, предшествовавшей выходу монографии О.Б. Мозохин писал о том, что «появление в документах ОГПУ и высшего партийного руководства материалов «О деятельности контрреволюционных вредительских организаций в сельском хозяйстве и о том, что политическим центром являлось Московское общество сельского хозяйства во главе с Н.Д. Кондратьевым, А.Н. (на самом деле Н.П. – прим. авт.) Макаровым, А.В. Чайновым и др.». «Немного позже, – пишет далее Мозохин, – Секретный отдел совместно с Экономическим управлением (два очень важных отделения ведомства – прим. авт.) ОГПУ раскрыли контрреволюционную организацию «Трудовая крестьянская партия (ТКП), которая, якобы (прим. авт.) ставила своей целью свержение Советской власти, реставрацию капитализма и установление буржуазно-демократической республики». Этому сообщению предшествовали две разработки. Первую вело Экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ в Наркомземе РСФСР, сельскохозяйственной кооперации и других сельскохозяйственных учреждениях. Одно из главных сельскохозяйственных учреждений СССР того времени – Тимирязевская сельскохозяйственная академия оказалась в разработке Секретного (СО) управления ОГПУ. Это означало, о чем бывший работник ФСБ не пишет, что обследование НКЗ, кооперации и т.п. велось открыто, а Тимирязевку «изучали» при помощи агентов (сексотов), внедренных (завербованных) из среды работников, ученых, профессоров академии. Разница, хотя дело ТКП гуляло между двумя управлениями постоянно, все же

существенная. Секретный сотрудник, принимавший участие в деле ТКП нами был выявлен. Это был упомянутый во многих моих и не только моих публикациях А.Р. Ильин (Борисов). Этот человек, казак по происхождению еще в 1925 г. сам пришел в советское посольство в Праге и предложил свои услуги в качестве агента. Я в своих статьях и книгах отмечал, что Ильин перешел Советско-Эстонскую границу один раз. Он должен был это сделать вместе с другим членом Пражской ТКП Г.А. Малаховым, о котором я и другие историки, изучавшие Крестьянскую Россию С.С. Маслова, писали не раз. Личные аспекты Малахову перейти границу не позволили... Ильин-Борисов, как выяснилось из его следственного дела переходил границу неоднократно... К сожалению, из-за пандемии дело по обвинению А.Р. Ильина (Борисова) стало недоступным. Отметим, что второй его том посвящен как раз работе его в Саратове... Куратором его все время был, также, расстрелянный в Саратове Александр Сергеевич Славатинский. Дела и того и другого относятся к 1939 г. Расследованием занимался еще один бывший питерский чекист, попавший в Саратов Стромин Славатинский, напомним, работал с апреля 1936 г. помощником начальника УНКВД по Саратовской области. Начальником был Я.С. Агранов В 1938 г. Славатинский был вызван в Москву 10 марта 1938 г. арестован. Показания на него давал и Ильин (Борисов). А.Р. Стромин стал Начальником Саратовского УНКВД 7 августа 193 г. Стал депутатом Верховного совета СССР первого созыва, а 14 декабря 1938 г. арестован и расстрелян в Москве в 1939 г., также как и Славатинский и Ильин (Борисов).

Агентов ОГПУ-НКВД, среди сельскохозяйственной интеллигенции, как можно заметить хватало. Последний председатель правления Московского общества сельского хозяйства, объявленного одним из центров ТКП. Б.Б. Веселовский, брат видного историка Степана Борисовича, охотно давал показания о контрреволюционной деятельности, невольном, по его мнению, вредительстве сельскохозяйственной интеллигенции. Б.Б. Веселовский в отличие от других фигурантов «Дела ТКП», бывших эсеров или кадетов, примыкал в дореволюционное время к социал-демократии, занимался издательско-журналистской деятельностью и историей земства. Б.Б. Веселовский был осужден на три года, но даже не доехал до места заключения. Он вернулся и жил по старому адресу в Москве, неподалеку от ВАСХНИЛ...

К истории ТКП следует добавить и внутри партийную борьбу по вопросам экономического развития, какой путь избрать: двигаться по бухарински вместе со всем крестьянством или резко отделить верхнюю зажиточную часть (кулаков) а остальных форсировано загнать в колхозы. Многие решалось конкретными людьми, руководителями НКЗ А.П. Смирновым, И.И. Теодоровичем, старыми авторитетными большевиками. Для давления на них и Бухарина с Рыковым и конструировался монстр ТКП, тесно связанный с эмиграциями и другими внешними врагами, готовившими интервенцию. Известная сейчас записка Н.Д. Кондратьева, составленная им для доклада М.И. Калинина на IV объединенном съезде Советов, была объявлена Г.Е. Зиновьевым «Манифестом кулацкой партии», а на следствии по делу ТКП квалифицировалась как ее программа.

Зиновьев начинал свою статью, направленную непосредственно против Кондратьева и так называемой «кондратьевщины» с прямого обвинения маститого профессора, видного сотрудника Наркомзема и главу Конъюнктурного института в «устряловщине». «Есть у нас в Москве наместник Устрялова, его, так сказать, московский полпред. Это профессор Н.Д. Кондратьев». Далее в статье под именем «столпов» кондратьевской школы названы многие обвиняемые по делу ЦК Трудовой крестьянской партии: А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, Г.А. Студенский, Л.Н. Литошенко и др. Статья Г.Е. Зиновьева была, напомним, написана по поводу тезисов Кондратьева, подготовленных к докладу председателя ВЦИК СССР М.И. Калинина к IV съезду Советов. На этом основании Зиновьев считал, что Кондратьев «оказывает реальное практическое влияние в некоторых важнейших наших государственных органах; он пишет «тезисы» и пытается проводить их через важные госорганы, он «подрабатывает» вопросы, он выступает с лекциями и докладами в важнейших наших вузах. Хотя Г.Е. Зиновьев подробно разобрал тезисы Н.Д. Кондратьева, пытаясь выявить в них «кулацкую», т. е. буржуазную, реставраторскую направленность, цель его – не разоблачение «либерального» профессора. Г.Е. Зиновьев явно намекал на то, что во многих госорганах «кондратьевщина» пользуется популярностью и поддерживается. В 1927 г., когда была напечатана статья, Зиновьев уже не был одним из тех вождей, чьи суждения воспринимались как истина в последней инстанции. Напротив, он являлся в этот момент отступником от генеральной линии партии, лидером оппозиционного блока. Несмотря на это, статья с некоторыми оговорками была признана правильной. В редакционном комментарии к статье, в частности, говорилось: «Политическая характеристика «кондратьевщины» данная автором в печатаемой статье, в основном правильна, хотя и не нова. Подобная характеристика идеологии проф. Н.Д. Кондратьева давалась на страницах «Большевика» еще в 1924 году. Автор, несомненно, раздувает «удельный вес» проф. Кондратьева, говоря о его реальном политическом влиянии в некоторых важнейших наших государственных органах, о легализованной «устряловщине» и кулацкой партии, якобы стоящей за спиной Кондратьева в СССР...» Таким образом, партийный официоз стремился одновременно принизить авторитет Г.Е. Зиновьева и опровергнуть его суждения о широком распространении «кондратьевщины» среди работников важнейших государственных организаций. В кулацком уклоне редакция обвинила оппозиционеров, предлагавших ввести так называемые «восстановительные цены». На том же самом IV съезде Советов, где прозвучали кондратьевские мысли, оппозиционер А.И. Муралов, будущий недолгий президент ВАСХНИЛ, настаивал на том, что «производитель должен получать за свой хлеб восстановительную цену». Это предложение оппозиционеров было расценено как расходящееся с линией партии и представлявшее очевидные уступки кулачеству, поскольку требование «восстановительных цен» в тех условиях отражало кулацкое требование об их повышении. Не случайной была, конечно, публикация в том же номере «Большевика» статьи Ю. Ларина, в которой автор доказывал на конкретных цифрах, что «руководимый до 1926 г. Г.Я. Сокольниковым Наркомфин, так построил

систему налогообложения, что частный торговец и зажиточный крестьянин облагались меньшими налогами, нежели кооперация и середняки». «После отстранения оппозиции от участия в руководстве центральными хозяйственными органами (СТО, Наркомфином, Госпланом, Наркомторгом и др.) партия стала пристальнее изучать практическую линию, проводившуюся в этих органах, и ее действительный классовый результат. В ряде решающих пунктов обнаружилось то кричащее противоречие между “противобуржуазными” фразами и между уступочной по отношению к частному капиталу практической линией, – какое вообще явилось характерным для оппозиции», – писал Ю. Ларин.

В свете достаточно основательных обвинений Ю. Ларина статья Г.Е. Зиновьева может расцениваться как попытка переложить с больной головы на здоровую ответственность за ошибочную с точки зрения классового подхода политику в деревне, проводившуюся в середине 1920-х гг. «Спеццы», предрасположенные к «кондратьевщине» и «устряловщине» работали в Наркомфине, Госплане, Наркомземе и других важных государственных органах и в то время, когда ими руководили будущие ревнители чистоты классового подхода – участники оппозиционных группировок. И Н.Д. Кондратьев, и Л.Н. Юровский, и А.В. Чаянов поступили на советскую службу еще в начале 1920-х гг. Но тогда никто не обвинял их в «устряловщине» или в чем-либо похуже. Думается, что органы безопасности «догадывались» о том, чем предполагали заниматься участники группы С.С. Маслова, оставшиеся в СССР. Тактика «обволакивания» коммунистического руководства была выработана по образцу и подобию того, что пыталась делать оппозиция в отношении царской бюрократии. Как считает Э.М. Щагин, «программа деятельности Трудовой крестьянской партии, которую воспроизводил на допросах Н.Д. Кондратьев, была созвучна некоторым мыслям, высказывавшимся А.В. Чаяновым в письмах, написанных еще летом 1923 г. Е.Д. Кусковой и «основным идейно-политическим установкам, выработанным кружком бывших меньшевиков или, как его называет Н.В. Валентинов, “Лигой объективных наблюдателей”, что существовала в Москве в 1922–1927 гг.» Так, один из фигурантов процесса меньшевиков И.И. Рубин говорил, что «так называемое “обволакивание” коммунистов, ответственных работников или руководителей учреждений окружающими меньшевиками, сторонниками других партий или беспартийными, враждебно относящимися к советской власти, – факт весьма распространенный в наших учреждениях». Органичная связь успеха тактики «обволакивания» с продолжением новой экономической политики, с ее углублением, несомненна. На эту связь обращали внимание как современники и непосредственные участники событий, так и историки. Конец нэпа, несмотря на все усилия «обволакивателей» внутри страны и за ее пределами, наступил, и вместе с этим были раскрыты именно те «антисоветски настроенные» группы специалистов, которые активно выступали против «слова» нэпа и замены его иной социально-экономической политикой. До начала 1930-х гг. никаких массовых репрессий против спеццов (исключением может служить так называемое «Шахтинское дело») не было. И это несмотря на то, что их стремление влиять на советскую власть незамеченным не оставалось. Об

этом достаточно убедительно свидетельствовала упомянутая статья Г.Е. Зиновьева. Репрессии по делу о принадлежности к Трудовой крестьянской партии продолжались, однако, и тогда, когда о нэпе в СССР успели основательно позабыть. Причем меры воздействия стали гораздо более суровыми. В годы нэпа борьба с инакомыслием (за некоторыми, впрочем, исключениями) велась в основном на страницах газет и журналов, в том числе и зарубежных. Как свидетельствует тот же Валентинов, «Социалистический вестник», орган заграничной РСДРП (м) для спецов его уровня был более чем доступен. В 1930-е гг. методы борьбы с противниками коммунистической власти резко ужесточаются. Ссылка становится едва ли не самой мягкой мерой наказания. В отечественной историографии утвердилась односторонняя оценка ужесточения репрессий. Ситуация в стране рассматривается большинством исследователей оторвано от общемировой. Обострение международных и внутренних социальных конфликтов способствовало установлению во многих соседних с СССР странах фашистских и полуфашистских диктаторских режимов. Внутренняя консолидация, проводившаяся путем подавления всякого инакомыслия, явно прослеживается в начале 30-х гг. и в СССР. Ставка на террор как метод политической борьбы была присуща оппозиционным силам не только в СССР, но и в некоторых других странах. Связано это было с явно наметившейся тенденцией к олигархическим формам организации власти, сосредоточению нитей управления в руках немногих лиц или даже одного лица, наделенного диктаторскими полномочиями и приобретавшего совершенно новый и необычный для того времени статус вождя. Терроризм этого времени коренным образом отличался от того, который использовался революционерами начала XX в., хотя мог инспирироваться и организовываться в недрах остатков народнических партий как внутри СССР, так и за его пределами. Так, у эмиссара пражской ТКП Г.А. Малахова имелись прямые указания С.С. Маслова по проведению террористического акта. Во взаимодействии с внутрипартийной и внутривластной борьбой, направленной на сохранение и углубление нэпа, ликвидация кого-либо из главных сторонников курса ускоренной индустриализации и коллективизации, могла изменить ход событий. Как писал в своем письме, характеризуя ситуацию в СССР на рубеже 1920 и 1930-х гг., к Е.Д. Кусковой Б.А. Бахметьев: «Вот почему мне лично кажется, что этот год или, может, будущий должен быть отмечен падением Сталина, которое, по всей вероятности, сыграет в истории России такую же роль, как значение падения Робеспьера. Вы помните, мы обсуждали, произошел ли Термидор в русской революции? Я говорил, что нет. Теперь для меня падение Сталина будет Термидором. У правых уже нет вождей, чего и не требуется; нужно лишь, чтобы история покончила со Сталиным как с последним оплотом твердокаменности; тогда власть останется в руках мягких максималистов – Рыкова, Калинина и К°, которые, подобно термидорианцам, будут пытаться нести дальше большевистское знамя, но фактически будут игрушкой жизненной стихии, уступая и колеблясь под давлением жизни и партийных низов, требующих приспособления и примирения. Послесталинский период власти слабых большевиков, мне представляется, будет периодом, когда жизнь

действовать начнет в положительном смысле, а не только как отрицательная стихийная сила, как она действовала до сих пор: и когда опять-таки под номинальной крышкой слабой большевистской власти внутри русского тела будут нарастать и откristаллизовываться те группировки и бытовые отношения, которые в известный момент властно потребуют перемены правящей верхушки и создадут исторические силы и исторические личности, которым суждено будет внешне положить конец большевистскому периоду и открыть следующий». Фраза «нужно лишь, чтобы история покончила со Сталиным, как с последним оплотом твердокаменности» в письме человека, который прекрасно понимал, что история делается руками конкретных людей, очень многозначительна... Ни о каком конкретном плане свержения И.В. Сталина и его ближайшего окружения в переписке Е.Д. Кусковой с Б.А. Бахметьевым, однако, речи нет. Оба они достаточно искушены в политических делах, чтобы рассчитывать только на развитие событий внутри страны. Оппозиционные правящим кругам СССР силы прекрасно понимали, какую роль в изменении политического строя в стране мог бы сыграть какой-либо военный конфликт или хотя бы угроза его начала. Не случайно вопрос об интервенции постоянно задавался арестованным фигурантам «дела» ЦК Трудовой крестьянской партии во время следствия. Сталин в письме Менжинскому писал: «Письмо от 2 / X, материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях – это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию в 1930 г., но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно». В письме к В.М. Молотову И.В. Сталин упоминает в связи с вопросом об интервенции и лиц, привлеченных к следствию по делу ТКП: «г) Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чайнова и т. д., хитро увиливающих от “тенденции к интервенции”, но являющихся (бесспорно!) интервенционистами, и строжайше допросить их о сроках интервенции (Кондратьев, Юровский и Чайнов должны знать об этом так же, как знает об этом Милуков, к которому они ездили на “беседу”»». Интерес, проявлявшийся И.В. Сталиным к проблеме «интервенции», является, на наш взгляд, одним из косвенных подтверждений реальности существования ТКП в России. Для того чтобы «пригвоздить» к позорному столбу правых оппозиционеров, И.В. Сталину в то время было бы достаточно доказать их идеологическую смычку с либеральными спецами из Наркомзема, Наркомфина, ВСНХ и т. д. Обвинить Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и в какой-то мере М.И. Калинина и К.Е. Ворошилова в пособничестве интервенционистам или просто поугатать этих партийных и государственных деятелей этим Сталин в это время вряд ли бы захотел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мозохин О.Б.* Трудовая крестьянская партия. Мифы и реальность. //на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизации и реформ в XIX–XXI веках: материалы XXIV междунар. науч. конф. / Сост. А.А. Плеханов, А.Б. Таранин. – М.: Издательство Фронткнига, 2020. – 384 с.

2. Мозохин О.Б. Дело Трудовой Крестьянской партии / Олег Мозохин – М.: Вече, 2021. – 400 с. (Советская история).

3. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922–1950-е гг. / Андрей Куреньшев. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 238 с. (История сталинизма).

4. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.) / Текст. М.: АИРО – XXI, 2012. – 404 с.

УДК 347.218

И.А. Ножкина, С.С. Шалаева, М.Б. Волкова

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,
г. Саратов, Россия

РОССИЙСКАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ АНАЛИТИКИ

Аннотация. В статье отражается восприятие научным сообществом процессов развития современной аграрной политики России и её реализации аграриями страны. Отмечается непоследовательность политического курса в аграрной отрасли, вызываемого внешними и внутреннеполитическими изменениями. Приводятся оценки исследователей политики импортозамещения, которая не снимает риски появления кризисных явлений, а также их рекомендации, нацеливающие на достижение устойчивости агросферы страны.

Ключевые слова: аграрная политика, сельскохозяйственное производство, импортозамещение, зарубежные санкции, отечественные контрсанкции.

I.A. Nozhkina, S.S. Shalaeva, M.B. Volkova

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

RUSSIAN AGRARIAN POLICY IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENTIFIC ANALYTICS

Abstract. The article reflects the perception by the scientific community of the development processes of the modern agrarian policy of Russia and its implementation by the country's agrarians. The inconsistency of the political course in the agricultural sector, caused by external and internal political changes, is noted. The assessments of researchers of the import substitution policy, which does not remove the risks of the emergence of crisis phenomena, as well as their recommendations, aimed at achieving sustainability of the country's agricultural sphere, are given.

Key words: agricultural policy, agricultural production, import substitution, foreign sanctions, domestic counter-sanctions.

Сельское хозяйство играет значительную роль в экономике любого государства. Именно данная сфера выступает базовой в жизнеобеспечении населения той или иной страны. В российской истории аграрный сектор, охватывавший 75 % населения, оставался определяющим в экономике вплоть до конца XIX века. В настоящее время Россия, обладающая самыми большими земельными ресурсами мира, имеет широкие возможности для развития сельскохо-

зяйственного производства и обеспечения экономической стабильности АПК страны.

Однако, как и в прошлом, так и на современном этапе модернизация этой сферы происходит скачками, без учёта того, что аграрная отрасль весьма инерционный сегмент экономики и успехи в нем являются результатом долговременных и поступательных усилий. Однако многие меры, предпринимаемые правительством и министерством сельского хозяйства для поддержания отрасли, дают положительные результаты, но в большей степени привязаны к политическому контексту. Эта исторически обусловленная особенность российской действительности проявляется в том, что приводит к трансформации курса аграрной политики, вызываемой в значительной степени не экономическими, а больше внешними и внутренними политическими событиями.

Крайне непоследовательным оказался реформационный процесс 1990-х годов, в контексте которого в стране осуществлялся переход к внедрению рыночных принципов в экономическую действительность. В сельском хозяйстве важнейшими элементами развития рыночных отношений стали приватизация сельскохозяйственных земель и создание фермерских хозяйств. Планировалось данные изменения внедрить одномоментно, однако реализация данного курса, не имея достаточного материального и юридического подкрепления, привела к катастрофическому падению аграрного производства. В этот период были практически реорганизованы колхозы и совхозы, первоначально в другие формы собственности, а впоследствии прекратившие свое существование из-за неэффективности и отсутствия государственной поддержки [1]. Надежды на массовое развитие фермерства также не оправдались. Быстро выяснилось, что фермерство неспособно сохранить того объема товарного производства продовольствия, которое прежде обеспечивали крупные хозяйства.

Регресс в данной отрасли компенсировался импортом продовольствия, что усиливало риски утраты продовольственной безопасности страны. По мнению специалистов «рывок в рынок» стал трагедией для сельского хозяйства России [2].

Деграция сельского хозяйства и растущая зависимость от импорта продовольствия вызвала в 2000-е годы необходимость усиления государственного регулирования экономики, что привело и к корректировке аграрной политики, важными направлениями которой стали внедрение таможенных квот на импорт продовольствия и национальный проект «Развитие АПК». Реализация данных мер создавало стимулы для активизации сельскохозяйственного производства, особенно в условиях выделения значительных бюджетных финансовых ресурсов. Однако в рыночных условиях их использование шло на выпуск сельскохозяйственной продукции с быстрым сроком окупаемости. В животноводстве приоритетными становились производство мяса кур и свинины, затратным оставалось содержание крупного рогатого скота, что привело к уменьшению рыночного предложения говядины.

Аграрная политика государства и на этом этапе не отличалась нацеленностью на долговременную стабильность. С одной стороны, в стране поддержи-

вались меры, направленные на преодоление зависимости от импорта, с другой, верховные власти стремились к интеграции в международные экономические системы, прежде всего в ВТО. Возможное членство в данной структуре большинством аграриев воспринималось негативно, так как это могло их поставить в неравные конкурентные условия с зарубежными сельскохозяйственными товаропроизводителями. Несмотря на такое сопротивление представителей аграрного сектора, в 2012 году Россия вступила в ВТО, что могло бы повысить роль страны в международном разделении труда, мотивировать отечественных производителей товарной продукции обеспечивать её соответствие общемировым стандартам.

Однако в условиях экономических и торговых санкций, установленных с 2014 г. со стороны США и ЕС, российским руководством был вновь взят курс на форсирование политики импортозамещения, которая выступала в качестве ответной контрсанкцией на политику западного мира. С установлением запрета на поставки товаров из-за рубежа (экономическое эмбарго) предоставлялся шанс для развития отечественного производства. Оптимистично воспринимается исследователями импортозамещение в сельскохозяйственной отрасли, открывающее ей безграничные горизонты развития [3].

Между тем радикальная перемена политической ситуации негативно сказалась на состоянии аграрной отрасли. В условиях бюджетных ограничений следствием такой политики стали сокращение потребительского выбора, снижение качества продовольственной продукции при ускоренном росте цен на неё. В целях сохранения рентабельности аграрных хозяйств при производстве продовольственной продукции стали использоваться растительные жиры (в частности, пальмовое масло), что позволяло снижать её себестоимость. Данная потребность вела к увеличению фальсифицированной продукции, доля которой по данным выборочных проверок Россельхознадзора составляла четверть всей пищевой продукции [4].

Политика российских контрсанкций не вызвала негативной реакции со стороны населения, к тому же рядовой потребитель не способен отличить фальсифицированный продукт от настоящего. Большинство населения контрсанкции воспринимались не с экономической точки зрения, а в контексте традиционной великодержавной ментальности и считались достойным ответом на западные санкции.

Вместе с тем в аграрной отрасли сохраняется множество проблем, которые тормозят достижение её устойчивого развития. Постоянные изменения аграрной политики, нацеливающие на приоритетность быстрокупаемых проектов, противоречат инерционной природе аграрного производства, повышают риски воспроизводства кризисных явлений, в том числе экологической направленности. В целях предотвращения такого сценария возможного будущего отрасли, по мнению исследователей, необходимо цивилизованное освоение российского ресурсного преимущества – земли. С возрождением села связывается дальнейшее укрепление благополучия страны [5]. Движение в данном направлении должно обеспечиваться за счёт, прежде всего, деполитизации аграрной отрасли.

Важно также решиться на долгое институциональное строительство многоукладной аграрной экономики, переструктурирование государственной помощи аграриям, дальнейшее укрепление рыночных механизмов землепользования. В связи с этим считается необходимым завершить постановку всех земель на кадастровый учёт, что облегчит их рыночное обращение. Для поддержки аграриев, внедряющих в производство технологические научные инновации, рекомендуется: ввести погектарный налог на бюджеты тех административных единиц, где выведены из оборота земли сельскохозяйственного назначения. Полученные деньги в результате введения данной меры расходовать целевым назначением на реабилитацию угодий: ввести гарантированные государством закупочные цены на главные сельскохозяйственные продукты; реанимировать не только потребкооперацию, но и все другие её виды, включая прокат, ремонт машин, обеспечение семенным материалом; пересмотреть систему налогообложения производителей сельскохозяйственной продукции; разворачивать малый бизнес, прежде всего, в сфере переработки сельскохозяйственного сырья на месте. Тем самым повысится не только экономический эффект, но и наладится возврат горожан на село [6].

Данные меры, по мнению исследователей, очевидны. Однако логика намерений не всегда совпадает с логикой реальных обстоятельств существования страны. Сельское хозяйство в большинстве стран является дотационным из-за циклической специфики. Однако в рыночных условиях капиталы идут в рентабельные отрасли, имеющие инвестиционную привлекательность. Это обстоятельство воспроизводит диспропорции между отраслями экономики страны, затрудняет развитие агросферы. Повышение привлекательности сельских территорий во многом зависит от укрепления социальной инфраструктуры, но именно это направление и ныне остается проблематичным, что снижает мотивацию населения работать на земле [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладкова Л.А., Морозова С.И.* Социальные реформы как условие развития сельского хозяйства. //Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 5. – С. 298.
2. *Барсукова С.Ю.* Аграрная политика России. //Общественные науки и современность. – 2017. – № 5. – С. 33.
3. *Журавлев Д.А., Клевцов О.И.* Импортзамещение как основной механизм развития российской экономики в условиях санкций. //Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 5. – С. 306.
4. *Заостровцев А.П.* Реакция на контрсанкции: «Мы за ценой не постоим...» //Общественные науки и современность. – 2017. – № 5.
5. *Лисичкин Г.С.* Аграрный сектор – ключ к выходу России из кризиса. //Общественные науки и современность. – 2011. – № 5.– С. 67.
6. *Лисичкин Г.С.* Указ. соч. С. 75.
7. *Ножкина И. А., Шалаева С.С.* Особенности государственной политики в аграрной сфере в условиях импортзамещения на примере АПК Саратовского Поволжья. // Общество, политика, экономика, право. – 2018. – № 5 (58). – С. 43–48.

Д.С. Орлов

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

РАЗВИТИЕ ЗЕРНОВОЙ ОТРАСЛИ В СОВХОЗАХ И КОЛХОЗАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1960–1980-Е ГГ.

Аннотация. Осуществляется реконструкция основных этапов развития зерновой отрасли в Алтайском крае в 1960–1980-е гг. Установлено, что наращивание производства хлебопродуктов в рассматриваемое время в крае чередовалось с периодами его падения. На динамику зерновой отрасли влияли изменения в хозяйственном механизме, наращивание материально-технической базы, агротехнологии, сдвиги в структуре посевных площадей. Вместе с тем, основным фактором развития отрасли оставались погодно-климатические условия, оказывавшие определяющее влияние на колебания урожайности зерновых культур.

Ключевые слова: аграрный сектор экономики, государственная аграрная политика, зерновая отрасль, совхозы, колхозы, государственные закупки, Алтайский край.

D.S. Orlov

Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V.M. Shukshin,
Biysk, Russia

DEVELOPMENT OF THE GRAIN INDUSTRY IN STATE AND COLLECTIVE FARMS ALTAI REGION IN 1960-1980

Abstract. The reconstruction of the main stages in the development of the grain industry in the Altai Territory in the 1960s – 1980s is under way. It was found that the increase in the production of bakery products in the period under consideration in the region alternated with periods of its decline. The dynamics of the grain industry was influenced by changes in the economic mechanism, an increase in the material and technical base, agricultural technologies, and shifts in the structure of sown areas. At the same time, the main factor in the development of the industry remained the weather and climatic conditions, which had a decisive influence on the fluctuations in the yield of grain crops.

Key words: agricultural sector of the economy, state agrarian policy, grain industry, state farms, collective farms, state purchases, Altai Territory.

Алтайский край в избранный для анализа проблемы период занимал ведущее место в аграрном комплексе Западной Сибири, был одним из основных хлебопроизводящих регионов страны. По объемам собранного зерна край уступал лишь Краснодарскому краю и Ростовской области.

В 1965 г. посев всех сельхозкультур снизился по сравнению с 1960 г. на 4,5 %, зерновых – на 3,1, пшеницы – на 9,8, а прочих зерновых – увеличился на 41,5 %. Ржи в 1965 г. засеяли в 9,8 раза больше, ячменя – в 3,8, крупяных – в 2,1 раза, а овса – в 1,6 раза меньше, чем в 1960 г. Соответствующие изменения произошли в структуре посева. Удельный вес зерновых культур в целом и «второстепенных» хлебов увеличился (с 75,8 до 77 % и с 10 до 14,9 %), а пшеницы – как в общей площади посева, так и в посеве зерновых – снизился (с 65,8

до 62,1 % и с 86,8 до 80,7 %). Среди прочих зерновых культур произошел рост доли ячменя, ржи и крупяных (с 1,7 до 6,7 %, с 0,1 до 1,2 % и с 0,5 до 1,1 %) и сокращение доли овса (с 6,6 до 4,3 %).

В первой половине 1960-х гг. продолжались начатые в предыдущий период сдвиги в организационно-производственной структуре зернового хозяйства. «Совхозизация» привела к тому, что в колхозах стало выращиваться менее 2/5 алтайского хлеба. В 1966 г. удельный вес совхозов всех типов в посевах зерновых культур составил 62,5 %, в валовом сборе хлебов – 63,4, в государственных заготовках – 63,4 % [5: 47, 48, 52–54].

Кризис зернового производства проявился не только на Алтае, но и в других целинных регионах СССР. Валовые сборы зерна в Западной Сибири в целом в 1961–1965 гг. упали по сравнению с предыдущим пятилетием на 35 %, а государственные хлебозаготовки – на 56 %. В Казахстане хлеба в первой половине 1960-х гг. собрали на 23 % меньше, чем во второй половине 1950-х гг. [14: 95, 211; 15: 54–55, 154–155]. Резкое сокращение производства зерна в районах освоения целины негативно повлияло на продовольственную ситуацию в стране в целом. Не хватало не только продовольственного, но и фуражного зерна. Начался его ширококомасштабный импорт. Но ситуация кризисной была не только в растениеводстве. Темпы развития животноводства также снизились. Сокращение посевов зернофуража и трав негативно сказалось на кормовой базе. Выращиваемая с нарушением агротехники кукуруза не смогла восполнить потери. Негативное влияние на ситуацию в отрасли оказала начавшаяся в конце 1950-х гг. по инициативе Н.С. Хрущева кампания по ограничению размеров ЛПХ сельских жителей. Спрос на сельхозпродукты рос более высокими темпами, чем их предложение. В стране стала ощущаться нехватка продуктов питания, в том числе хлеба. Нарастала социальная напряженность.

Противоречивые результаты «целинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В экспертном сообществе и высших эшелонах советского руководства стало все больше утверждаться мнение о необходимости перехода аграрного производства на путь интенсификации, которая понималась как комплекс организационно-экономических мероприятий, позволяющих добиться увеличения объемов производства сельскохозяйственных продуктов за счет повышения производительности труда.

Основные направления перехода отрасли на путь интенсивного развития были сформулированы в постановлении февральского (1964 г.) пленума ЦК «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции» [4: 401].

Принятая февральским (1964 г.) пленумом ЦК КПСС программа начала осуществляться уже новым руководством страны. Базовым направлением интенсификации производства оставалось наращивание материально-технической базы зернового хозяйства. Существенно увеличились поставки сельхозпред-

приятиям машин и оборудования. За счет увеличения парка машин и механизмов и их энергетической мощности повысился уровень механизации производственных процессов.

В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС был реализован ряд мероприятий по экономическому стимулированию и финансовой поддержке сельхозпредприятий. Повышались закупочные цены на зерновые культуры. Усилилась их зональная дифференциация. Была введена 50%-ная доплата за сверхплановую сдачу зерна государству. Плановые показатели стали доводиться до хозяйств по ограниченному числу важнейших показателей (в зерновом хозяйстве – по объему закупок). Планы продажи продукции государству объявлялись твердыми, неизменными на всю пятилетку, их показатели были ниже фактических закупок предыдущих лет [13: 165].

Пришедшие в октябре 1964 г. к власти в СССР лидеры осудили субъективизм и волюнтаризм Н.С. Хрущева в руководстве сельским хозяйством. К его ошибкам в сфере агротехники относили повсеместное навязывание выращивания кукурузы, монокультуризация зернового хозяйства, ставка исключительно на пропашную систему земледелия, ликвидация чистых паров, минимизация посевов трав, игнорирование почвозащитных технологий на целинных землях. С целью исправления допущенных в предыдущие годы недостатков во второй половине 1960-х гг. началась разработка и внедрение зональных вариантов так называемой улучшенной парозерновой системы земледелия. Ее составными частями на Алтае являлись введение в севообороты чистых паров, широкого спектра пропашных культур и трав, применение минеральных удобрений, агротехнических и химических мер борьбы с сорняками, почвозащитной технологии, снегозадержание, полезащитное лесоразведение.

На динамику посевных площадей на Алтае во второй половине 1960-х гг. оказало влияние 4%-ное сокращение пахотных земель. Однако основным фактором изменения площади и структуры посева в эти годы являлся переход к парозерновой системе. Всё бóльшие земельные массивы занимали чистые пары. В 1964 г. их удельный вес в площади пашни составлял 3,4 %, в 1967 г. – 10, в 1970 г. – 10,4 % [6: 169, 181; 7: 171, 182; 8: 149]. В зерновые севообороты включались посевы пропашных культур и трав.

Общей тенденцией пятилетия являлось сокращение посевных площадей зерновых культур и пшеницы. В 1966 г. общая посевная площадь снизилась на 2,6 %, посевы зерновых – на 5,3, пшеницы – на 5,6, прочих зерновых – на 3,9 %. В 1967 г. темпы сокращения ускорились – на 6,1, 8,3, 9,2 и 4,6 % соответственно. В 1968 г. площадь засеянной пашни сократилась незначительно – на 0,3 %, а посевы пшеницы за счет прочих зерновых увеличились на 3,8 %. В 1969 г. некоторое уменьшение массивов чистых паров и посевов кормовых культур позволило увеличить общую посевную площадь и посев зерновых, включая пшеницу и прочие зерновые (+0,9, +1,2, +1,2 и +1,3 % соответственно). В следующем году сокращение посевных площадей возобновилось (–2, –5,7, –6,3 и –2,6 %). В 1970 г. посевы зерновых культур в Алтайском крае занимали площадь меньшую, чем в 1965 г., на 16,6 %, пшеницы – на 15,6, прочих зерновых –

на 20,7 %. Площади, занятые кормовыми культурами, напротив, существенно расширились – на 15,6 %. В рамках клина «второстепенных» хлебов произошло сокращение посевов ржи и ячменя (на 26,1 и 44,6 %) и расширение посевов овса и крупяных культур (на 17,5 и 45,7 %).

Соответствующие изменения произошли в структуре посева. Удельный вес зерновых культур в общей площади посева сократился с 77 до 71,2 %, пшеницы – с 62,1 до 58, прочих зерновых – с 14,9 до 13,2 %. Доля пшеницы в посеве зерновых, напротив, выросла с 80,7 до 81,6 %. Среди прочих зерновых культур произошел рост доли овса и крупяных культур (с 4,3 до 5,6 % и с 1,1 до 1,8 %) и сокращение доли ячменя и ржи (с 6,7 до 4,1 % и с 1,2 до 1 %).

В 1966 г. на Алтае был собран относительно высокий урожай зерновых культур (6709 тыс. т), который способствовал стабилизации экономического положения сельхозпредприятий. Однако следующий, 1967 г. вновь оказался недородным. Валовой сбор снизился до 3467 тыс. т. Помимо ухудшившихся погодных условий негативное влияние на производительность зернового хозяйства продолжали оказывать последствия целинной кампании. Севообороты по-прежнему игнорировались. В степных районах края пшеница по пшенице высевалась 3 и более лет подряд [1].

В 1968 г. сбор хлеба увеличился до 5165 тыс. т. Более засушливое лето 1969 г. в сочетании с ранними заморозками привели к сокращению урожая до 4432 тыс. т. 1970 г. оказался самым благоприятным за вторую половину 1960-х гг. Средняя урожайность зерновых по краю поднялась до 13,3 ц/г. В предыдущие годы, начиная с 1966 г., она составляла 12,6, 7,1, 10,7 и 8,9 ц/га. Несмотря на относительно высокую урожайность, хлеба в 1970 г. собрали меньше, чем в несколько менее урожайном 1966 г. – 6250 тыс. т. Основной причиной этого стало сокращение посевных площадей, занятых зерновыми культурами (см. выше). Негативно на урожайности зерновых сказалось и продолжавшееся несоблюдение оптимального чередования культур. Пшеница на алтайских полях продолжала фактически занимать позицию монокультуры. В 1969 г. только около 40 % всей пшеницы в крае было размещено по лучшим предшественникам [2].

В целом за годы восьмой пятилетки производство хлеба на Алтае существенно выросло. Валовой сбор увеличился по сравнению с предыдущим пятилетием на 29,4 %, государственные заготовки зерна – на 43 %. В 1970 г. за успехи, достигнутые в годы восьмой пятилетки в развитии зернового хозяйства и других отраслей народного хозяйства, Алтайский край был награжден вторым орденом Ленина.

1971 г. выдался еще более урожайным, чем предыдущий. Хлеба собрали 7314 тыс. т. Однако это был не предел возможностей алтайской нивы. В 1972 г. в крае ожидался еще более высокий сбор хлебов. Высокой была урожайность зерновых и в других областях Западной Сибири, а также в Казахстане. Однако для основных хлебопроизводящих регионов европейской части СССР этот год оказался недородным. Чтобы не допустить возникновения дефицита продовольствия в стране, было решено компенсировать потери за счет максимально

возможного увеличения объемов поставок зерна из восточных регионов. В качестве основного инструмента наращивания объемов и темпов поступления зерна в государственный фонд использовались повышенные социалистические обязательства, предусматривающие сверхплановую хлебосдачу.

Непосредственное участие в организационно-политическом обеспечении достижения поставленных целей принял Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, совершивший поездку по Сибири и Казахстану. 27 августа 1972 г. прибывший в Барнаул Брежнев участвовал в расширенном пленуме крайкома КПСС, на котором были взяты «новые социалистические обязательства» по продаже хлеба государству. В итоге в 1972 г. на Алтае собрали самый высокий урожай за всю его историю – 9344 тыс. т. Средний сбор с одного гектара составил 19,9 ц. Государственные заготовки также достигли рекордного объема – 5265 тыс. т.

В 1973 и 1975 гг. урожайность зерновых, хотя и была меньше, чем в 1970, 1971 и 1972 гг., но тоже оставалась относительно высокой. И лишь один год за пятилетие – 1974 – оказался недородным. В итоге валовой сбор хлебов в Алтайском крае в годы девятой пятилетки вырос по сравнению с предыдущим пятилетием на 21,4 % и составил 31 590 тыс. т. Заготовки зерна увеличились на 25 %. По валовому сбору первая половина 1970-х гг. уступала показателям второй половины 1950-х гг., но по урожайности их превосходила.

Основным фактором наращивания производства зерна в первой половине 1970-х гг. являлись благоприятные погодные условия. Свою роль в развитии зернового хозяйства сыграло развитие материально-технической базы сельхозпроизводства. Выросли поставки тракторов, зерновых комбайнов, другой техники. Увеличились масштабы внесения в почву удобрений и обработки посевов гербицидами. Активизировались меры по борьбе с ветровой и водной эрозией. Расширилась высадка защитных лесонасаждений. На сильно эродированных почвах высевались многолетние травы, на средне эродированных – осваивались севообороты с полосным размещением многолетних трав и зерновых культур, на слабо эродированных – вводились почвозащитные севообороты.

В то же время в первой половине 1970-х гг. снизились масштабы парования пашни. В 1971 г. чистые пары занимали 10,5 % пашни, в 1973 г. – 6,9, в 1975 г. – 6 %. В 1970 г., по данным Алтайского крайстатуправления, площадь паров составляла 803 тыс. га, в 1975 г. – 491 тыс. га [3: 23, 35; 9: 149; 10: 188; 11: 103]. За счет этого за годы десятой пятилетки удалось на 4,6 % увеличить общую площадь посева. Вместо чистых паров в севообороты вводились «второстепенные» хлеба и кормовые культуры. В 1975 г. их засеяли на площади, на 15,1 и 13,2 % превосходящей уровень 1970 г. В зерновом поле пшеница продолжала уступать место прочим зерновым. Ее посевы за эти годы сократились на 5 %, а зерновых культур в целом – увеличились на 2 % [12: 182].

Первый год десятой пятилетки на Алтае оказался неурожайным. С одного гектара хлебной нивы в совхозах края в среднем собрали 8,3 ц, во всех категориях хозяйств – 8,9 ц [3: 23, 35]. Потери 1976 г. в дальнейшем компенсировать

не удалось. В 1977 г. урожайность зерновых оказалась низкой, в 1978 г. – ниже средней, в 1979 и 1980 гг. – средней. В совхозах в эти годы собирали 10,0, 11,4, 12,7 и 12,4 ц/га соответственно. Среднегодовая урожайность за пятилетку во всех категориях хозяйств снизилась до 11,6 ц/га (в годы девятой пятилетки она составляла 13,3 ц/га). Объем государственных заготовок во всех категориях хозяйств в 1976 г. составил 45,3 % от среднегодового уровня девятой пятилетки, в 1977 г. – 66,7, в 1978 г. – 71,1, в 1979 г. – 111,6, в 1980 г. – 79,5 %. Хлеба в крае за 1976–1980 г. собрали 27 635 тыс. т, заготовили – 11 620 тыс. т, или на 12,5 и 25,1 % меньше, чем за 1971–1975 гг.

Одиннадцатая пятилетка на Алтае началась с недорода. В связи с летней засухой в крае погибло и было списано 764 тыс. га зерновых. С одного гектара в совхозах в среднем собрали 6,2 ц зерна. Государственные закупки в 1981 г. во всех категориях хозяйств (529 тыс. т) были ниже среднегодового уровня 1976–1980 гг. в 4,4 раза [16: 301]. Неурожай в 1982 г. был немногим менее сильным, чем в 1981 г. Сбор зерна с одного гектара в алтайских совхозах составил 7,9 ц. Объем сдачи хлеба государству в данной категории сельхозпредприятий снизился по сравнению со среднегодовым уровнем предыдущего пятилетия в 2,2 раза. В 1983 г. ситуация несколько улучшилась, однако перелома на хлебном фронте не произошло. Урожайность хлебов в совхозах (11 ц/га) была ниже среднего уровня, а госзаготовки в них также не достигли показателей десятой пятилетки.

В 1984 и 1985 гг. погодные условия были более благоприятными для выращивания зерновых. Сборы хлебов существенно выросли. Так, в 1984 г. производство хлеба в крае составило 6091 тыс. т, а урожайность – 14,5 ц/га, в 1985 г. – 6104 тыс. т и 14,6 ц/га соответственно. Однако компенсировать потери первых двух лет пятилетки не удалось. Производство зерна в крае в 1981–1985 гг. снизилось по сравнению с предыдущим пятилетием на 16 %, госзаготовки – на 20 %.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. производство зерновых снизилось и по стране в целом. В одиннадцатой пятилетке хлеба в СССР собрали на 12 %, а заготовили на 14 % меньше, чем в десятой [17: 58, 62, 68, 95, 127, 219]. Резко вырос импорт зерна. Одним из факторов сокращения производства зерновых являлись сдвиги в отраслевой структуре сельского хозяйства. Необходимость налаживания стабильного кормообеспечения животноводческих комплексов и птицефабрик привела к расширению посевов кормовых и зерновых фуражных культур. В 1985 г. посевы пшеницы в СССР сократились по сравнению с 1980 г. на 18,2 %, а зерновых культур в целом – на 6,8 % [17: 58, 62, 68, 95, 127, 219]. Кормовые культуры существенно потеснили хлеба и на алтайской пашне. В 1985 г. они занимали площадь, на 8,8 % превосходящую показатель 1980 г., в то время как зерновых в 1985 г. посеяли на 7,7 % меньше. Общая площадь посева в 1985 г. за счет расширения чистых паров уменьшилась по сравнению с 1980 г. на 3,2 %. Удельный вес зерновых культур за указанный период сократился с 68,5 до 65,4 %. Значимые изменения произошли в зерновом хозяйстве. Площадь, отведенная под пшеницу, за это время снизилась на 14,1%, а под прочие

зерновые – увеличилась на 8,3 %. В итоге доля пшеницы в посевах зерновых сократилась с 71,2 до 66,2 %, в общей площади посева – с 48,9 до 43,3 % [17: 58, 62, 68, 95, 127, 219].

Причины спада в зерновом хозяйстве Алтайского края и страны в целом в конце 1970-х – начале 1980-х гг. не сводились к структурным сдвигам и неблагоприятным погодным условиям. Основным фактором рецессии являлось несовершенство хозяйственного механизма советского сельского хозяйства, который не создавал необходимых экономических стимулов для наращивания производства. Предпринятые после мартовского (1965 г.) пленума меры экономического стимулирования сельхозпроизводителей оказались половинчатыми, непоследовательными, в значительной степени декларативными и были направлены не на перестройку, а на корректировку существующей системы планирования и экономического стимулирования. Более того, уже в конце 1960-х гг., несмотря на заявления о приверженности курсу мартовского пленума, административные методы управления стали восстанавливать свои позиции и в тех сферах, из которых их попытались частично вытеснить. Так, система стимулирования продажи сверхплановой продукции государству переродилась в политику навязывания сверхплановых заготовок.

К началу 1980-х гг. абсолютно преобладающими являлись административные методы управления аграрной экономикой. В этих условиях нарастало отчуждение работников сельского хозяйства от средств и результатов труда. Колхозники и рабочие совхозов, трудившиеся в громоздких и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Деньги они получали за выход на работу, а не за ее итоги. А их основная трудовая функция сводилась к механистичному (почти как на заводском конвейере) выполнению операций сельскохозяйственного цикла. Причем под конечным результатом работы подразумевалось не получение сельхозпродукции, а просто факт окончания той или иной операции.

Углублению подобного подхода способствовало и распространение в конце 1970-х – начале 1980-х гг. так называемого пооперационно-группового метода производства, при котором пооперационное разделение труда осуществлялось не только между отдельными работниками, но и между трудовыми коллективами. Во многих хозяйствах внутри отраслевых цехов, производственных участков и бригад (а то и вместо последних) стала создаваться система временных звеньев, отрядов, комплексов. В состав уборочно-транспортных комплексов на Алтае входили звенья по скашиванию хлеба, обмолоту, вспашке зяби, подработке зерна, техническому обслуживанию.

Таким образом, периоды наращивания производства хлебопродуктов в Алтайском крае в рассматриваемое время чередовались с этапами кризисного развития отрасли. Предпринятые во второй половине 1960-х – начале 1970 х гг. усилия по восстановлению плодородия почв способствовали наращиванию валовых сборов зерна. Вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг. стали периодом рецессии зернового производства. В середине 1980-х гг. поступательное развитие отрасли возобновилось. На динамику производства влияли изменения

в хозяйственном механизме функционирования аграрного сектора экономики, наращивание материально-технической базы, практикуемые агротехнологии, сдвиги в структуре посевных площадей. Однако базовым фактором развития зернового хозяйства в 1960–1980-е гг. оставались погодно-климатические условия, оказывавшие определяющее влияние на колебания урожайности хлебной нивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 329. Л. 68–72.
2. ГААК. Ф. П.-1. Оп. 121. Д. 166. Л. 3.
3. Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы десятой пятилетки: стат. сб. Барнаул, 1981. – 119 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. – Т. 10. – 494 с.
5. Народное хозяйство Алтайского края в 1966–1970 гг.: стат. сборник. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1972. – 303 с.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1965. – 576 с.
7. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1966. – 616 с.
8. Народное хозяйство РСФСР в 1967 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1968. – 648 с.
9. Народное хозяйство РСФСР в 1971 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1972. – 459 с.
10. Народное хозяйство РСФСР в 1973 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1974. – 528 с.
11. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1976. – 519 с.
12. Народное хозяйство РСФСР в 1977 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1978. – 343 с.
13. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: [кол. моногр.] / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. – Новосибирск: Сибпринт, 2012. – 408 с.
14. Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 666 с.
15. Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. – М.: Статистика, 1971. – 711 с.
16. Сельское хозяйство СССР (1965–1981 гг.): стат. сборник. – М.: Статистика, 1982. – 365 с.
17. Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988. – 535 с.

В.А. Поляков

Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, г. Волгоград, Россия

**К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПАРТИЙНОГО ВЛИЯНИЯ
НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ КООПЕРАЦИЮ:
НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ, 1923–1925 ГГ.**

Аннотация. В статье, базирующейся на архивных документах, критически, с использованием идиографического пути познания, осмысливаются решения руководителей различных структур РКП(б) о возрождении кооперации в первой половине 1920-х гг. Но марксистско-ленинская методология партийных установок, диаметрально расходившихся с классическими принципами кооперативного движения, вела только к отрицательным результатам.

Ключевые слова: кооперация, рабочий класс, крестьяне, кредитование, РКП(б).

V.A. Polyakov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs Russian Federation, Volgograd, Russia

**TO THE QUESTION ABOUT THE NATURE OF PARTY INFLUENCE
FOR AGRICULTURAL COOPERATION:
ON THE MATERIALS OF THE VOLGA REGION, 1923–1925**

Abstract. The article, based on archival documents, critically, using the idiographic path of knowledge, comprehends the decisions of the leaders of various structures of the RCP (b) on the revival of cooperation in the first half of the 1920s. But the Marxist-Leninist methodology of party attitudes, diametrically at variance with the classical principles of the cooperative movement, led only to negative results.

Key words: cooperation, working class, peasants, crediting, RCP (b).

Тема кооперации с восторженными инсинуациями о мнимых успехах этой формы производственного объединения населения, да еще и связываемой с первым вождем В.И. Ульяновым по партийной кличке «Н. Ленин», была одной из популярнейших в советской историографии, которая компартии была подвластна [5 и др.]. С распадом Советского Союза у специалистов наступило и прозрение, вплоть до постановки вопроса: «Существовала ли кооперация в СССР?» [12], и возможность с действительно научных позиций оценивать феномен советской кооперации. Тому примером являются исследовательские подходы Л.Е. Файна, по его словам, вначале отражавших «полное одобрение кооперативной политики государства» [6], а затем признавшего себя «"пленником" кооперативной политики периода "военного коммунизма"» и заявившего, что «к концу 1920 г. крупнейшая в мире кооперативная система России оказалась частью полностью ликвидированной, частью превращенной в придаток государственных органов» [7].

Обусловили такую участь кооперации ленинские установки, как и режиссура всего того, что испытал русский народ от октябрьского переворота до победы

социализма через так называемую мнимо «новую экономическую политику» [3]. Отказ от классических принципов кооперативного движения был провозглашен официально, как и иной арсенал из более чем десятка различных манипуляций, которые камуфлировались под добродетель в политике сохранения коммунистической власти над народом, проводимой через «строго выдержанную коммунистическую линию» ленинской политики.

Среди них, наряду с преднамеренной организацией в стране голода, ужесточением трудгужповинности на крестьян, заменой слова «разверстка» на «продналог» и так далее [4], особое место заняла идея удушения кооперации. Именно это В.И. Ульянов – «Н. Ленин» имел в виду, когда на X партсъезде признавался: «Конечно, при местном хозяйственном обороте кооперация, которая у нас в состоянии чрезмерного удушения, нам нужна». А далее, не скрывая механизма, который к такому состоянию привел кооперацию, – решения IX съезда РКП(б) об отношении с кооперацией на принципах разверстки, – он предложил делать фактически тоже и опять в согласии с программой партии, но уже применительно к замене разверстки натуральным налогом. И потом, как обычно, чтобы убедить слушателей в своей «прозорливости», повторил: «Применяйтесь к замене развёрстки налогом» [2].

И надо сказать, что ленинское выражение «применяйтесь», по крайней мере партаппаратом, было принято так, как его автор и хотел. Вот факт из уймы типичных примеров, почерпнутых в Поволжском регионе, – выступление некоего Сиднеева с докладом «О строительстве кооперации» на X симбирской губернской партконференции. 26 июня 1922 г. этот проводник ленинских идей заявил: «Мы не можем ставить основной задачей борьбу с рынком. Кооперация слишком слаба, чтобы бороться с рынком». А другой оратор, коммунист Васильков, внес дополнение к сказанному докладчиком: «Если кооперация будет преследовать узко кооперативные цели, то все равно можно не дать развернуться кучке кулаков посредством строгой налоговой системы» [1]. То есть сказанное можно понимать однозначно: кооперация воссоздается для борьбы с частником и для борьбы с рынком. Из этого логично вытекает вопрос: как же можно осуществить такое странное «строительство»? На что правящая компартия, считавшая себя «умом, честью и совестью той эпохи», ответ имела всегда один – делать это через саму же партию.

Такой вывод вытекает из многих фактов, но самым значимым из этого ряда является сообщение коммунистической фракции Центров сельскохозяйственной кооперации о состоянии партработы в этом органе за подписью Г.Н. Каминского от 8 марта 1923 г. На шести страницах секретного документа, хранившегося в бывшем ЦПА ИМЛ, заведующий кооперативным отделом Наркомата земледелия и партийный секретарь фракции РКП(б), многое раскрыл из того, что замышлялось и претворялось в реальных делах после принятия 7 апреля 1921 г. декрета СНК «О потребительской кооперации» за подписью В.И. Ульянова – «Н. Ленина».

По откровенному признанию Каминского реализацию этого правительственного постановления осуществлял им возглавляемый отдел, который «пре-

вратился фактически в политотдел сельскохозяйственной кооперации, работавший под непосредственным руководством кооперативной комиссии ЦК». А далее этот высокопоставленный партиец назвал три основные задачи большевиков в кооперации в том виде, в каком о них в открытой печати не говорилось: «1) оформление и внедрение взглядов партии на роль и задачи сельскохозяйственной кооперации в условиях нэпа; 2) установление правильных методов и усиление партийного влияния для постепенного овладения кооперацией; 3) подбор и подготовка членов партии для работы в кооперации».

Кроме этого, столь же важным было перечисление им изменений тактического характера, включая отказ от тактики бойкота, разгона, административного вмешательства и перехода к незамедлительному проникновению партийных сил во Всероссийский центр кооперации и местные объединения [3].

Такая партийная установка, как и иные, исходившие из кремлёвских кабинетов, воспринималась за безотлагательную директиву. Одним из многих подтверждений этому является и отчёт Царицынского губкома РКП(б) от 7 мая 1924 г. на IX партконференции. За годичный период с апреля 1923 г. все кооперативные губернские и уездные структуры возглавили коммунисты, в число которых попали и 50 % от 33 человек мобилизованных для работы в деревне. При этом общая партийная прослойка на местах в потребительской кооперации составила от 60 до 70 %, а в сельскохозяйственной 25–30 % [8].

Такая статистика была соотносима и с общей численностью коммунистов, по стране внедряемых в кооперацию. Именно это, а не результаты хозяйственной деятельности, были приоритетной задачей. Ведь в цитируемом докладе заведующего кооперативным отделом и одновременно партийного секретаря фракции РКП(б) наркомата земледелия говорилось: «...хотя отлив крестьян из кооперации все же имел место в отдельных организациях, которые перешли в руки коммунистов, зато состав членов партии в органах управления к началу 1923 г. достиг 55 процентов» [3]. То есть признание абсолютно искреннее: пришли коммунисты – и в кооперация началась разруха. Именно так, исходя из партийного доклада, было и в Царицынской губернии, где «кроме потребительской и сельскохозяйственной кооперации существовало губернское объединение рыбаков, но последнее влачило жалкое существование... потребительская и сельскохозяйственная кооперация развилась не лучше объединения рыбаков». И связывалось это с тем, что «политика губернского центра главным образом на торговлю, в период которой кооперация произвела ряд невыгодных сделок, привела почти к полнейшему краху».

Если поставить вопрос, кто же так поработал? – то у самих партийцев был и ответ: «Работой кооперативных органов руководит кооперативное совещание при Губкоме и в последнее время на местах при парткоммах также организованы уездные кооперативные совещания, которые состоят из представителей местных кооперативных организаций и работают при непосредственном участии членов президиумов парткоммов (заворготделами), которые являются в качестве председателей совещаний. Протоколы кооперативных совещаний рассматриваются и утверждаются президиумами парткоммов» [8].

Годом позже, побывавший в Царицынской губернии инструктор ЦК РКП(б) М.М. Хатаевич, представил 17 августа 1924 г. заведующему Орграспредом ЦК Л.М. Кагановичу, по одной из партийных кличек «Гольденбергу», следующую информацию: «В связи с неурожаем возрос в громадной степени интерес крестьянства к кооперации. Почти во всех волостях губернии возникают новые ЕПО и Сельско-Хозяйственные Товарищества, увеличивается в 1,5–2 раза количество членов ранее существовавших кооперативов. Прет в кооперацию сейчас главным образом середняк, имеется стремление со стороны бедноты, но не столь активно. Но губернские кооперативные верхушки, особенно сельскохозяйственная кооперация по слабости своей не могут поспевать за этим ростом снизу. Всего в губернии к 1 августа числилось 128 первичных объединений Потребкооперации и до 160 сельскохозяйственных товариществ всех видов, в том числе – коллективов и коммун. Охватывается ими до 25 % крестьянского населения деревни. Теперь эта цифра еще более возросла. Коммунистов в качестве руководителей имеется уже более чем в 50 % объединений. Крестьяне даже в кооперативах с преобладающим кулацким влиянием, без возражений, даже охотно принимают коммунистов в качестве председателей и членов правлений, очевидно потому, что без коммунистов кооперативу нет хода во всех организациях» [9].

Заключительная фраза цековского посланца, что «без коммунистов кооперативу нет хода во всех организациях», – абсолютна верна. Таковую ситуацию именно коммунисты и обусловили своей задумкой еще в 1923 г. Тогда Г. Н. Каминский информировал о дополнении трех основных задач большевиков в кооперации еще и следующими циничными «находками»: 1) организацией союзов колхозов и коммун с их последующим слиянием с общими союзами, что значительно облегчало вхождение коммунистов на местах в новые правления; 2) выделением специальных центров (Льноцентр и Союзкартофель) с целью использования разногласий и борьбы между различными группировками в среде старых кооператоров и 3) соответствующими методами экономического воздействия (кредит и прочее)» [3]. Именно эти партийные рекомендации использовались на местах для вовлечения населения в кооперацию в условиях продолжавшего свирепствовать в Поволжье голода.

17 ноября 1924 г. коммунист с высоким должностным положением Б.П. Шеболдаев, подтверждая на X Царицынской губернской партконференции, что «губком уделял чрезвычайно много внимания на кооперирование населения», доложил: «В городе кооперировано 70–80 % рабочего населения (14 000 чел.). Бюджет рабочего на 40–50 % расходуется в кооперации. В деревне 26 % хозяйств (62 000 чел.). Пока кооперация обслуживает деревню только в торговом отношении» [10]. Казалось бы, что надо радоваться росту кооперации, но у членов партии, правившей страной, суждения были иные. Их раздражал рост вступающих в кооперацию действительных тружеников, то есть людей самостоятельных, здравомыслящих и с некоторым материальным достатком. Типичным в этом плане было суждение выше упоминаемого М.М. Хатаевича о том, что «прет в кооперацию сейчас главным образом середняк» и

«крестьяне с преобладающим кулацким влиянием». Им же хотелось видеть там голытьбу и бедноту.

В логике с этим тот же Б.П. Шеболдаев 13 февраля 1925 г., выступая на пленуме Царицынского губкома РКП(б), обратив еще раз на это внимание, «как видно кооперируются и кредитуются лучше мощные хозяйства», – категорично заявил: «Эту тенденцию надо повернуть обратно». И, дав верное пояснение, что «кооперация, как источник средств, оперирующая государственными средствами существовать далее не должна», – указал, и опять правильно: «Надо использовать средства самого крестьянства». Но вслед за этим приоткрыл присутствовавшим однопартийцам уже коммунистический алгоритм дальнейшей тактики антинародных действий: «Нам выгодно иметь под своим руководством и зажиточных, но кредитование перенести на бедноту. В правления, безусловно, зажиточных не вводить».

Таким образом, выходило бы так, что государственное финансирование на паи для вхождения в кооперацию получала бы беднота. Но это тоже расходилось с принципами классической кооперации, к тому же бесшабашная беднота паевые средства могла «спустить на потребу иную...». Вот тогда этот царицынский губкомовец с намеком на новое, предстоящее «охмуривание» сельских жителей, обозначил следующую задачу, перед коммунистами стоящую: «Найти организационную форму использования зажиточной части крестьянства. В этом, – пояснил он, – помогут совещания при кооперативных объединениях» [11].

И ждать разрешения такой задачи окажется совсем недолго. Кремлёвские продолжатели ленинских начинаний обойдутся и без «помощи совещаний при кооперативных объединениях», перейдя в 1925 г. к изгнанию состоятельных крестьян из всех форм кооперативных объединений, но без средств или имущества ими туда вносимого. А затем последует и социалистическая коллективизация сельского хозяйства с её раскулачиванием и ликвидацией «кулака как класса». Своеобразным символом победы кооперативно-колхозного строя станет второй советский голод начала 1930-х гг.

Таким образом, попытки по-советски возрождать кооперативное движение, как и все иные начинания советской власти, осуществлявшиеся партией коммунистов, в разные годы именованной РКП(б), ВКП(б) или КПСС, заканчивались с одинаковыми отрицательными издержками для народа вплоть до трагических последствий с многомиллионными жертвами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 435.
2. Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта (1921 г.) // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 57–73.
3. Поляков В.А. Ленин и кооперация // Тезисы докладов республиканского научно-практического семинара «Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России». – Тюмень, 1992. – С. 48–49.

4. Поляков В.А. Первый советский голод: на материалах Поволжья, 1919–1925 гг.: монография: в двух томах. – Т. 1. На пути к голоду, 1919 – весна 1921 года. – Волгоград, 1919. – 541 с. – Т. 2. Поволжская жатва скорби, лето 1921 – 1925 год. – Волгоград, 2021. – 725 с.

5. Социалистическая кооперация: история и современность / Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, Т. Т. Петрова и др. – М.: Наука, 1989. – 224 с.

6. Файн Л.Е. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана. – М., «Мысль», 1970. – 320 с.

7. Файн Л.Е. Кооперация в системе военного коммунизма и нэпа: новые подходы к исследованию проблемы // Тезисы докладов республиканской научной конференции «Истории Советской России: новые идеи, суждения». Часть I. – Тюмень, 1991. – С. 87–90.

8. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 109.

9. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110.

10. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111.

11. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125.

12. Шушканова Е.А. Существовала ли кооперация в СССР в годы НЭПа? // Тезисы докладов республиканского научно-практического семинара «Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России». – Тюмень, 1992. – С. 50–51.

УДК: 94(47)

А.В. Посадский

Поволжский институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Саратов, Россия

БУНТ В ЛИПОВКЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 2 МАРТА 1920 Г.

Аннотация. В статье предлагается анализ массового протестного события на территории Саратовской губернии в ходе Гражданской войны 1918–1922 гг. в России. Крестьянский протест против войны и мобилизации вылился в бунт, развитие которого источник позволяет проследить достаточно подробно. Событие рассмотрено в контексте развития Гражданской войны в Поволжье.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, крестьянство, бунт, Саратовская губерния, село Липовка.

A.V. Posadsky

Volga Region Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

RIOT IN LIPOVKA, SARATOV PROVINCE MARCH 2, 1920

Abstract. The article offers an analysis of a mass protest event on the territory of the Saratov province during the Civil War of 1918–1922 in Russia. The peasant protest against the war and mobilization resulted in a revolt, the development of which can be traced in the source in sufficient detail. The event is considered in the context of the development of the Civil War in the Volga region.

Key words: Russia, Civil war, peasantry, riot, Saratov province, Lipovka village.

Саратовская губерния оказалась активно затронута событиями Гражданской войны. Из десяти ее уездов некоторым досталось стать ареной ожесточенных и долговременных военных действий. Таков Царицынский уезд, ставший в сен-

тябре 1918 г., в советской юрисдикции, ядром новообразованной Царицынской губернии. Таков Балашовский уезд, на территории которого разворачивались многие эпизоды фронтовой и повстанческой борьбы в 1918–1921 гг., включая Антоновское восстание. Вольск и Хвалынский летом – осенью 1918 г. переходили из рук в руки в борьбе РККА и Народной армии КомУча. Аткарский, Камышинский, Сердобский, Кузнецкий уезды были прифронтовыми, на их территориях также велись боевые действия. Губернский Саратовский уезд на таком бурном фоне выглядит сравнительно благополучно. Основные крестьянские возмущения в нем относятся к лету, отчасти осени 1918 г., когда восстания подходили к пригородам Саратова. Далее уезд достаточно уверенно контролировался губернской советской властью. Тем не менее, и в нем произошел однодневный бунт в волостном селе Липовка в начале марта 1920 г. Бунт носил антимобилизационный характер.

Волнения мобилизованных в губернии, как и по всей стране, случались и ранее. Летом 1919 г., в весьма напряженный для красных момент, возмутились многочисленные формируемые части в Евлашево, неподалеку от Кузнецка [4, с. 367–368]. За год до липовского бунта, в начале февраля 1919 г., подняли мятеж мобилизованные в Петровске. Тогда же, в конце февраля – начале марта 1919 г., многие волости отказывались от мобилизации в Хвалынском уезде, в селе Черный Затон был разоружен отряд по борьбе с дезертирством [2, л. 1, 2, 8, 9, 10.].

Липовка не очень заметна на карте Гражданской войны в губернии. В конце августа 1919 г. она упоминалась в документах в связи с продвижением мятежного Донского корпуса Ф.К. Миронова на юг [5, с. 337, 351]. Однако сколь угодно значительных событий близ нее не происходило. В период массовых восстаний 1920–1921 гг. село посещали повстанцы Ф.А. Попова. Тем интереснее тот сюжет, который является предметом нашего внимания.

Основные сведения об упомянутом бунте содержатся в деле саратовского губернского революционного трибунала на шестерых активных участников, которые были осуждены и вскоре амнистированы к третьей годовщине октябрьской революции осенью 1920 г. Общий абрис событий дает обвинительное заключение на тех, кому не повезло попасть в число зачинщиков и оказаться под судом. Заключение подписал помощник уполномоченного секретно-оперативного отдела Саратовской губчека.

27-го февраля по волости было оповещено о мобилизации жителей 1885–1887 и 1901 гг. рождения. Являться надлежало 1-го марта к зданию Липовского волостного исполкома для отправки в саратовский учетно-мобилизационный отдел. В этот день в Липовку приезжали маленькие группы мобилизованных и, не являясь в военкомат, уезжали по домам. 2-го марта съехалась большая часть мобилизованных. Они ударили в набат и без разрешения устроили митинг. Собравшиеся попросили объяснить, для чего их мобилизуют. Военком Щеренко вышел уговаривать «взволновавшихся граждан», которых собралось около 2000 человек. Однако разговора не получилось, из толпы раздавались выкрики против войны и существующей власти. Никаких доводов военкома и присоеди-

нившегося к нему инструктора всеобща Тихонова толпа не слушала. У милиционера и продотрядовца отобрали винтовки, обоих избили. Щеренко и Тихонова также намеревались обезоружить. Восставшие бросились к складу оружия и телефонной станции. С их стороны раздалось несколько выстрелов. Милиция, продотряд и коммунисты дали несколько залпов в воздух, после чего восставшие разбежались. С их стороны один оказался убит и шестеро арестовано. Интересно, что среди последних пятеро 34–35 лет и лишь один девятнадцатилетний. Можно полагать, что взрослые были куда более недовольны и активны. Один из них являлся до 1914 г. приказчиком, а затем крестьянствовал, как и остальные. Шестеро арестованных представляли шесть населенных пунктов волости: Липовку, Юматовку, Ханеневку, Большую Чечуйку, Софьинку и Арбузовку. Это можно интерпретировать как свидетельство равно протестных настроений по всей волости, ибо вряд ли скоропалительные аресты по горячим следам могли быть как-либо срежиссированы. Один из обвиняемых якобы сгруппировал около себя примерно два десятка человек и собирался испортить телефонную станцию. Некто В.Ф. Шмельков составил телеграмму «контрреволюционного содержания» и предлагал военкому ее подписать. К сожалению, адресат телеграммы не указан. Восставшие предлагали уничтожить списки мобилизуемых, не подчиняться, отобрать оружие у комсостава [1, л. 5, 5 об.].

На следующий день, 3-го марта, свою версию событий изложил начальник 3-го снегового отряда Козенков в письме в революционный трибунал 2-й стрелковой запасной бригады. «Снеговой» отряд можно понимать как созданный для расчистки от снега железнодорожных путей или для обеспечения этой трудоемкой работы силами крестьян. В обвинительном же заключении речь идет о «продотрядниках». Очевидно, это или бойцы все того же отряда, который мог выполнять различные функции по «выкачке» хлеба и осуществлению иных необходимых работ с привлечением населения, или же в селе находилось несколько бойцов другого, продовольственного, отряда.

По мнению начальника отряда, события развивались с 14:00 до 17:00. Накануне, прибыв с отрядом в Липовку, командир разместил бойцов по квартирам и отправился в волостной исполком. Там оказалась шумящая толпа. Военный комиссар на вопрос о причинах собрания ответил, что население собралось самовольно. Козенков услышал разговоры в толпе, что все отряды надо обезоружить. Он вернулся к месту расквартирования и собрал своих красноармейцев. Не успели они построиться, как со стороны волысполкома послышались ружейные выстрелы. Козенков прибыл к исполкому уже с отрядом, в это время толпа двинулась на здание исполкома. В нем находилось семь вооруженных коммунистов, которые начали стрелять в толпу через дверной проем. В толпе закричали, что надо отбивать дверь у склада оружия и боеприпасов. Отряд дал три залпа в воздух. «Озверевшая толпа от Исполкома не отходила». Раздавались крики: «Бей!» Отряд по команде двинулся вперед, толпа бросилась навстречу. После еще одного залпа толпа кинулась бежать. Критический момент миновал. Командир поставил посты на всех улицах и у исполкома. Надо

отдать справедливость мужеству волостного и сельского исполкомов, – они оставались на месте и постов не покинули.

Группы бунтовщиков по улицам разогнали перестрелкой. Военком с милиционерами и красноармейцами принялись за розыск зачинщиков. Таковых поймали около 10 человек и отправили в Саратов. Учитывая, что под судом оказалось шестеро, можем предположить какие-то досудебные события, влияющие родственных связей, взятки и т.п. Во время восстания погиб один житель. Козенков пишет, что не знает, убит ли он при стрельбе коммунистов или же красноармейцами его отряда. Вроде бы залпом был убит тот, кто направил винтовку на Козенкова [1, л. 29, 29 об., 30, 40 об.].

Милиционер показал, что в Ханеневке Липовской волости накануне вечером было собрание жителей [1, л. 38].

Козенков в качестве причины возмущения называет «уклонение от военной службы», – это вполне очевидно и мало что объясняет. Можно полагать, что одновременный призыв «детей» и мобилизация «отцов» создали напряжение, ибо многие семьи теряли основных работников. Кроме того, мобилизация семейных глав дворохозяев всегда вызывала большее недовольство, нежели призыв молодых.

Существует неясность с единственной жертвой бунта и, видимо, кульминацией события. Залпы в воздух толпу не впечатлили, и она, подбадривая себя криками, двинулась на красноармейский отряд. Следующий залп, можно полагать, был на поражение. Или же целенаправленно застрелен оказался именно тот, кто был вооружен и готов пустить оружие в дело. Без этого непонятно, почему очередной залп в воздух вдруг так изменил настроение большой агрессивной толпы. В таком случае, можно предполагать и раненых, которые были скрыты населением и не попали в официальные документы.

Для того, чтобы оценить обрисованное событие, обратимся к общей обстановке в губернии. Саратовцы-горожане жили слухами, в том числе совершенно нелепыми и далеко не только политическими. Например, о том, что Марс «сорвался» с орбиты и ближайшей осенью погубит Землю. Об этом пишет в дневнике саратовский журналист Н.М. Архангельский. В марте 1920 г. он записывает и такие разговоры: «...массовое дезертирство солдат. За один февраль из Саратовского гарнизона разбежалось до 23 тыс[яч] чел[овек]! Весной – увидите – побегут остальные. Мужики прячутся и ничего вы не поделаете!

Возвратился из белого плена один из красноармейцев – не коммунист, человек, которому могли верить. Рассказывает:

– У белых – полное разложение армии. Отсутствие всякой дисциплины, пьянство, разврат, грабежи. Солдаты плохо одеты, голодают. Когда я, после плена попал на Советскую территорию, – мне показалось, что я в благоустроенном государстве» [3, запись от 22 марта 1920 г.]. Действительно, в феврале – марте 1920 г. саратовским крестьянам могло обоснованно казаться, что гражданская война завершилась или, по крайней мере, ушла из саратовских пределов. Далеко на юг откатились войска ВСЮР. Доживала последние трагические недели Уральская казачья армия за Волгой. Между массовой «зеленовщиной»

лета 1919 г. и масштабным повстанчеством в Поволжье 1920–1922 гг., начавшимся выступлением А.П. Сапожкова, также была очевидная пауза, – крестьянство не шло на широкую повстанческую борьбу. Вялые военные действия на польском фронте еще не сменилась польским наступлением с захватом русских территорий, что вызовет в скором времени значительный национальный подъем. К тому же приближался сезон сельскохозяйственных работ. Данная ситуация и объясняет вопрос о целях мобилизации и нежелание идти на войну непонятно с кем.

Как правило, антимобилизационные восстания в случае успеха вели к возвращению в свои села, что давало властям время мобилизовать силы. В Липовке, если бы не оказался в селе снеговой отряд, скорее всего, было бы так же. В то же время, трибунальское дело хранит свидетельства организованности и, возможно, подготовки: зафиксировано собрание в одном из сел накануне выступления, мобилизуемые приезжали на своего рода разведки, толпа вела себя солидарно, были вполне осмысленные попытки прервать связь, захватить оружие, разоружить своих противников. Интересна и попытка легитимизировать свои действия (или, напротив, бросить вызов власти?) посылкой некоей телеграммы.

Нам приходилось высказывать соображение о том, что бунт в Бакурах Сердобского уезда ровно за год до событий в Липовке может рассматриваться как несостоявшаяся часть Чапанной войны, разгоравшейся по соседству, выше по Волге [4, с. 134–135]. Но если весной 1919 г. северные уезды Саратовской губернии испытывали влияние «Чапанки», то в начале марта 1920-го в разгаре было Вилочное восстание. Оно затронуло части Казанской и Самарской губерний, но на Саратовскую прямого воздействия не оказало. Тем не менее, в условиях такого, даже не близкого, соседства, любой разросшийся очаг вооруженного протеста и недовольства становился опасен для власти. Развитие протеста пресек вооруженный отряд, оказавшийся в селе в опасный для власти момент. Однако мы можем констатировать, что волость, не пострадавшая напрямую от событий гражданской войны, продемонстрировала нежелание служить в армии, неприязненное отношение к власти и способность к солидарным действиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.507. Оп. 2. Д. 692.
2. ГАСО. Ф.521. Оп.1. Д.444.
3. *Архангельский Н.М.* Дневник. Расшифровка и набор текста М.В. Ковалева. Частное собрание. Запись от 22 марта 1920 г.
4. *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ, 2010.
5. Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917–1921 гг.) Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М., 1997.

Т.Н. Решецкая

Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия, г. Горки,
Республика Беларусь

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АГРАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье анализируется законодательство Российской империи об аграрном образовании после отмены крепостного права. Следует отметить, что данная реформа дала импульс аграрной модернизации, а развитие соответствующего законодательства стало отражением общегосударственных тенденций. Указанный период становится временем становления и развития сети аграрных школ, а также формирования системы сельскохозяйственного образования. Этому процессу способствовало принятие соответствующих нормативных актов – Нормального Положения 1883 г. и Положения о сельскохозяйственном образовании 1904 г. Автор подчеркивает, что государственная инициатива нашла широкую поддержку у земств, обществ сельского хозяйства и частных лиц, что способствовало развитию сети учебных заведений и системы профессионального аграрного образования.

Ключевые слова: аграрное образование, аграрные учебные заведения, законодательство об аграрном образовании, Российская империя, подготовка кадров.

T.N. Reshetskaya

Belarusian State Orders of the October Revolution and Labor Red Banner
Agricultural Academy, Gorki, Republic of Belarus

ANALYSIS OF LEGISLATION ON AGRARIAN EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. The article analyzes the legislation of the Russian Empire on agrarian education after the abolition of serfdom. It should be noted that this reform gave impetus to agrarian modernization, and the development of relevant legislation became a reflection of national trends. This period becomes the time of the formation and development of the network of agricultural schools, as well as the formation of the agricultural education system. This process was facilitated by the adoption of the relevant normative acts – the Normal Regulations of 1883 and the Regulations on Agricultural Education in 1904. The author emphasizes that the state initiative found wide support from zemstvos, agricultural societies and private individuals, education.

Key words: agrarian education, agrarian educational institutions, legislation on agrarian education, the Russian Empire, personnel training.

Проблема развития аграрного образования приобрела общегосударственное значение с отменой крепостного права в 1861 г. С этого времени профессиональное образование на селе становится одним из факторов повышения эффективности аграрного производства, на государственном уровне приходит понимание, что владение минимальными научными знаниями агрокультуры крестьянами необходимо в условиях развивающихся капиталистических отношений.

Первые низшие аграрные учебные заведения на территории Российской империи – Горецкое ремесленное училище и Марьиногорская низшая сельскохозяй-

ственная школа – были государственными и действовали на основании индивидуально разработанных законодательных актов.

Так, 1 февраля 1872 г. по предложению министра государственных имуществ Государственный Совет Российской империи принял решение о создании при Горецком земледельческом училище на базе имевшегося при нем механического завода ремесленного училища. Положение об училище было утверждено 18 февраля 1872 г., а занятия начались в сентябре. Согласно «Положению» училище имело своей целью подготовку мастеров, способных изготовлять и исправлять земледельческие машины и орудия, а также умеющих управлять ими [3, с. 107].

Марьиногорская сельскохозяйственная школа (Игуменский уезд Минской губернии) стала вторым по счету низшим аграрным учебным заведением, Указ об открытии которой был подписан в 1876 г. Значимость этому событию придает то обстоятельство, что это была первая в Российской империи правительственная начальная сельскохозяйственная школа [8, л. 68]. Цель ее состояла в ознакомлении воспитанников на практике с успехами улучшенного хозяйства и главнейшими ремеслами [5, с. 3]. Вся деятельность учебного заведения определялась Инструкцией, утвержденной 15 июня 1879 г. министром государственных имуществ [5]. Она состояла из нескольких разделов, регламентировавших основные моменты функционирования школы: прием и выпуск воспитанников, предметы занятий и методы образования, деятельность школы к распространению улучшенных способов хозяйства, устройство школы и фермы, управление, отчетность. Первый набор состоялся в 1880 г. Чиновник Министерства государственных имуществ (далее – МГИ) граф Сперанский, произведя осмотр школы в 1881 г., отметил многочисленность живого инвентаря, поведение и прилежание воспитанников, а также любовь и знание, с которыми личный состав относился к своему делу [8, л. 75–78].

Нормальное Положение 1883 г. о низших сельскохозяйственных школах стало началом унификации правовой базы, образцом для разработки основных документов деятельности учебных заведений, дало толчок к открытию новых школ [1]. В § 1 определялось, что такие школы имеют целью распространение в народе основных познаний по сельскому хозяйству и необходимых для него ремеслам преимущественно путем практических занятий. Школы могли быть общими и специальными, а по объему учебного курса – первого и второго разрядов (§ 2). Право учреждать учебные заведения такого типа получили земства, сельскохозяйственные общества и частные лица (§ 4). Желавшие открыть образовательное учреждение, имели возможность получить государственное денежное пособие в размере до 3 500 рублей в год (§ 6). Курс обучения длился 3 года, в § 9 устанавливался перечень дисциплин, изучаемых в школах каждого разряда. Количество практических занятий предписывалось Уставом школы (§ 10). От поступавших в школу 1-го разряда требовалось знание общеобразовательных предметов в объеме курса двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения (далее – МНП), в школу 2-го разряда – знание тех же предметов, но в объеме курса начальных народных училищ (§ 12). В тех

местностях, где не было народных училищ, разрешалось открывать приготовительный класс при самих школах (§ 13). Несколько параграфов Положения (§§ 15–20) конкретизировали систему управления учебными заведениями. Особо отмечалось, что управляющий школой должен был назначаться преимущественно из лиц, окончивших курс в высшем или среднем сельскохозяйственном учебном заведении и притом основательно знакомых на практике с ведением сельского хозяйства.

Уже в 1883 г. в МГИ, в ведении которого находились сельскохозяйственные школы, поступило более 150 ходатайств от частных лиц и обществ об открытии низших сельскохозяйственных школ. В 1884 г. на основании Нормального положения было открыто пять сельскохозяйственных школ общего характера: Кучеровская (1-го разряда) в Суджанском уезде Курской губернии, Марьинская (1-го разряда) в Белгородском уезде Курской губернии, Приютская (2-го разряда) в Бежецком уезде Тверской губернии, Воздвиженская (1-го разряда) в Глуховском уезде Черниговской губернии, Завиваловская (1-го разряда) в Чембарском уезде Пензенской губернии. До конца 1880-х гг. всего было открыто 19 школ, причем среди них преобладали узкоспециальные – молочного хозяйства, овчаров, мукомолов, садоводов [4, с. 151].

Новое Положение о сельскохозяйственном образовании 1904 г. [2], стало следующим шагом в развитии организационных принципов управления аграрными учебными заведениями всех уровней, послужило правовой базой для создания новых и преобразования уже существующих низших и средних сельскохозяйственных школ на территории Российской империи.

Документ состоял из шести разделов, первый из которых описывал общие постановления в устройстве учебных учреждений. В § 1 говорилось, что в государстве могли учреждаться как учебные заведения для подготовки деятелей по сельскому хозяйству, так и учебные установления для распространения сельскохозяйственных знаний. Они могли быть мужскими и женскими, общими и специальными (по отдельным отраслям). Далее отмечалось, что сельскохозяйственные учебные заведения разделялись на высшие, средние и низшие (§ 2). В свою очередь в низшее звено входили низшие сельскохозяйственные училища и практические сельскохозяйственные школы (§ 4). В § 9 предусматривалось по соглашению МЗиГИ и МНП создание единых Уставов для однородных учебных заведений, в которых определялось устройство, порядок управления, объем учебного курса и распределение уроков. При составлении таких правил необходимо было учитывать преобладающее значение практической подготовки учеников. Четвертый раздел Положения был посвящен непосредственно организации низших сельскохозяйственных школ. В § 56 отмечалось, что курс обучения в общих сельскохозяйственных школах продолжался три года и распределялся на три класса, а в специальных срок обучения мог сокращаться на год или два. Поэтому в школах по отдельным отраслям хозяйства при сокращенном периоде обучения предметы преподавания устанавливались министром ЗиГИ в соответствии с разрядом школы, ее специализации и потребностями местности, где она учреждалась. В пятом разделе рассматривались вопросы устройства

практических сельскохозяйственных школ. В § 66 особо указывалось, что основой обучения в таких школах являлись практические занятия, которые состояли в производстве соответствующих цели заведения сельскохозяйственных и ремесленных работ с необходимыми объяснениями преподавателей. Кроме того в каждой школе предполагались теоретические занятия по соответствующим специализации школы общеобразовательным и специальным дисциплинам.

С развитием сети низших аграрных учебных заведений происходила постепенная унификация организационно-правовой базы. Для каждого вида школ создавались типовые документы, на которые можно было сослаться в своей деятельности или использовать для создания собственных Уставов и правил. В 1910 г. был принят Общий устав для практических школ по различным отраслям сельского хозяйства [6, с. 79–84]. В 1912 г. – Устав народных сельскохозяйственных школ [6, с. 91–94]. В 1913 г. – Общий устав низших сельскохозяйственных училищ [6, с. 29–44]. В 1915 г. – Общий устав практических школ садоводства [6, с. 85–91]. Кроме этого, были разработаны примерные правила для начальных сельскохозяйственных школ [6, с. 95–98].

Следует отметить, что совместная работа властных структур, земств, обществ и частных лиц способствовали развитию сети учебных заведений и системы профессионального образования. В начале XX века в Российской империи устойчиво развивалась система сельскохозяйственного образования. Она формировалась в соответствии с потребностями аграрной модернизации и достижениями сельскохозяйственной науки. По состоянию на 1 апреля 1911 г. она включала в себя 260 учебных заведений. Из них 4 были высшими, 15 средними и 241 относилось к низшим сельскохозяйственным школам.

В центральных российских губерниях свою роль в создании низших аграрных учебных заведений играли земства, при содействии которых с 1884 г. по 1898 г. была учреждена каждая пятая школа. Из 6 существовавших к тому времени школ в Беларуси 2 были казенными, 4 – частными, земских не было вообще, что было связано с отсутствием здесь до 1911 г. земских органов. В то же время многие землевладельцы устраивали в своих имениях школы 2-го разряда и ниже, что давало возможность использовать ученический труд в своих хозяйствах при минимальных затратах по организации теоретического обучения.

К 1917 г. их сеть в количественном и качественном отношении значительно улучшилась. В России уже активно работали 5 сельскохозяйственных высших учебных заведений и курсов по программе высших. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее интенсивно развивалась сеть низших сельскохозяйственных школ всех типов и различной ведомственной принадлежности. В 1916 г. в России действовало 408 учебных заведений. В них обучалось 12301 учащийся [9, с. 109–110].

Всего на территории Беларуси с конца XIX до начала XX в. были открыты 19 низших аграрных учебных заведений [7, с. 36].

Положения 1883 г. и 1904 г. создали законодательную основу для этого процесса. С развитием сети низших аграрных учебных заведений происходила постепенная унификация организационно-правовой базы. Для каждого вида школ

создавались типовые документы, на которые можно было ссылаться в своей деятельности или использовать для создания собственных Уставов и правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высочайше утвержденное Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных школах, 27 декабря 1883 г., №1919 // ПСЗРИ. Собр. 3 : в 33 т. – СПб., 1886. – Т. 3. – С. 491–494.
2. Высочайше утвержденное Положение о сельскохозяйственном образовании, 26 мая 1904 г., № 24628 // ПСЗРИ. Собр. 3 : в 33т. – СПб., 1907. – Т. 24. – Отд. 1.– С. 544–553.
3. Горещкие сельскохозяйственные учебные заведения (1836–1919 гг.) : Очерки истории / М. Г. Дюбакова [и др.]. – Горки, 1997. – 164 с.
4. *Есикова М.* Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / М. Есикова // Власть. – 2010. – № 7. – С. 150–154.
5. Инструкция для Марьино-Горской сельскохозяйственной школы. – СПб. : Тип. В. Димакова. – 21 с.
6. *Мещерский И.И.* Положение о сельскохозяйственном образовании и его применение / сост. И. И. Мещерский. – Изд. 3-е, перераб. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. – 364 с.
7. *Решецкая Т. Н.* Особенности организации учебно-воспитательного процесса в низших аграрных учебных заведениях Беларуси (конец XIX – начало XX в.) / Т. Н. Решецкая // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2018. – № 4. – С. 35–42.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 398. Оп. 46. Д. 15192. С отчетом чиновника особых поручений князя Кантакузина графа Сперанского о произведенном им осмотре некоторых училищ земледелия и садоводства, подведомственных Департаменту.
9. *Третьяков А.В.* Формирование системы сельскохозяйственного образования в России второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Третьяков // Научные ведомости. Сер. История. Политология. – 2015. – № 13 (210). Вып. 35– С. 103–110.

УДК 07.00.02.

С.А. Розатко

Член Российского комитета по истории и философии науки и техники
ИИЕТ РАН, Россия

ПЕРЕРАБОТКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТИПА В ПОМЕЩИЧЬИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ. – КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. Данная статья посвящена развитию переработке сельскохозяйственного типа в помещичьих и крестьянских хозяйствах. Основываясь на правовых документах, министерских и ведомственных материалах, дореволюционной и советской историографии, автор дает характеристику основных типов сельскохозяйственной переработки сырья в главных перерабатывающих отраслях России конца XIX – нач. XX вв. Раскрываются основные критерии и принципы по которым действовали крестьянские и помещичьи перерабатывающие производства, их взаимодействие, роль в социальных вопросах, а также раскрывается государственная поддержка на земском уровне в начале XX в. в условиях экономического

кризиса, землеустроительной политики и поднятия уровня жизни на селе. Данный материал актуален как исторический опыт в современной модернизации малого и среднего бизнеса в сельскохозяйственном производстве России начала XXI в.

Ключевые слова: технические сельскохозяйственные производства, винокуренные и свеклосахарные помещичьи заводы, мукомольные, крахмально-паточные, маслобойные производства, маслоделие и сыроделие, переработка сельскохозяйственного типа, кооперация в сельскохозяйственной переработке, помещичьи и крестьянские хозяйства, агропромышленная интеграция, межотраслевое взаимодействие.

S.A. Rogatko

Member of the Russian Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Russia

AGRICULTURAL PROCESSING IN LANDLORD AND PEASANT FARMS IN THE LATE XIXTH AND BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES – AS ONE OF THE CENTERS OF AGRO-INDUSTRIAL INTEGRATION IN RUSSIA

Abstract. This article deals with development of agricultural processing in landlord and peasant farms. Based on legal documents, ministerial and departmental materials, pre-revolutionary and Soviet historiography, the author characterizes the main types of agricultural processing of raw materials in the main food processing industries of Russia at the end of the XIXth – beginning of the XXth century. The article reveals the main criteria and principles based on which peasant and landlord processing industries were operating, their interaction, role in social issues, and also discloses state support at the zemstvo level at the beginning of the XXth century in the conditions of the economic crisis, land management policy and raising the standard of living in the countryside. This material is actual as a historical experience in the modern modernization of a small and medium-sized businesses in agricultural production of Russia at the beginning of the XXIst century.

Keywords: technical agricultural productions, distilleries and sugar beet landlord factories, flour mills, starch-treacle, oil production, butter and cheese making, agricultural processing, cooperation in agricultural processing, landowners and peasant farms, agro-industrial integration, inter-industry interaction.

Само понятие переработка сельскохозяйственного типа появляется в конце XIX – нач. XX вв. из понятий «технические сельскохозяйственные производства», к которым относились винокурение, пивоварение и медоварение, а также мукомольное, крахмально-паточное, маслобойное и некоторые другие производства, в том числе свеклосахарное, винокуренное и все виды переработки молока: начиная от кисломолочных продуктов до маслоделия и сыроделия. Это понятие закрепились в историографии благодаря министерским источникам и справочной литературе [1, С. 368–377, 2, С. 61,79]. В последствии этим понятием воспользовались и советские исследователи [3, С. 17]. Понятие «сельскохозяйственного типа» относилось как правило к мельницам, а также крахмально-паточным, маслобойным заведениям, винокуренным и свеклосахарным и другим производствам [2, С. 79; 4, С. 952–960; 5, С. 143].

Под сельскохозяйственным винокурением понимали такие винокуренные заводы, которые были тесным образом связаны с земледелием. Они, как правило, перекуривали хлебные припасы или картофель, а остатки в виде барды скармливали скоту, а получаемое удобрение употребляли для собственных по-

лей [4, С. 952]. Для удобрения полей также использовали сточные производственные воды. Примерно по такому же принципу выстраивалась производственная деятельность на свеклосахарных заводах сельскохозяйственного типа.

Многие специалисты связывают развитие сельскохозяйственного винокурения и свеклосахарного производства в помещичьих экономиях в конце XIX – нач. XX вв. с развитием продуктивного мясомолочного животноводства, особенно на Юге и Юго-Западе России. В свою очередь начиная с середины XIX в. развитие винокурения и свеклосахарного производства стали своеобразным катализатором многих отраслей: картофельно-крахмальной, садового хозяйства, кондитерской, текстильной, транспортной и других второстепенных отраслей главным образом в городской промышленности. Мультипликационный эффект от развития этих отраслей распространялся почти на все отрасли сельскохозяйственного машиностроения и станкостроения. В начале XX в. в связи с падением цен на хлебные товары на мировых рынках и перехода части помещичьих экономий на развитие технических культур – свекловицы и картофеля, сельскохозяйственное винокурение и сахарное производства получили в своем развитии новый импульс. В практику помещичьего земледелия все больше внедрялись плодосменные обороты. Развивались и внедрялись новые технологии и передовые технические новинки. В то же время с выходом капиталистических отношений в России конце XIX – нач. XX вв. на совершенно новый качественный этап своего развития, промышленность, в том числе индустриальная, городская перерабатывающая, или как ее называли в то время «обработка питательных веществ», становилось своеобразным локомотивом, своеобразной доминантой, что приводило к противоречию и даже противостоянию с переработкой сельскохозяйственного типа. Для более полного понимания причин вначале стоит остановиться на этих моментах.

Вначале обратимся к краткому анализу сельскохозяйственного винокурения. После официального введения акцизной системы в 1861 г. [6] проблема развития сельскохозяйственного винокурения, особенно в 1870–80 гг. во многих помещичьих экономиях стала обозначаться все острее и острее. Озабочены были все: от производителей помещичьего спирта до винокурных торговцев. В ходе введения акциза, т.е. налога на производимое хлебное вино частными винокурными заводчиками, за сезон 1865/66 гг. число заводов в стране снизилось до 2906. [7, С. 2] Сокращение винокурных предприятий пришлось главным образом на помещичьи сельскохозяйственные винокурни устаревших типов. Как правило это были небольшие полукустарные заводы и мастерские. В то же время предприятия с большей производительностью относились к группе промышленных заводов городского типа. На этих заводах с помощью технических и технологических усовершенствований скрывали тем самым от чиновников губернского акцизного управления Министерства финансов, выкуривали так называемый «без акцизный» спирт. Все это давала соответствующие «скрытые» преференции промышленного, городского винокурения перед сельскохозяйственным. Поэтому многие помещичьи винокурни, не выдержав конкуренции, просто разорялись. А это вело лишь к увеличению объемов производства про-

дукции на небольшом количестве крупных городских винокуренных заводов. Таким образом на рынке производителей возникало явное острое противоречие между сельскохозяйственным, помещичьим винокурением и крупным городским. Этот конфликт между сельскохозяйственными типами переработки сырья и индустриальными признавали многие специалисты. Экономисты того времени прекрасно понимали, что сельскохозяйственное винокурение по своей природе относилось к уникальному и универсальному техническому производству. С помощью переработанного сырья в виде: зернового хлеба, овощных и садовых плодов, а также муки и круп, на винокурнях получали не только спирт, крахмальную и сахарную продукцию, но и жиры. При этом получаемые отходы в виде отрубей, жмыхов, мязги и барды становились высококалорийными кормовыми добавками для мясного и молочного скотоводства, а также птицеводства и рыбоводства. То есть винокуренный завод в сельскохозяйственном производстве занимал центральное или определяющее положение с точки зрения доходности всей помещичьей экономики. То есть являлся достаточно определенным центром всей агропромышленной интеграции в рамках одной помещичьей сельхозэкономики. Как видим, с одной стороны винокуренный завод являлся рынком сбыта для зерна, картофеля, фруктово-овощных плодов помещичьего хозяйства и отдельных крестьянских хозяйств, а с другой – важнейшим источником кормовой базы для животноводства и органических удобрений для земледелия в экономике. Чтобы помочь помещичьим винокуренным заводчикам, многие дворяне, члены ИВЭО, а также различные сельскохозяйственные общества неоднократно обращались в правительство за помощью. Так известный экономист и аграрник Вебер К.К. в 1889 г. предлагал ввести в России по примеру Германии так называемый «прогрессивный» налог на ведро выкуриваемого спирта. С помощью этого налога происходило увеличение акциза на 0,2 коп. с ведра выкуренной продукции для всех российских заводов, которые производили свыше 26 тыс. ведер. При этом в западных губерниях подобный налог должен был взиматься с предприятий, производивших свыше 11 тыс. ведер спиртовой продукции [7, С. 6]. Об этом также говорили и в Департаменте неокладных сборов Минфина. По этому поводу был разработан проект Департамента, в котором отмечалось, что такая мера не просто искусственная поддержка сельскохозяйственного помещичьего винокурения. Этой мерой государство хотело всего лишь оградить малые винокуренные заводы от надвигающегося промышленного, местами монопольного натиска со стороны крупных городских винокуренных заводчиков. Ведь, никто не отрицал, что новые акцизные правила скорее способствовали развитию городского винокурения, нежели сельскохозяйственного. Однако парадокс ситуации состоял в том, что при этом не все дворянские винокуренные заводчики в своих имениях выступали за развитие сельскохозяйственного винокурения. Некоторые мелкие помещики и частновладельческие хозяйства в это время спешили высвободившийся капитал от собственного винокурения вкладывать в коммерческие винокуренные предприятия городского типа на паях. В таких случаях их теперь волновали вопросы изыскания сырья со стороны, а также проблемы технологического усовер-

шенствования и связанные с ним вопросы конкурентоспособности показателей качества продукции. При этом в дальнейшем эти новоявленные «дворянские капиталисты» могли получить от коммерческого винокуренного завода при всех благоприятных условиях установленную правительством денежную премию за производство без акцизного спирта. Впрочем, крупные помещики, лоббисты в правительственных кругах и специалисты – аграрии не смотря на давление тех же лоббистов – крупных городских винокуренных заводчиков, смогли все-таки добиться в правительстве поддержки сельскохозяйственного винокурения. В июле 1890 г. в Российской империи был принят закон, который наконец официально разделил все винокурение на два типа хозяйствования и производства: сельскохозяйственное и коммерческое [8]. С этого момента правительство всячески на вполне законном основании способствовало развитию сельскохозяйственного винокурения и сдерживанию монопольного роста коммерческого или промышленного производства. Это выражалось в дополнительном без акцизном отчислении со спирта сельскохозяйственной выкурки заводам, находящимся в имениях и имеющим не менее 60 десятин пахотной земли [8, п. 4], а также ряде других льгот. Однако следует сказать, что подобные меры поддержки уже не являлись столь эффективными. В период, когда промышленное городское винокурение развивалось благодаря общей фабрично-заводской индустриализации в России, сельскохозяйственное винокурение скорее оставалось придатком в виде технического производства всего сельского хозяйства. Его количество с каждым годом уменьшалось, хотя в целом по стране оно еще сохранилось до начала XX в. и вплоть до развившейся винно-водочной государственной монополии. В это время сельскохозяйственное винокурение стало заботой лишь местных земских сельскохозяйственных организаций.

Свеклосахарные заводы в помещичьих экономиях в конце XIX – нач. XX вв. развивались главным образом в черноземных губерниях, а также в хозяйствах Юго-Запада России. В наиболее передовых имениях Московской и Владимирской губерниях также встречались отдельные свеклосахарные предприятия. Известный статистик и специалист по экономической географии Ярошевич А.И. называл юго-западный край России – «свекловично-пшеничной производительной средой» [9, С. 2]. Это определение было наглядной иллюстрацией того, как многие крупные землевладельцы инвестировали свои капиталы, получаемые от земледельческой отрасли в свеклосахарное и мукомольное производство на тот момент более доходное, особенно в ходе хлебного кризиса в 1880-е гг. Развитие свекловичной культуры и сахарного производства способствовало организации и развитию других перерабатывающих отраслей в помещичьих экономиях. Как уже говорилось, отходы от свеклосахарного производства являлись прекрасной кормовой базой для наращивания помещичьего скотоводства. Откорм скота так называемым жомом и мелассой при свеклосахарных помещичьих заводах являлось дополнительным источником дохода для экономий. В конце XIX – нач. XX вв. винокурение из свекловичной патоки смогло сформироваться в отдельную, совершенно новую сельскохозяйственную отрасль. Практически весь заграничный экспорт спирта, произведенного из этого мате-

риала, приходился на помещичьи экономии Юго-Западного края. По официальной статистики 1909 г. количество свеклосахарных помещичьих предприятий приходилось на два помещичьих клана: семье Бобринским принадлежало – 6 заводов, а Терещенко 7 (подсчитано автором) [10, С. 6, 54]. Вплоть до 1917 г. эти землевладельцы составляли определяющую долю свеклосахарного производства Юго-Западного края, тем самым являясь важнейшим фактором развития помещичьих экономий в этом регионе. Достаточная активная деятельность помещичьих, а также все более увеличивающегося числа городских свеклосахарных предприятий, то есть тех предприятий, которые размещались в границах имений, но имели уже свои основные мощности в близлежащих городах, привело к перепроизводству сахара-сырца на рынке. В ноябре 1895 года правительство взяло всю создавшуюся ситуацию под свой контроль, что выражалось в постановлении о «правительственной нормировке» для всех без исключения сахарозаводчиков [11]. Впрочем в отраслевом, или точнее сказать корпоративном и государственном регулировании все складывалось достаточно не просто. Одновременно с попыткой государственного регулирования в отдельно взятой отрасли, существовало и частное регулирование, которое выражалось в организации в 1902 г. «Союза Рафинеров России» [5, С. 104–153]. Под деятельностью этой отраслевой организации, по сути созданного монополистического синдиката, подразумевалось соглашение сахарозаводчиков Бродского, Терещенко, Ярошинского, Харитоненко и Бобринского, которые договорились уменьшить выработку рафинада на их заводах на 20 %. После этого нормы производства сахарного рафинада снижались несколько раз: в 1906 г. – на 5 %, в апреле 1907 г. – на 7,5 % и в конце 1907 г. еще на 10 % [5, С. 133]. Все это привело к тому, что большая часть сахарозаводчиков, которые одновременно являлись крупнейшими землевладельцами и плантаторами свекловицы, уменьшили свои посевы. В результате посевные площади свекловицы в России сократились на 60 тыс. дес. Наряду с преимуществами, которые синдикат организовал на рынке с помощью своего монопольного нажима, свеклосахарные помещичьи заводы сельскохозяйственного типа с рафинадными отделениями также получили некоторые преференции. Таким образом усилилось значение на рынке свеклосахарных заводчиков и рафинеров, что давало возможность совместного налаживания контактов с правительством.

Таким образом можно сказать, что сельскохозяйственный тип переработки сырья в помещичьих экономиях в винокуренном и свеклосахарном производстве базировался на обязательном наличии собственного землевладельческого потенциала. Также сельскохозяйственный тип переработки предусматривал наличие и развитие всех современных типов севооборота и перспективных систем культуры земледелия. А это в свою очередь обуславливало получение наиболее качественного собственного сырья. В тоже время сельскохозяйственный тип производства характеризовался минимальным, иногда и вовсе кустарным технологическим и техническим обеспечением, но в тоже время образованными кадрами в виде технологов и управляющих, дешевой вначале крепостной, а затем временно зависимой крестьянской рабочей силой, а также низ-

кой себестоимостью готового продукта на местных городских рынках. В основе сельскохозяйственного типа был определенный стандарт качества, под условным названием «домашний». Между тем в помещичьих экономиках пореформенного времени, вплоть до начала XX в. постоянно развивалось взаимодействие между собственной идеей переработки и просветительской и образовательной деятельностью сельскохозяйственных обществ, опытных организаций и местными земскими учреждениями. Одновременно в конце XIX – нач. XX в. свеклосахарные помещичьи заводы все более срачивались с банковским капиталом, что неоднократно заканчивалось отстранением помещиков от управления имением, введения администрации для управления заводом или полным банкротством и реализацией на торгах имения. Для защиты своей предпринимательской деятельности, многим дворянам приходилось действовать через земские организации, дворянские собрания или создавать синдикаты и союзы для лоббирования собственных интересов в правительственных структурах. Это способствовало защите помещичьего винокуренного и свеклосахарного производства в период развития индустриального городского перерабатывающего производства.

Как известно первичная переработка пищевого сырья в крестьянских хозяйствах берет свое начало с глубокой древности. Натуральная форма хозяйствования способствовало развитию всевозможных ремесел на дому: от мукомолья, хлебопечения и обработки животных продуктов: мяса, птицы, рыбы до более сложных пищевых продуктов: окороков, колбас, рыбной икры, балыков, всевозможных молочных «скопов»: творожных продуктов, сыров, топленого, сливочного масла и других продуктов глубокой переработки (пряники, варенья, фруктово-овощные консервации и пр.). Уже в XVIII в. сельские мастеровые и вольные крестьянские артели специализировались по приготовлению всевозможных пищевых продуктов. За крестьянами во многих губерниях Европейской России, на Юге России, а также на Урале, в Сибири, в развитых районах северного Кавказа закрепились такие промыслы, как мукомольный, рыболовный, маслостоловый, маслодельный, сыродельный, крахмально-паточный. Именно продукты этих промыслов, а также некоторые продукты мясо переработки, стали промышленными товарами крестьянского зажиточного сословия, которые в конце XIX – нач. XX вв. составляли конкуренцию помещикам-предпринимателям, а местами и городским фабрично-заводским товарам.

Надо сказать, что по внешним формам мукомольное производство в крестьянстве, беря в учет и способы сбыта продуктов, имели преимущественно ремесленный характер. С точки зрения тесной связи производства с формирующимся структурируемым рынком крестьянское мукомолье имело кустарный характер. То есть с одной стороны на лицо продолжали оставаться элементы ручного труда, а с другой – мелко и среднесерийное производство товаров. Этому свидетельствует несколько факторов. Во-первых, некоторые владельцы мельниц изготовляли на свободную продажу солод, толокно и крупу, приобретая за свой счет сырье. Во-вторых, в некоторых местностях Пермской губ., а также в Поволжье расплата за размол муки практиковалась натурой, т.е. той

самой мукой, которая владельцами мельниц сбывалась на рынке. А следовательно, через рынок мельник реализовывал свой заработок в деньгах. И в третьих, имея ввиду неразрывную связь земледелия с процессом переработки зерна в муку, получаемого в хозяйствах самим владельцем мельниц, в особенности в артельных мукомольных предприятиях, крестьянское мукомольное производство являлось для хозяев мельниц средством рыночного сбыта продуктов их собственного земледельческого хозяйства в форме наиболее выгодной, т.е. в виде энергоемких мукомольных продуктов. И наконец, в-четвертых, с точки зрения прав крестьян на кредит в кустарном банке, мукомольное производство нуждалось в значительных оборотных средствах при постоянном производственном процессе: на ремонт мельничных механизмов и приспособлений, в особенности быстро выходящих из строя жерновов, а также на закупку смазочных материалов.

Повседневная практика и местные обычаи выработали несколько форм пользования такими артельными мельницами. Об этом также упоминает В.И. Ленин в своей работе «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» [12]. Самый распространенный способ, когда совладельцы пользовались мельницей по очереди, в определенные, установленные соглашением периоды времени. По окончании работ по некоторым мельницам чистый доход делился на пай, которые соответствовали затратам каждого крестьянина-хозяина при постройке или аренде мельницы. В подобных случаях хозяева-товарищи редко принимали личное трудовое участие в производстве. Обычно для производства использовался наемный труд. Заметим также, что при регистрации артельных крестьянских мельниц подворный бланк составлялся на одного из артельщиков, а число семейств, владеющих мельницей, и условия их взаимного пользования записывались в графе 17 подворного бланка – «разные сведения» [13, С. 181]. Хотя показанное число участвующих в промысле значительно меньше действительного, и принимая во внимание, что артельщики пользовались мельницей по очереди и техника производства требовала примерно всегда определенного числа рабочих, то авторы исследования делали вывод, что на мельнице работала весь год как бы одна крестьянская семья. Всего в Пермской губ. за 1895/96 гг. было зарегистрировано артельных мельниц 33, которые находились в селениях Красноуфимского, Верхотурского уездов, а также в прежних исследованиях (кустарных переписях за 1894/95 гг.) артельные крестьянские мельницы встречались в Ирбитском и Оханском уездах. Всеми этими мельницами владели 329 семейств в среднем по 9-ти семейств на мельницу, в пределах от 2 до 30 семейств [13,181]. Также А. Петров приводит данные относительно середины XIX в. о том, что в старейшем мукомольном районе – Елецком уезде было 152 водяных мельницы, из которых 58 принадлежали помещикам, 76 государственным крестьянам и 18 – купцам [14, С. 6]. И далее говоря о середине 90-х гг. XIX в. прибавляет, что «с этого времени прошло 40 лет, а елецкое мукомолье мало увеличилось». Даже не имея сравнительных данных по сословной принадлежности внутри елецкого мукомолья и данных по производству, опираясь на первые данные можно сделать вывод, что

крестьянское мукомолье в период развития капиталистического производства находилось на весьма высоком уровне.

Ратушняк В.Н. в своем исследовании посвященном перерабатывающей промышленности Кубани во второй половине XIX – нач. XX вв. приводит данные со ссылкой на отчет начальника Кубанской области за 1913 г., по которым в области действовало 2619 мельниц, из которых 537 значились как паровые (годовая производительность 9 млн. руб., 2396 рабочих [15, С. 135]. Даже если представить, что 537 паровых мельниц могли относиться к фабрично-заводскому статусу и принадлежать крупным купцам и помещикам, то остальные наверняка более 2000 могли относиться как автор поясняет ниже к «сельским мелким заведениям», основанным на ручном труде, хозяева которых были большей частью казачество и крестьяне. В этой связи также ценны пояснения автора: «в отличие от крупных мелкие мельницы располагались в основном в небольших станицах. Ни них работали сами владельцы с семьями, иногда наемные рабочие (чаще всего сезонные). Эти мельницы обычно обслуживали население своей станицы и окрестных поселений и хуторов. Несмотря на постройку крупных паровых мельницы, подобные сельские «мукомолки» не утратили своего значения вплоть до 1920-х гг. и имели постоянных клиентов, так как крестьянам удобнее было смолотить зерно поблизости, избежав таким образом дополнительных транспортных расходов. Кроме того, местный мельник мог принять оплату натурой (зерном или мукой) и продлить срок расчетов. Да и за работу он брал меньше, чем владельцы крупной мукомолки. Благодаря таким отношениям мельники обеспечивали себе постоянных заказчиков и подчас лишали крупные мельницы поставщиков сырья. Многие трудоемкие работы (погрузка, насыпка муки и т.п.) выполняли сами крестьяне-заказчики. Постоянных рабочих такие мельники обычно не нанимали» [15, С. 140–141].

Также одним из характерных крестьянских перерабатывающих промыслов, которые также, как и мукомолье вышли из кустарной домашней переработки XVIII в. и превратились в конце XIX – нач. XX вв. в мелкотоварное производство можно считать маслосточное дело. До 90-х гг. XIX в. маслосточное производство носило исключительно кустарный характер, являясь непременным атрибутом в хозяйственной жизни многих крестьянских и помещичьих хозяйств. Для крестьян маслосточное дело представляло интерес именно в том, что основные средства производства семена, лошади и рабочий труд были своей собственностью, а осеннее и зимнее время – свободное от полевых работ. Кроме этого, благодаря отходам от маслосточной – жмыхам многие держали по несколько сот свиней или большее количество коров, чем просто при пастбищном животноводстве. Однако производимое масло на кустарных заводах было плохо отфильтровано и не отличалось, поэтому особой доброкачественностью. Оно имело большой отстой и часто прогорало. Поэтому цена на него была низкой, и шло оно преимущественно на технические цели: мыловаренные заводы, где употреблялось вместо сала, лакокрасочное производство и т.д. Также на этих заводах употреблялась зола от стеблей подсолнуха с большим процентом содержания поташа. Ратушняк в своих исследованиях перерабатывающей

промышленности Кубани в конце XIX – нач. XX вв. отмечал, что казачьи и крестьянские маслобойни носили в основном сезонный характер, иногда с привлечением наемной рабочей силы. Производительность труда на них была очень низкой. Разделение труда или отсутствовало или только зарождалось. Сами хозяева таких заведений жили не на много богаче наемных работников и беднее многих городских рабочих в той же маслобойной отрасли. Например, в Майкопском отделе Кубанской обл. было много заведений, похожих на маслобойню казака Л. Салова. На ней, кроме хозяина, работали наемный мастер и подсобный рабочий. В год производилось до 30 пуд. масла на сумму 150 руб. [15, С. 135]. Опираясь на исследования кустарной промышленности Пермского края 1894/95 гг. Ленин в своем исследовании «Кустарная перепись в Пермской губернии» критикует сам подход к определению сельской кооперации в маслобойном крестьянском промысле, называя семейное маслобойное дело уральских братьев-крестьян с присущей ему иронией «бытовая артель в строгом значении этого слова» [12, С. 407]. И далее В.И. Ленин поясняет свое недоумение: «в с. Покровском и в дер. Говрятах двумя маслобойнями владеют пятеро братьев, которые разделились между собой, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляют «глубокий интерес», потому что «ими освещаются контрактные условия общинно-трудовой преемственности кустарных промыслов». Очевидно, что подобные бытовые «артели представляют значительный прецедент в вопросе о распространении в среде кустарничества на кооперативных началах производств заводского типа» [12, С. 175–176]. Ленин, не беря в расчет русские бытовые и семейно-родовые традиции в своем критическом понимании сельской общины, подытожил: «Итак, артель в строгом значении слова, как прецедент кооперации, как выражение общинности, состоит в общей собственности неразделенных наследников!!» [12, С. 175–176]. И далее Ленин приводит в пояснении подлинной «общинности» и «кооперации» даже само римское право и отношение к этой проблеме российских правовых институтов совместного владения [12, С. 175–176]. Однако нас в этой критике интересует сам факт семейно-общинной формы производства в маслобойном деле Урала, который если уж быть точным до конца происходил на самом деле из традиций большой славянской семьи, с «большаком» во главе и общим семейным трудом, который был на Руси в большой семье «одного двора» со средних веков до середины XIX в., а в некоторых местах, например в Сибири, и до начала XX в.

В ходе технической модернизации помещичьих, купеческих и некоторых крестьянских кустарных маслобоен в 90-е гг. и перехода их на паровую тягу, замену рычажных и винтовых прессов механическими, в основном иностранного производства, процесс вытеснения кустарных заводов сельскохозяйственного типа городскими, промышленными охватил всю Центрально-Европейскую часть России. Если переработка масла в России в 1900–1901 гг. на заводах промышленного типа составляла 25 763 тыс. пуд. (42 % от общей переработки), а на кустарных – 34 912 тыс. пуд. (58 %), то в 1913 гг. это соотношение изменилось в пользу маслобойных предприятий промышленного типа: 100 000 тыс. пуд. (94,4 %) – на заводах промышленного типа, и 5895 тыс. пуд. (5,6 %) на ку-

старных сельских маслобойнях [3, С. 19]. Таким образом мы видим, что маслобойный кустарный крестьянский промысел выйдя из недр древних домашних натуральных форм хозяйствования к концу XIX в. – нач. XX вв. превратился в самостоятельный кустарный промысел мелкотоварный, промышленный и по словам Ратушняка на Кубани «эти маслобойни (мелкие – прим. Р.С.А.) стали капиталистическими предприятиями» [15, С. 135].

С развитием в конце 40-х гг. XIX в. в Центрально-Европейской части России крестьянского картофелеводства, уже можно сказать на законных основаниях и с поощрительной мотивацией [16], постепенно картофель, как овощная культура стала входить в сферу переработки крестьянских хозяйств и получения крахмала и патоки. Географию крахмальных и паточных кустарных крестьянских заводов во второй половине XIX в. в основном составляла Центрально-Европейская часть России. Основная часть крахмальных производств находилась в Центральном районе: Ярославской, Тверской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Курской губ.; меньшая часть в Западных губерниях – Смоленской, Могилевской, Царстве Польском. Особое место в этом списке занимала Ярославская губ, где крестьянское крахмально-паточное производство могло вполне составить конкуренцию помещичьим заводам. Вообще, надо заметить, что крахмальное производство кустарного характера по типу крестьянских заводов в Ильинской волости Ростовского уезда Ярославской губ., а также в других центральных районах России можно было, разделись на два типа производства: картофельно-терочное, при котором крестьянин-заводчик перетирал свой и покупной картофель на крахмал и продавал его в сыром виде и крахмально-сушильное производство, находящееся уже в руках более зажиточных крестьян, которые покупая от своих односельчан сырой крахмал, пересушивали его и продавали в сухом виде в Москву, Петербург, Калязин и другие соседние рынки. Как исключение оба эти типа производства встречались в руках одного крестьянина весьма редко. Например, в Борисоглебской волости Ярославской губ. всего 5 крестьян вели одновременно обе операции [17, С. 10]. Среди них наиболее крупными заводчиками считались Иван и Василий Семеновичи Чаловы из дер. Околева. На рынках иногда крестьянский крахмал был такого высокого качества, что не уступал помещичьему крахмалу.

Исследуя кустарные крестьянские пищеперерабатывающие промыслы, мы не отметили: пекарный, сетевязальный для рыболовных артелей, бондарный и некоторые другие, которые с точки зрения географии, экономики и производства имели второстепенное, вспомогательное значение. Например, пекарный промысел в основном был семейный, иногда сезонный (зимний) и был сосредоточен возле крупных сельских ярмарок и базаров. Сетевязальный главным образом сосредотачивался возле населенных речных пунктов, где формировались рыболовные артели. То же можно сказать и бондарном промысле, распространенном главным образом в крупных рыбопромышленных районах, типа Каспийско-Волжского. Особое место занимали маслодельные и сыродельные крестьянские артели, о которых досрочно много написано в нашей историографии. Достаточно привести пример, что начиная с артельного крестьянского маслоде-

лия в 60–70-х гг. XIX в. в нечерноземных губерниях России крестьянское кооперативное маслоделие и сыроделие в начале XX в. охватило почти все районы Европейской России, вплоть до Северного Кавказа и западной Сибири. Всего в Европейской части России к 1915 г. насчитывалось 600 маслодельных товариществ. А в западносибирских губерниях Тобольской и Томской их действовало 2500 [18, С. 18, 23].

В 1900-е гг. засилье в деревнях посредников и кулаков влияло не только на финансово-кредитные особенности в земледельческом процессе. Сельские кулаки-посредники, появившись на рынке еще в 70–80-е гг. XIX в. как скупщики зерна, а затем, как представители мелкого кредита, со временем стали все больше влиять на переработку сельскохозяйственного типа, иной раз даже пытаясь и монополизировать эту сферу деятельности. Кроме того, в сельской среде в сфере переработки сельскохозяйственного сырья действовали также предприниматели из числа помещиков и городских купцов, вплоть до сельского духовенства и сельской интеллигенции. Таким образом, конкурентная среда в сельской местности с каждым годом лишь усложнялась.

Таким процессам могло противостоять лишь развитая кооперация в переработке сельскохозяйственного типа и в торговле готовыми пищевыми продуктами на местных рынках, в то числе и на общероссийских и зарубежных рынках. В начале XX в. любая производственная кооперация уже не могла изолировать крестьянина, как это было в прежние времена, в эпоху начала капитализации всего сельскохозяйственного производства. При организации любого производства (маслодельного, маслособойного, скотобойного, крахмально-паточного, винодельческого, консервного и пр.) крестьянское индивидуальное хозяйство становилось деталью большого, сложного механизма, со своими финансовыми и производственными отношениями. К этому надо добавить, что расширялся круг сословного участия в кооперации. Например, в сыроваренные артели входили кроме крестьян также помещики, купцы, священники, мещане, что придавало дополнительные возможности каждой конкретной артели. Именно эта общность могла способствовать решению многих социальных проблем на селе, при этом не обобществляя сам производственный процесс и не нивелируя социальные особенности каждого участника кооперативного сообщества.

С начала XX в. развитию переработке сельскохозяйственного типа также способствовало и государство в лице местных земских сельскохозяйственных организаций. Впервые начиная с реформ 1861 г. на Особом Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. государство выработало ряд мер по развитию так называемых «технических производств, тесно связанных с сельским хозяйством», т.е. не только акцизных пищеперерабатывающих отраслей, но и таких, как молочное хозяйство (с маслоделием и сыроделием), мукомольное, крахмально-паточное, маслособойное, консервное производства и некоторые другие. При этом заметим, что в трудах местных комитетов по 49 губерниям Европейской России все пищеперерабатывающие отрасли все-таки обозначались как «подсобные к земледелию промыслы и производства», что, конечно же, соответствующим образом определяло главное полити-

ческое направление государства в сфере агропромышленного развития как ставку на развитие в первую очередь сельскохозяйственной промышленности, а затем уже переработки – главным образом сельскохозяйственного типа [2]. Все это было связано с тем, что Россия на тот период являлась аграрной страной с подавляющим большинством сельского населения. Рассуждая о возможностях «воспособления техническим производствам, тесно связанным с сельским хозяйством», Н.В. Пономарев, составитель Свода трудов местных Комитетов, кандидат сельского хозяйства и лесоводства, действительный член ИВЭО, писал: «Технические сельскохозяйственные производства, потребляя местные продукты, могут значительно поднять доход некоторых хозяйств и поставить их в такое положение, при котором переживаемый ныне сельскохозяйственный кризис (имеется ввиду кризис 1901–1903 гг. – прим. авт.) не будет иметь острого характера, замечаемого теперь. Однако, сильная задолженность владельцев хозяйств и вообще отсутствие оборотных средств ставят владельцев в полную невозможность организовать у себя упомянутое дело. Прибегать к займам для устройства того или другого завода по переработке сельскохозяйственных продуктов является делом рискованным по технической неподготовленности хозяина-предпринимателя; приглашать же для сего дорогого оплачиваемого специалиста — далеко не всегда возможно. Все эти обстоятельства и тормозят организацию технических сельскохозяйственных производств при имениях» [2, С. 61]. Несмотря на такое бытовавшее тогда мнение, Комитеты все-таки в ходе Совещания выстроили целую концепцию мер по развитию различных отраслей пищевой переработки сельскохозяйственного типа, которые распространялись на переработку в молочном хозяйстве (маслоделие и сыроделие – 10 рекомендательных мер), в сфере сельскохозяйственной мукомольной, крахмально-паточной, маслособойной, свеклосахарной, винодельческой и консервной промышленности – 22 предлагаемые меры, в сфере сельскохозяйственного винокурения, пивоварения и медоварения Комитеты предлагали 42 меры [2, С. 70–77, 83–86]. Все эти меры государственной поддержки носили весьма обширный характер: от законодательных, общеэкономических, образовательных до весьма конкретных технических и технологических. Главная их направленность сводилась к максимальной занятости сельского населения в сельскохозяйственном производстве и переработке для решения многочисленных социальных проблем на селе. Другой вопрос, что эти возможности и способности сельского населения, и прежде всего крестьянства всех типов в разных частях Российской империи, не всегда отвечали требованиям, предъявляемым к ним самой перерабатывающей сферой. Многие из мер поддержки переработки сельскохозяйственного типа стали осуществляться в ходе реформ, связанных с землеустроительной политикой государства 1906 г., а также в связи с дополнительными мерами 1911 г. по разверстанию земель (перераспределение угодий между владельцами) различных категорий частных владений и уничтожению череполодности среди вновь образованных наделов крестьян и других частных владельцев [19, 20]. Причем разверстание земель, находящихся «под водяными мельницами, заводами и фабриками» могло осуществляться только с

согласия владельцев [20, Гл. 1, ст. 7]. Таким образом среди участников переработки сельскохозяйственного типа, таких как сельские общины, отрубные и хуторские крестьяне и всевозможные сельские частновладельцы, включая помещиков, не раз происходили как землеустроительные споры и противоречия, так и открытая экономическая конкуренция на местных рынках. При этом земские агрономические организации и всевозможные сельскохозяйственные общества поддерживали лишь тех переработчиков, которые вносили наибольший вклад в развитие не только экономики данного региона, но и социальной сферы.

Таким образом можно сделать вывод, что основу переработки сельскохозяйственного типа в конце XIX – нач. XX составляли помещичьи и крестьянские хозяйства, которые участвуя в различных отраслевых сферах переработки сельскохозяйственного сырья взаимодействовали на различных уровнях. Главными принципами этого взаимодействия были:

- взаимодействие «на стыках» использования различного рода сырья и готовых видов пищевого продовольствия;
- налаживание межотраслевых связей на всех уровнях производства, торговли и социального значения;
- все виды производственной и торговой кооперации среди субъектов переработки сельскохозяйственного типа.
- закрепление и отстаивания статуса сельских переработчиков, как одного из центров агропромышленной интеграции России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пономарев Н.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России. – СПб., 1888.
2. Высочайше учрежденное особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Вып.3. Подсобные к земледелию промыслы и производства. Сост. Н.В. Пономарев. – СПб., 1903.
3. *Филатов К.Е.* Основные этапы развития пищевой промышленности в СССР. – М., 1965.
4. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. (ПЭРСХ). – Т. VIII. – СПб., 1900. – С. 952–960.
5. Гефтер М.Я. Из истории монополистического капитализма в России (Сахарный синдикат) // Исторические записки. № 38. – М., 1951.
6. Полное собрание законодательства Российской Империи. (ПСЗ РИ-2). Т. XXXVI. Отд. 2. № 37197 – 4(26) июля (1861). Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе.
7. *Вебер К.К.* Интересы сельскохозяйственного и промышленного винокурения. – СПб., 1889.
8. ПСЗ РИ-3. Т. X. Ч. 1. № 6888. 4 июня 1890 г. – Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 1890 г. 15 июня, с. 524). – О мерах к поощрению сельскохозяйственного винокурения.
9. *Ярошевич А.И.* Юго-Западный край, как производительная среда. – Киев, 1912.
10. Сахарные и рафинадные заводы России и личный состав старших служащих. – Киев, 1909.
11. ПСЗ РИ-3. Т. XV. № 12166. – Ноября 20. Высоч. утвержд. Мнение Гос. Совета (Собр. Узак. 1895 г. Ноября 28, ст. 1576) – О некоторых мерах относительно сахарной промышленности.

12. Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. // ПСС. Изд.5. – Т. II. – М., 1967.
13. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. – Пермь.,1896.
14. Петров А. Очерк Елецкого мукомоля. – М., 1896.
15. Ратушняк В.Н. По страницам истории Кубани. // Краеведческие очерки. Краснодар, 1993.
16. ПСЗ-2. Т.ХХIV.Отд.2. № 23717 – декабря 9. (1849 г.) Сенатский, по Высочайшему повелению. – О поощрении садоводства и городничества.
17. Вебер К.К. Отчет по исследованию крахмального и паточного производств в России и за границей. – СПб., 1887.
18. Глебов А.В. Артельные маслодельни. – СПб., 1915. – С. 18,23
19. ПСЗ-3. Т.ХХVI. Ч.1. № 28528. – Ноября 9. (1906) Именной Высочайший указ, данный Сенату. (Собр. Узак. 1906 г. Отд. I, ст. 1859.) – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования.
20. ПСЗ-3. Т.ХХХI.Ч.1. № 35370. – Мая 29. (1911) Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думою (Собр. Узак. 1911 г. Июня 16. Отд. I., ст.1087.) – О землеустройстве.

УДК: 947 (470.57): 947 (470.53): 33 (09)

М.И. Роднов

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

САРАТОВСКИЕ КУПЦЫ БОРЕЛИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (ИМЕНИЕ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. К началу XX в. в агропромышленную сферу экономики Уфимской губернии активно проникал городской (купеческий) капитал из соседних регионов. Один из крупнейших предпринимателей Саратовской губернии Э.И. Борель в 1901 г. покупает огромное имение в предгорной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Там был создан мощный агропромышленный комплекс, включавший производство и переработку зерна, а также лесное хозяйство. Несмотря на продажу большей части земли (лесных угодий), поместье Борелей успешно функционировало и просуществовало вплоть до 1917 г.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Саратовская губерния, купцы, предприниматели, сельское хозяйство, мукомолье, экономика.

M.I. Rodnov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

THE SARATOV MERCHANTS GREAT IN THE SOUTH URALS (NAME IN UFIMA PROVINCE)

Abstract. By the beginning of the XX century. In the agro-industrial sphere of the economy of the Ufa province, urban (merchant) capital from neighboring regions actively penetrated. One of the largest entrepreneurs of the Saratov province E.I. Borel in 1901 buys a huge estate in the foothills of the Sterlitamak district of the Ufa province. A powerful agro-industrial complex was created there,

including the production and processing of grain, as well as forestry. Despite the sale of most of the land (forest land), the Borely estate functioned successfully and existed until 1917.

Key words: Ufa province, Saratov province, merchants, entrepreneurs, agriculture, flour mill, economy.

К началу XX вв. экономические связи между расположенными в общем недалеко Саратовской и Уфимской (до 1865 г. Оренбургской) губерниями существовали издавна. Уфимская газета в 1846 г. сообщала о привозе саратовских яблок: «Саратов и Хвалы́нск ныне не дарили ещё нас своим вкусным мальтом и душистым анисом» [14]. По сведениям Уфимского отделения Волжско-Камского банка Саратов уже с 1870-х гг. входил в число основных финансовых партнёров Уфы, на нижнюю Волгу шли большие поставки лесных грузов [9]. Материалы Уфимской товарной биржи свидетельствуют о разнообразных контактах предпринимателей двух городов [6].

В аграрном секторе экономики «саратовское» присутствие также наблюдалось. Уфимские помещики закладывали имения в Саратовско-Симбирском земельном банке, ряд дворянских фамилий (Охлебнины, Воецкие, Топорнины, Колокольцовы) проживали в обоих регионах. Саратовский губернатор М.Н. Галкин-Врасский (1870–1879) унаследовал от матери крупное поместье в дер. Алексеевке на окраине Уфы [8].

Сравнительно небольшой приток крестьян-переселенцев из Саратовской губернии, в основном в пореформенный период, оставил след в топонимике. На 1926 г. на территории Башкирской АССР насчитывалось девять деревень и хуторов с названиями Саратовка, Саратовский [4, с. 367]. Самым старинным, видимо, был выселок (потом деревня) Саратовка на севере, в Бирском уезде, отделившийся от сельца Тепляки (Никольское), имение коллежского советника Василия Теплякова (существовал на 1853 г.) [1, с. 24].

В пореформенный период в Уфу из Нижнего Поволжья шла также трудовая миграция. По данным обследования 1865 г. управляющим салотопенным и свечным заводом купца А.К. Кондратьева в Уфе был государственный крестьянин Кузнецкого уезда Саратовской губернии Егор Кондратьев. А на Малой Казанской улице Уфы держал булочную (торговля на месте и в разнос) Саратовский колонист Христиан Венцель [15]. На хлебном рынке Уфимской губернии работали несколько саратовских предпринимателей (Н.С. Меньков и И.В. Меркульев из Вольска, др.).

Быстро развившаяся Уфимская губерния, куда в 1888 г. пришла железная дорога, здесь начинался Транссиб, привлекала внимание крупного бизнеса соседних регионов. Одной из форм проникновения стало приобретение земли в Уфимской губернии, организация здесь крупного агропроизводства. Так, елабужские купцы Стахеевы скупали дворянские поместья в Мензелинском уезде, самарские купцы-мукомолы Шихобаловы и др. стали владельцами обширных имений на юге, в Белебеевском уезде. Городские предприниматели вкладывали капиталы в сельское и лесное хозяйство [7].

А в 1901 г. крупный саратовский купец Эммануил Иванович Борель (1837–1905) приобретает у графини Мусиной-Пушкиной за 600 000 руб. имение в

Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Прежняя хозяйка сдавала имение целиком в аренду с 1 октября 1897 г. на 11 лет, но после продажи контракт был прекращён [16].

Э.И. Борель входил в число самых известных предпринимателей Саратова. Начавший с торговли тканями, он в 1892 г. учредил торговый дом. На нескольких современных мельницах вырабатывалась мука, которую продавали во многих городах России. Эммануила Ивановича называли «королём мукомолов». Кроме промышленных предприятий и городской недвижимости, Борель приобрёл большие владения в Саратовской губернии. Видимо, как продолжение, с целью диверсификации бизнеса и создания вертикальной структуры фирмы (от производства хлеба до выработки муки и реализации товара), он покупает землю в Уфимской губернии.

Новое поместье Э.И. Бореля, однако, располагалось в предгорной лесной зоне к востоку от уездного города Стерлитамака, возле села Петровского. Последнее возникло в конце XVIII в. на Белорецком тракте через горы Южного Урала к металлургическим заводам. Землю у башкир купил симбирский помещик В.А. Киндяков, после постройки в 1826 г. храма во имя Св. Петра и Павла, закрепилось название Петровское. Затем земля с крепостными крестьянами перешла к горнозаводчикам Пашковым, они владели до отмены крепостного права.

Фрейлина Екатерина Александровна Пашкова (1829–1899) вышла замуж за Александра Егоровича Тимашева (1818–1893), генерал-майора, начальника штаба корпуса жандармов (1856 г.), министра внутренних дел (1868–1877). Супруга в качестве приданого (1848 г.) получила пять деревень, включая Петровское [3, с. 270].

На 1895 г. огромное имение из двух участков (20 963,25 и 5524,01 дес.) принадлежало Е.А. Тимашевой [11, с. 242–243]. Основную часть занимал лиственный лес (липа, осина, берёза, дуб, ольха), велась бессистемная рубка, заготавливалось мочало, имелась вальцовая мельница [10, с. 894, 895, 1056]. На 1896 г. усадьба Тимашевой (Петровское-Киндяково) при речке Шиге состояла из трёх дворов, там насчитывалось 40 мужчин и 15 женщин [5, с. 463], наверняка рабочие и служащие.

Дочь Е.А. Тимашевой – Мария (1855 или 1857–1943) вышла замуж в 1891 г. за графа Ивана Александровича Мусина-Пушкина (1857–1928), известного дипломата. Венчание, кстати, состоялось в соседней Оренбургской губернии, в родовой усадьбе в Ташле [12]. Значит, хозяева навещали на Южный Урал, могли заезжать в Петровское.

Как и родители, Мария не проживала в Петровском, сдавала имение в аренду, а в 1901 г. (муж поступил на службу в Министерство иностранных дел) совсем продаёт огромное поместье Э.И. Борелю.

рогатого скота, 101 овцу, 62 свиньи. Застрахованные постройки раскинулись в 11 населённых пунктах.

Центром поместья Э.И. Бореля стал хутор Петровский, который лежал южнее села Петровского, на самой околице. Хутор представлял собой маленький «городок», центром коего была жилая зона, явно предназначенная для хозяина и его обширного семейства.

В описании построек на хуторе Петровском примерно можно выделить три группы, разделённых заборами. Центральная включала два деревянных дома, первый – крыт тёсом с мезонином (14 на 8 саж., здесь и далее длина и ширина), второй на каменном фундаменте с коридором (8 х 5), к нему ещё пристроен тёплый коридор и кухня (10 х 3), всё крыто тёсом, два деревянных ледника (3 х 3 и 2,5 х 2,5), деревянная беседка, покрытая тёсом в одну квадратную сажень, три флигеля (лёгкое летнее жильё) разных размерами (9 х 3, 7,5 х 3,5 и 4,5 х 3), один из флигелей имел коридор, две ограды решётчатые вокруг садов при домах, двое дачных ворот. Это явно господское жильё. Вполне вероятно, Эммануил Иванович несколько раз приезжал с домочадцами в Петровское, те отдыхали, хозяин занимался делами.

Но тут же находились амбар с открытым «корридором» (7 х 5,5), сушилка с навесом на каменном фундаменте (6 х 4), амбар с двумя глухими коридорами, конюшня с открытым коридором (27 х 3), при ней пристроен лабаз, имелась ещё одна конюшня поменьше (7 х 3). Все постройки из дерева (места лесные), крыты тёсом.

Центром второй группы была контора, крытая железом, рядом стояли дом и два флигеля, досчатый навес, погребница и навес, всё также из дерева. Досчатый забор вокруг двора с семью (!) воротами отделял третью группу строений возле водяной мельницы.

Там находился каменный, крытый железом флигель при мельнице, аналогичная караулка, курятник, телятник, кладовая, баня с прачечной, досчатый сарай и караулка у ключа Алаберди. Десятки, если не сотни работников трудились, обслуживая этот внушительный комплекс.

В самом селе Петровском также имелось обширное хозяйственное подворье Э.И. Бореля. Оно включало каменный подвал с каменным крыльцом (крыты железом), деревянную трёхэтажную механическую мельницу со всем оборудованием (крыта железом), кузницу с избой, дом и флигель, мучную лавку и амбар (крыты железом), деревянный забор в 80 саж. длиной окружал мельничный двор.

Третья мельница, деревянная однопоставная с просорушкой, крытая тёсом, находилась на отдельном хуторе «Красавка», где стояли также флигель, три амбара, баня, три сарая, погребница и рабочая казарма.

Таким образом, главным направлением развития Петровского имения Э.И. Борель видел зерновое хозяйство, мука с трёх мельниц вывозилась, видимо, в близкий город Стерлитамак, откуда шла на Самаро-Златоустовскую железную дорогу или отправлялась речными барками вниз по Белой.

Но и другие отрасли не были забыты. На хуторе Колгуя стоял дом для тканья мочала со складом. Из липового мочала ткали мешки и кули, упаковку для зерна и муки. На Песельной Поляне и хуторе Алатова держали, видимо, основное поголовье скота.

Пока не найдены документы о дальнейшей судьбе переговоров наследников Борелей с Крестьянским банком. Видимо, банк приобрёл основную часть поместья для переселенцев. По данным переписи помещичьих хозяйств в 1912–1913 гг. площадь поместья Борелей сильно сократилась. Однако, дети не стали уничтожать рентабельное производство, куда отец вложил столько средств. На 1912 г. хутор при селе Петровском числился за Э.И. Борель [здесь и далее: 13, с. 64–67].

С 1912 г. стали публиковать списки промышленных заведений Уфимской губернии, подчинённых надзору фабричной инспекции, которому подлежали все предприятия, кроме мелких ремесленных мастерских и отдельно фиксированных горных заводов. В Стерлитамакском уезде указано единственное промышленное предприятие Торгового дома Борель, но добавлено – Эмилии Ивановны, мельница в селе Петровском с 8 рабочими [2, с. 182]. Данная информация присутствовала во всех справочниках, вплоть до 1917 г. Никаких иных предприятий у Борелей в Уфимской губернии не было.

Петровское имение Борелей на 1912 г. являлось единственной крупной «агрофирмой» в округе, на правом берегу Белой. Площадь поместья составляла 5524,43 дес., из которых лес занимал 3185 дес. (400 строевого, 1600 дровяного и 1185 дес. под кустарником и зарослями). Но Борели сохранили значительное агропроизводство – под пашней числилось 1021,25 дес., сенокосными – 1028,8 дес., выгоном – 150,7 дес. Скорее всего, часть лесных площадей также ввели в севооборот, потому что всего посева в 1912 г. было 1404 дес. Сохранялась обширная усадьба (27, 25 дес.).

Основные культуры – рожь (448 дес.), овёс (222,67), пшеница (230,66) и греча (174,67 дес.). Также высевали по 33,33 дес. проса и гороха, 5,34 дес. отвели под сеянные травы, 4 дес. занимала картошка. Интересны большие посевы льна (140 дес.), редкая культура для Южного Урала. Ещё 112 дес. занимали «прочие» культуры.

Огромное поголовье скота (1254) включало 217 лошадей, большие отары овец (271), а также стада свиней (162) свидетельствуют о товарном характере животноводства. Как и большое число крупного рогатого скота (604), в том числе 18 быков, 219 дойных коров и нетелей. Примечательно, что в имении Борелей в 1912 г. держали 216 волов, большая редкость в тех краях. Сохранялась переработка, были мельничное место, примычка и паровая вальцовая мельница.

Из-за немецкого происхождения Борелей в годы Первой мировой войны возник ряд конфликтов. Отвозивший на станцию Шафраново мобилизованных земляков крестьянин д. Екатериновки Петровской волости Стерлитамакского уезда И.Т. Гуленин, вернувшись 21 октября 1914 г., стал агитировать соседей самовольно рубить лес помещика Бореля, «так как у немцев разрешено, а Борель немец». Вечером 22 октября до 35 чел. из Екатериновки открыто, в при-

сутствии лесной стражи стали рубить лес. Стража открыла огонь из дробовых ружей, пять сельчан получили ранения. Началось следствие, Гуленин был арестован [18]. Напряжённые взаимоотношения сохранялись в дальнейшем. Летом 1916 г. жители с. Петровского самовольно пасли скот в лугах помещика Борель. Когда 29 июня управляющий решил отогнать крестьянский скот, толпа с палками напала на усадьбу, побив двоих служащих. Управляющему пришлось открыть стрельбу. Пятерых крестьян арестовали [19].

Имение Борелей при селе Петровском Петровской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии просуществовало до революции 1917 г.

Таким образом среди городских предпринимателей, вкладывавших капиталы в агропроизводство в Уфимской губернии, оказались саратовские купцы-мукомолы Борели. Купивший огромное имение в предгорьях Урала Эммануил Иванович Борель, видимо, хотел создать здесь не только агропромышленный комплекс (с лесным хозяйством), но и семейное «Монрепо», уединённый парадиз для отдыха в летние месяцы. За короткий срок на базе старого дворянского имения выросло современное, наверняка, рентабельное производство, в которое Борели вложили огромные средства. Опыт Борелей свидетельствует о возможности организации успешного и доходного сельского хозяйства в предгорной зоне, несмотря на сложности рельефа и климатических условий, не самое высокое плодородие уже начинавших доминировать над чернозёмом серых лесных почв. Как говорится, было бы желание. К сожалению, в советский период (и современный) успешный опыт Борелей не получил развития. До сих пор в предгорной зоне крупного аграрного производства не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. – Уфа: ДизайнПресс, 2013. – 204 с.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. – Уфа, 1912. Разд. паг.
3. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. – 384 с.
4. Населённые пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. – Уфа: Китап, 2002. – 400 с.
5. Полный список населённых мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, станowych приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. / под ред. Н.А. Озерова. – Уфа: Типография Губернского Правления, 1896. – 545 с.
6. Роднов М.И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). – Уфа: Альфа-Реклама, 2016. – 216 с.
7. Роднов М.И. Крупный агробизнес Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX века) // Крестьяноведение (М.). – 2017. – № 1, том 2.
8. Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в.: Забелье. Запад. – Уфа: электронная монография, 2019. – 187 с. (доступна на сайте «Роднов и его друзья»)
9. Роднов М.И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). – Уфа: КнигаПринт, 2020. – 238 с.

10. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. II. Стерлитамакский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895 и 97 гг. / под ред. С.Н. Велецкого. – Самара: Типография Н.К. Реутовского, 1899. – 1076 с.
11. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Ч. II. Список земельных владений губернии. Уфа: Паровая типо-литография И.П. Зайкова. – Уфа, 1901. – 695 с.
12. *Сорокина С.Е.* Усадьба на фоне истории. Хроника рода Тимашевых. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2006. – 579 с.
13. Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. – Уфа: Электрическая типография «ПЕЧАТЬ», 1915. – 153 с.
14. Оренбургские губернские ведомости (Уфа). 1846. 21 сентября.
15. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5.
16. Здесь и далее описание Петровского имения: НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-336. Оп. 1. Д. 2896. Л. 4, 6 и об., 7 и об., 8 и об., 9–10, 12, 68, 93.
17. Мельник (М.). 1905. № 4. 15 февраля (здесь биография Э.И. Бореля).
18. НА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 507. Л. 561.
19. Там же. Д. 572. Л. 238.

УДК 930:388.14”1924–1929“

А.Ю. Рожков

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОГПУ О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1924–1929 ГГ.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43110_СССР «Взаимоотношения партийно-государственной власти и политического общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Аннотация. В статье рассматриваются возможности информационных документов ОГПУ в качестве исторического источника для изучения социального самочувствия и политической активности сельской молодежи Северного Кавказа во второй половине 1920-х гг. Анализируется положение молодежи деревни в период масштабных модернизационных изменений, отобразенное в чекистских сводках и обзорах.

Ключевые слова: северокавказская деревня, 1920-е гг., обзоры ОГПУ, молодежь, социальное самочувствие, политическая активность, хулиганство.

**INFORMATION DOCUMENTS OF THE OGPU ON SOCIAL FEELING
AND POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH
IN THE NORTH CAUCASIAN VILLAGE (1924–1929)**

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 21-09-43110_SSSR "The relationship between the party-state power and the polyethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s biennium) ".

Abstract. The article examines the possibilities of information documents of the OGPU as a historical source for studying the social well-being and political activity of rural youth in the North Caucasus in the second half of the 1920s. The article analyzes the situation of the youth of the village during the period of large-scale modernization changes, reflected in the KGB reports and reviews.

Key words: North Caucasian village, 1920s, OGPU reviews, youth, social well-being, political activity, hooliganism.

Двадцатые годы XX в. в Советской России характеризуются острейшим конфликтом между традиционным укладом повседневной жизни сельской общины и бурно распространявшейся социально-культурной модернизацией деревни. Одним из основных проводников новых преобразований являлась деревенская молодежь, особенно наиболее активная, пассионарная её часть. При этом мы разделяем мнение современника того периода, известного отечественного антрополога Д.А. Золотарева, полагавшего на основе длительных этнографических наблюдений российской деревни, что «нельзя говорить о новом быте применительно к современной деревне, так как новый быт еще не сложился и не мог сложиться, не имея возможности застыть в горниле революции». Он считал, что «правильнее, противопоставляя современную деревню дореволюционной, говорить о "старом в новом и новом в старом", а не о "старом и новом быте"» [5, с. 144].

Цель настоящей статьи видится в изучении и осмыслении таких характеристик крестьянской молодежи Северного Кавказа в 1924–1929 гг., как социальное самочувствие и общественно-политическая активность на основе информационных материалов ОГПУ.

Стоит сразу оговорить, что в общественно-политическом дискурсе и документах 1920-х гг. словосочетание «социальное самочувствие» не применялось, в отличие от «политической активности». Однако мы посчитали возможным использовать их в своей работе на равных правах, предварительно объяснив свою трактовку и соотнеся с актуальной для того времени терминологией.

В современной социологической теории социальное самочувствие молодежи трактуется как важная интегральная характеристика молодого поколения, отдельных групп молодежи. Под этим термином понимается свойственное той или иной молодежной социальной общности ощущение комфортно-

сти/дискомфортности в данной социальной среде и в данное социальное время [13, с. 422–423]. Под политической активностью нами понимается форма социальной активности молодежи, реализуемая в сфере национальной и международной политики, которая проявляется в совокупности отдельных действий, направленных на достижение политической цели [13, с. 11–14].

Для общественно-политического дискурса и специального делопроизводства 1920-х гг. в отношении к молодежной среде более характерны термины «болезненные явления», «хулиганство», «политические настроения», «антисоветские проявления», «антисоветские группировки» и т.д. В сводках и обзорах ОГПУ эти словосочетания нередко выносились в качестве подразделов информационных документов. В рамках настоящей статьи мы рассматриваем эти понятия как семантически тождественные заявленным в заголовке современным социологическим категориям.

Данная тема не имела шансов на разработку в советской историографии, когда от исследователей был скрыт огромный пласт источников с грифом секретности. В 1990-е гг. одним из первых обратился к теме политического контроля в СССР В.С. Измозик [6]. На информационных материалах ОГПУ в первое постсоветское десятилетие были опубликованы работы, по-новому освещающие некоторые события и факты из ранней советской истории [2; 10]. Со временем документы ВЧК-ОГПУ-НКВД стали широкодоступными благодаря изданию тематических сборников документов [3; 12; 15; 11], в том числе и по молодежной проблематике [4; 9]. В последнее время на основе этих публикаций и других источников вышло несколько работ, заслуживающих внимания относительно темы нашей статьи [1; 8; 14; 16].

Стоит согласиться с В.В. Кондрашиным в том, что документы ОГПУ специфичны, и «на них лежит печать составлявшей их организации, главной задачей которой была защита существующего политического режима» [8, с. 60]. Между тем специфичность информационных документов ОГПУ не дает основания для априорного недоверия к ним со стороны историков. Авторитетные специалисты Г.Н. Севостьянов, Т. Мартин, Т. Вихавайнен, В.К. Виноградов высоко оценивают степень достоверности и надежности информации ОГПУ, особенно в сравнении с ведомственной информацией [11, т. 1, с. 17–73]. Разумеется, это не снимает критических источниковедческих оценок относительно определенного субъективизма, перекоса в сторону негативной информации, сомнительной репрезентативности данных в этих документах. Вместе с тем отмеченные погрешности в большей мере влияют на персональные оценки и характеристики, единичные высказывания и отдельные факты. Для выявления основных тенденций общественно-политической жизни, общественных настроений они не имеют решающего значения, поскольку в достаточной мере нивелируются охватом большой территории и различных категорий населения.

Информации отдельно по деревенской молодежи Северо-Кавказского края в сводках и обзорах ОГПУ, к сожалению, немного. Её можно выявить по крупным внутри таких разделов, как «Национальные восточные республики и автономные области», «Антисоветские проявления в деревне», «Выборы сельсовета».

тов», «Террор и политическое хулиганство» и соответствующих приложений к обзорам. Пожалуй, в наиболее сконцентрированном виде информация по крестьянской молодежи представлена в разделе «Хулиганство в деревне», который появился в сводках и обзорах ОГПУ в 1926 г. Стоит заметить, что информация, относящаяся к деревенской молодежи Северного Кавказа, нередко излагалась в связи с какими-то значимыми процессами или событиями в масштабах страны и региона, например, в связи с неурожаем летом 1924 г. и перспективами голода в крае. Социальная напряженность в деревне в тот момент привела к обострению классового антагонизма, который принял характер систематического террора зажиточной части деревни против членов партии и комсомола [12, т. 2, с. 197, 204].

Сводки и обзоры ОГПУ довольно часто сообщали о возрастании идеологического влияния на молодежь со стороны «кулачества». Информаторы отмечали «настроение антагонизма» к рабочим и острые антисоветские тенденции среди сельской молодежи. Эти настроения были особенно сильны среди допризывников и терармейцев (тенденция к организации «Союза переменников» и «Союза хлеборобов» отмечалась среди терармейцев в Донском и Армавирском округах). Отмечался в сводках и рост политической активности со стороны «мелкобуржуазной» молодежи, пытавшейся в противовес комсомолу создавать свои организации (скаутские, «Российская организация народных социалистов» и др.) [11, т. 3, ч. 1, с. 43].

С 1924 г. наблюдается повышенная общественно-политическая активность населения деревни в связи с кампаниями выборов в сельсоветы. Население деревни, как правило, настроенно относилось к комсомольцам как к подручным большевиков и лодырям, не забыв и про их антирелигиозный шабаш, фривольное поведение на «романической» почве и откровенное хулиганство. Но не только принадлежность к комсомолу, а в целом возрастной фактор в традиционной деревне имел очень сильное влияние. Комсомол кулаки называли «советами безбородых». На Кубани, например, взрослое население рассматривало всех жителей до 40 лет еще не доросшими до управления станицей. Поэтому делегатов от ячеек комсомола там редко избирали в сельсовет. Самыми удачными для кубанской молодежи были выборы в ноябре 1924 г., когда в сельсоветы было избрано свыше 18 % молодежи до 25 лет. Однако в следующем году этот показатель понизился вдвое. В 1926 г. молодежь до 23 лет составляла 7,8 % состава советов; в 1927 г. – 8,2 %. После 1924 г., когда удельный вес членов РЛКСМ в советах составлял 7,5 %, комсомолу долго не удавалось провести в органы местной власти больше 2–3 % членов союза [7, с. 7; 20, с. 21–22]. В Терском округе, ввиду постоянного пьянства, хулиганства и нетактичности в религиозных вопросах со стороны местных комсомольцев, последние были провалены на выборах в сельсовет [11, т. 2, с. 281]. В одном из сел Ингушетии секретарь комсомольской ячейки выдвинул председателем сельсовета своего отца – мюрида и члена секты Батал-Хаджи [11, т. 5, с. 294].

На протяжении 1920-х гг. Северный Кавказ сильно тревожил политическое руководство страны наличием так называемых «бандформирований». Когда

осенью 1925 г. были проведены операции по разоружению Чечни, Осетии и Ингушетии, а также Кабарды и Карачая, сводки отмечали «значительный сдвиг в сторону советизации района». Этот процесс отразился и на молодом поколении. В обзоре о политическом состоянии СССР за октябрь 1925 г. сообщалось, что в Чечне поступают массовые заявления о вступлении в комсомол (в среднем каждая ячейка ежедневно получала до 10 заявлений). При этом всякое вступление комсомольца на собрании даже стариками выслушивалось с вниманием, а общественный мулла Урус-Мартана Сату Вагалов в мечети, касаясь ячеек комсомола, якобы «одобрил эту организацию» и заявил, что «молодежи даже по шариату полагается вступать в ячейки». Необходимо подчеркнуть, что одной из причин тяги в комсомол являлась возможность получить разрешение на ношение оружия – тактика, весьма распространенная в то время среди горской и казачьей молодежи (что подтверждают и комсомольские сводки [17, л. 33]). Вместе с тем в Карачаево-Черкессии и Дагестане были зафиксированы случаи агитации мулл против комсомола. В некоторых аулах были замечены выходы из РЛКСМ после того, как муллами был пущен слух, что комсомольцев станут призывать в армию [11, т. 3, ч. 2, с. 585, 637–638]. Между тем в информационном обзоре ЦК ВЛКСМ отмечалось, что бурный рост комсомольских ячеек за счет отдаленных горных аулов сильно ослабил комсомольскую работу и борьбу союза с нормами шариата и адата в Чечне. Среди комсомольцев процветало многоженство, кражи невест, конокрадство и кровничество [17, л. 110].

По данным Северо-Кавказского краевого суда, в 1925 г. зарегистрировано 8855 случаев хулиганства, за что привлечено к суду 4675 чел. Из них молодежь до 25 лет составляла 56 %, причем в деревне 99,4 % хулиганов составляли бедняки с середняками [21, л. 46–47]. В 1926 г. власть попыталась нанести решительный удар по хулиганству, с которым она долго мирилась, пока оно не достигло угрожающих масштабов и не приняло политический характер. Хулиганство в деревне было более опасным, чем в городе, где сил у новой власти хватало для его контроля. Сельских хулиганов стали активно использовать в своих целях антисоветские слои деревни, казачество, духовенство. Пьяные хулиганы избивали сельских активистов, срывали собрания, митинги, спектакли, устраивали антисоветский шабаш. Основной ударной силой хулиганства была молодежь, в том числе состоявшая в комсомоле.

В марте 1926 г. была подготовлена первая докладная записка о хулиганстве в деревне по материалам информотдела ОГПУ. В ней отмечалось, что повсеместно по стране наблюдается усиление хулиганства в деревне, главным образом, со стороны крестьянской молодежи. Среди причин этого явления отмечались безработица, отсутствие побочных заработков, тяжелое экономическое положение бедноты, пьянство, невовлеченность значительной части сельской молодежи в производственный и образовательный процесс. Информация по Северному Кавказу была довольно скудная. Отмечалось, что среди населения Донского округа (ст-ца Старощербиновская) члены ВЛКСМ ассоциировались с хулиганами: «Раз комсомолец – значит, хулиган!» [18, л. 92].

Первый обзор информотдела ОГПУ о хулиганстве появился не ранее 1 июня 1926 г. в связи с празднованием Первомая в деревне. Затем хулиганству был посвящен раздел в сводке ОГПУ о недочетах работы комсомольских организаций в деревне на 25 июня 1926 г. [12, т. 2, с. 414–415, 426]. Признавалось, что в ряде хулиганских акций участвовали и активисты, в том числе комсомольцы. Приводился случай, когда один член ВЛКСМ из Донского округа, зайдя в избучитальню, начал насмехаться над висевшими на стенах портретами вождей революции, сравнивая их с иконами. Обратившись к портрету Розы Люксембург, комсомолец стал ругать её нецензурной бранью [12, т. 2, с. 426].

В сентябре 1926 г. впервые в обзоре политического состояния СССР анализу хулиганства был отведен специальный раздел вместе с подробным приложением. Накопленный материал содержал немало данных и о хулиганстве в северокавказской деревне, в отличие от предыдущих сводок. Сообщалось, что в ст-це Гостагаевской (Черноморский окр.) орудует группа хулиганов в 12 человек, мешавшая жителям. Возраст жертвы для хулиганов не имел значения. Ворвавшись однажды во двор 85-летнего старика, хулиганы стащили его с постели, издевались над его женой, а вступившегося за супругу старика избили и выбросили на улицу. Возмущенные крестьяне требовали «предания виновных суду», просили нарсуд «выслать виновных в суровые края на срок не ниже 5 лет» [11, т. 4, ч. 1, с. 684]. В обзоре отмечался организованный характер хулиганства. Так, в с. Богословском (Армавирский окр.) существовала группа хулиганов в 15 человек, называющая себя «волчьей сотней». По вечерам они избивали крестьян, были случаи изнасилования женщин. В Донском округе шайка хулиганов пыталась убить милиционера с целью помешать следствию по делу самогонщиков. В ст-це Раевской (Черноморский окр.) хулиганствующая молодежь на своих собраниях производила суд над девушками, чем-либо оскорбившими того или иного хулигана. Тут же им выносился «приговор» в виде 2–3 пощечин. Выбранный коллективом палач приводил приговор в исполнение, причем все это фиксировалось секретарем собрания в протоколе. Председатель самозванного «суда» вел собрание с соблюдением всех правил, существующих в суде. Последнее дает основание полагать, что хулиганы либо действительно состояли в комсомоле, либо воспроизводили комсомольские практики проведения собраний с целью навредить комсомолу, разрушить его авторитет в глазах молодежи [11, т. 4, ч. 1, с. 686–687].

Следующий объемный материал ОГПУ о молодёжном хулиганстве в деревне был разослан руководству страны в ноябре 1926 г. За этот период констатировалось увеличение общей статистики хулиганства по стране и ужесточение форм его проявления. Отмечалось, что хулиганство все чаще стало переходить в бандитизм, оформляться в организованные шайки, занимающиеся погромами и разбоем. Так, в Армавирском округе группой хулиганов, вооруженных кинжалами и пикой, был произведен ночной налет на хутора Федоровский и Марийский. В ст-це Ахтырской Абинского р-на (Кубанский окр.) существовала группа хулиганов под руководством бывшего партизана и бывшего члена партии, которая не давала покоя мирному населению, особенно грекам. Хулиганы

открыто избивали крестьян, не боясь милиции, говорили станичникам, что «ожидают второй революции». Неподалеку в хут. Эриванском хулиганы без всякой на то причины избивали греков за то, что якобы «они пользуются одинаковыми правами с иногородними» [11, т. 4, ч. 2, с. 882–885].

В обзоре были также зафиксированы факты хулиганского террора против членов партии, комсомола и работников соваппарата. В с. Дубово-Балковском (Ставропольский окр.) хулиганы, забравшись ночью в помещение сельсовета, изъяли весь архив и, изорвав документы, бросили их в колодезь. В Донском округе в Мечетинском районе хулиганы (главным образом, казаки) били стекла в квартирах врачей и учителей и избивали переселенцев и духовоборов. Большая общественно-политическая опасность состояла в том, что хулиганов использовали зажиточные крестьяне для различных провокаций массовых беспорядков. В ст-це Журавской Кореновского района (Кубанский окр.) во время престольного праздника Покрова 10 пьяных хулиганов устроили дебош и драку. Участковый милиционер задержал наиболее активных хулиганов и изолировал их в карцер. Спустя некоторое время к карцеру явились крестьяне (около 100 человек, преобладали казаки) и стали требовать освобождения арестованных, нанося оскорбления милиционеру. Особенно выделялся зажиточный казак, который кричал: «Бей коммунистов и милицию, они, бисовы души, описали мое имущество». В итоге толпа освободила арестованных хулиганов [11, т. 4, ч. 2, с. 888–889].

С весны – лета 1927 г. настроения молодежи в деревне начинают принимать подавленный, нестабильный характер. Началось это с «военной опасности», которая разделила деревню на группы не только по социальному, но и по возрастному признаку. Иногородняя молодежь, в отличие от своих стариков, была очень воинственной, рвалась воевать, мечтая получить оружие и поквитаться с обидчиками из казаков. Молодежь казачья, напротив, была пассивна, воевать не стремилась, хотя отцы надеялись на возвращение старых порядков в случае войны. По данным ОГПУ, бедняки запрещали своим детям посещать пионерские отряды [19, л. 4, 14, 52]. Случаи выходов из пионеротрядов и комсомола зафиксированы в Дагестане, Кабардино-Балкарской и Адыгее-Черкесской обл. [11, т. 5, с. 504]. В некоторых комсомольских ячейках наблюдался выход молодежи из комсомола. Начавшиеся в 1928 г. насильственные хлебозаготовки внесли дополнительную напряженность в деревне, что не могло не отразиться на социальном самочувствии сельской молодежи. На этой почве еще больший раскол произошел в комсомольских ячейках – не каждый член союза соглашался участвовать в обысках и изъятии «излишков» у своих односельчан и родителей.

Итак, в 1920-е гг. вековые казачьи традиции пришли в столкновение с советскими инновациями на межпоколенческом уровне. В северокавказской деревне появилась пассионарная субкультура молодежи, отрицающая базовые ценности традиционной культуры. Поколение «детей» уже не хотело жить по-старому, в то время как их «отцы» были не готовы либо не желали научиться жить по-новому. Через наиболее активную часть юных жителей станицы, села и аула

проходило внедрение элементов нового в быт деревни. На восприятие и оценку молодым индивидом своей жизненной ситуации в 1920-е гг. влияли усвоенные им социальные ценности и нормы, соотнесенные с жизненными идеалами, ожиданиями, планами на будущее. Молодежь ощущала комфортность своего существования, она почувствовала, что настало её социальное время, жила с большими ожиданиями и надеждами на «светлое будущее». Не вся молодежь была политически активной в преобразовании деревни. Важнейшим субъектом социальных изменений стал комсомол. Политическая активность молодежи в те годы имела не только созидательный, но и деструктивный характер, и была тесно связана с гражданской (электоральной) активностью.

Источники ОГПУ в целом дают очень ценную, детализированную и специфическую информацию о положении молодежи в деревне в 1920-е гг., однако она требует сопоставления с другими источниками – сведениями партийных органов, комсомола, политорганов РККА и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. – 2013. – № 3.
2. Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. – 1994. – № 2.
3. ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы. По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ / сост. Г.Ф. Доброноженко. – Сыктывкар, 1995.
4. Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью. По документам ВЧК-ОГПУ. – М., 2012.
5. Золотарев Д. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925 гг.) // Материалы по этнографии (Этнографическое отделение Русского музея). – 1926. – Т. 3. – Вып. 1.
6. Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. – СПб., 1995.
7. Казачья станица на выборах в Советы. – Краснодар, 1925.
8. Кондрашин В.В. Лубянка – Сталину о положении в сельском хозяйстве СССР в 1932–1934 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2018. – № 1(45).
9. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.): справочник / сост. И.А. Мазус. – М., 2014.
10. Рожков А.Ю. Первая смерть вождя: болезнь и кончина В.И. Ленина в общественном восприятии // Россия–XXI. – 2005. – № 5–6.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М., 2008–2017.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2000–2012.
13. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. – М., 2008.
14. Сочивко Е.А. Деятельность информационной службы ОГПУ в советской деревне в период реализации политики коллективизации // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 23.

15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2000–2006.
16. Якушев В.Н. Информационное обеспечение ГПУ-ОГПУ СССР высших органов власти // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2005. – № 11.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 340а.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169.
19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 341.
20. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 614.
21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 160.

УДК 94(47)

В.Я. Романченко

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,
г. Саратов, Россия

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ XX ВЕКА

Аннотация. Данная публикация является одной из первых попыток в аспекте аграрной истории рассмотреть наиболее общие особенности и противоречия аграрной модернизации в России на протяжении всего XX века. Обращается внимание на специфику экономической, политической, социальной, культурологической составляющих данного феномена, противоречия в их эволюции, влияние особенностей и противоречий аграрной модернизации в России на ее эффективность.

Ключевые слова: аграрная модернизация, российская деревня, власть, крестьянство, особенности, противоречия.

V.Ya. Romanchenko,

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

FEATURES AND CONTRADICTIONS OF AGRARIAN MODERNIZATION IN RUSSIA OF THE XX CENTURY

Abstract. This publication is one of the first attempts in the aspect of agrarian history to consider the most common features and contradictions of agrarian modernization in Russia throughout the XX century. Attention is drawn to the specifics of economic, political. The social and cultural components of this phenomenon, the contradictions in their evolution, the influence of the peculiarities and contradictions of agrarian modernization in Russia on its effectiveness.

Keywords: agrarian modernization, Russian village, government, peasantry, peculiarities, contradictions.

Проблемы аграрной модернизации России на протяжении всех последних десятилетий были и остаются в числе наиболее востребованных в современной науке. Это обусловлено тем, что судьба России, ее цивилизационные черты

определялись и сейчас во многом определяются аграрной экономикой, аграрными отношениями и крестьянской культурой. Проблемы эти давно и в целом весьма успешно изучаются наукой аграрной историей [11, С. 182–187]. Однако нельзя не заметить, что в основном внимание исследователей сосредотачивается на отдельных значимых сюжетах этой обширной тематики преимущественно в региональном аспекте. В данной статье предпринята попытка опираясь на накопленные знания, выявить наиболее общие особенности и противоречия аграрной модернизации в России XX века, обратить внимание на их взаимообусловленность и влияние на состояние и эффективность процесса модернизации.

Методологически верным нам представляется такой подход к разработке данной темы, при котором аграрная модернизация рассматривается в качестве одного из важнейших элементов общероссийской модернизации. Очевидно, что ее особенности и противоречия с неизбежностью отражаются и в модернизации аграрной. Как известно, Россия в силу ряда обстоятельств большую часть своей истории развивалась по пути неорганической модернизации, для которой, в частности, было характерно абсолютное преобладание государства над обществом. Оно само определяло проблемы, которые следовало решать, брало на себя функции управления, распоряжения собственностью, контроля над культурой, духовной сферой и т.д. [14, С. 26–27]. Отсюда проистекает первая важнейшая особенность аграрной модернизации в России на всех ее этапах в XX веке. Суть ее в том, что все аграрные реформы проводились в ней «сверху» при пассивном участии, а нередко и сопротивлении сельского населения. При этом, все аграрные преобразования в России XX века, начиная с реформ П.А. Столыпина и заканчивая реформами 1990-х годов Б.Н. Ельцина, проводились командно-административными методами. Это означало, что сельский товаропроизводитель был практически отстранен от активного участия в них. Ему, как правило, отводилась лишь роль послушного исполнителя чужой воли. Уже одно данное обстоятельство резко снижало эффективность проводимых реформ, что наглядно продемонстрировала даже существенно приближенная к интересам крестьянства столыпинская реформа. Как известно, она отвечала интересам лишь части крестьянства. Абсолютное же большинство сельского населения было против выхода из общины и переселения в Сибирь. В результате практическая реализация реформы не только не успокоила взрывоопасную ситуацию в деревне, но, напротив, резко обострила ее противоборством между крестьянами-общинниками и вышедшими из общины крестьянами-«отрубщиками». В конечном счете, реформы вместо ускорения социально-экономического развития деревни ускорили вызревание крестьянской революции и падение самодержавия. Фактически ни одна из последующих реформ, проведенных сначала царской, затем советской властью, а в 1990-е годы властью обновленной России не обеспечила в полной мере осуществления тех целей, которые ставили перед собой реформаторы. Тем не менее, эволюция аграрного строя в ходе модернизации XX века приводит к его качественной трансформации от аграрного к индустриальному. Здесь важно подчеркнуть, что именно решение задач индустриализации было главным целеполаганием аграр-

ной модернизации в России. Отсюда ее реализация сводилась преимущественно к выколачиванию ресурсов сельского хозяйства в пользу промышленности. На это еще в 1920-е годы обращали внимание сами творцы модернизации советски. Так один из лидеров большевизма тех лет Н. Бухарин констатировал, что «город всегда был кровососом по отношению к деревне» [1, С. 93]. Что касается модернизации сельского хозяйства, то ее реализация осуществлялась по остаточному принципу, что негативно сказывалось и на состоянии сельского хозяйства и на жизни российского крестьянства. Разумеется, на разных этапах проведения реформ степень изъятия продукции сельского хозяйства в пользу индустриализации и степень эксплуатации крестьянства была различной. Но в целом, очевидно, будет правомерным вывод об антикрестьянском характере аграрной модернизации XX века.

Сложность изучения и понимания аграрной модернизации в России во многом обусловлена сложностью, многослойностью самого данного феномена. Она структурирована такими составляющими, как экономическая, политическая, социальная, культурологическая и т.п. Их анализ, в том числе в современной историографии, свидетельствует о разновременности их эволюции как по темпам и размаху, так и по глубине воздействия на деревенскую среду. В частности, можно с достаточной степенью достоверности говорить о том, что в аграрной модернизации России XX века социальный аспект с точки зрения искоренения бедного существования крестьянства развивался гораздо более медленными темпами, чем экономический и культурологический. В тоже время, она оказала гораздо большее влияние, чем в Западной Европе, на крестьянскую повседневность, осуществив коренную ломку привычного уклада жизни, психологии крестьянства. В отличие от аграрной реформы начала XX века, сталинская модернизация, которая в основном и осуществила эту коренную ломку, обернулась для советской деревни подлинной трагедией, уничтожив физически и искалечив судьбы миллионов крестьян.

Методы, средства модернизации начала XX века и 1930-х годов кардинально отличались друг от друга. Различным было и содержание реформ, что позволяет говорить о нелинейности процесса аграрной модернизации в целом.

Последующие реформы в рамках советской модернизации (1950-е – 1980-е гг.) проводились с вполне «человеческим лицом», большей ориентацией на решение назревших проблем российской деревни и носили эволюционный характер. Что касается аграрных реформ 1990-х годов, то по характеру и содержанию они тоже могут быть определены как очередная революция «сверху», осуществлявшаяся правда не столь жесткими методами, как при сталинском режиме. Таким образом, если рассматривать аграрную модернизацию в России XX века в качестве составной части процесса политической модернизации, то условно ее можно разделить на несколько этапов: 1906–1917 годы – революционный (нарастание крестьянской революции); 1920-е годы – эволюционный (модернизация сельского хозяйства в условиях мелкотоварного производства); 1930-е годы – революционный (сталинская революция «сверху»); 1950-е–1980-е годы – эволюционный этап, направленный на повышение эффек-

тивности сельского хозяйства и социальное обустройство российской деревни и, наконец, 1990-е годы – этап революционной ломки советской системы сельского хозяйства и создание новой по западному образцу. Причем, по нашему мнению, все аграрные преобразования с начала века и до конца 1930-х годов проводились в условиях Великой русской революции. И в этом состояла еще одна особенность российской модернизации. Строго говоря, каждый из выделяемых этапов был настолько уникален, что правильнее было бы говорить не об этапах, а о локальных модернизациях, привязанных к определенным хронологическим рамкам истории XX века. Общим же для них с политической точки зрения было перманентное противостояние крестьянства и власти, сопровождавшееся как открытым противоборством крестьянства с властью, так и пассивными формами его сопротивления [9, С. 10–18].

Следует отметить, что на разных этапах модернизации уровень такого противостояния был различен. Так, на начальном этапе Великой русской революции происходит сближение государственной власти и крестьянства за счет формирования каналов обратной связи между государством и обществом в лице Государственной Думы, политических партий, средств массовой информации, получивших относительную свободу выражения общественного мнения. В период двоевластия (февраль-октябрь 1917 г.) слабость Временного правительства и резкое усиление роли и влияния органов крестьянского самоуправления приводит к тому, что крестьянство, используя эти органы, берет на себя значительную часть управленческих функций, которые прежде принадлежали царской власти, затем сближается с новой большевистской властью. Но уже с середины 1920-х годов эта власть начинает все более решительное наступление на органы крестьянского самоуправления и, наконец, в 1930-е годы полностью подчиняет крестьянское сообщество своему режиму, обособившись от него с помощью мощного репрессивного аппарата власти.

Процесс трансформации взаимоотношений крестьянства и власти имевший в целом в XX веке тенденцию к взаимному обособлению, укреплению отношений господства и подчинения с неизбежностью приводил к ограничению социальной мобильности, социальной инициативы. В совокупности с ликвидацией частной собственности, рынка в советский период это лишало общество механизмов саморазвития, что закладывало основы противоречивости и низкой эффективности самой аграрной модернизации. Заметим, кстати, что преобразования 1990-х годов мало что изменили в этом плане.

Глубинные основы противоречивости процесса аграрной модернизации в России обуславливал и экономический фактор: несоответствие уровня развития производительных сил производственным отношениям. Система управления сельским хозяйством, сложившийся экономический механизм вступили во все большее противоречие с задачами и потребностями производства. Его структурные элементы функционировали в рамках определенной системы землевладения. Их различия во многом определялись и региональными особенностями. В данной связи правомерно будет рассмотрение аграрной модернизации в качестве совокупности региональных составляющих со своими особенностями и

противоречиями. Аграрная модернизация в России осуществлялась зачастую без учета этих особенностей. Региональная специфика сельскохозяйственного производства, включающая организационно-хозяйственные структуры, специализацию, преобладающие агротехнику и технологии на всем протяжении XX века обуславливала и разновременность темпов модернизации сельскохозяйственного производства. Существенно различались и темпы развития его инфраструктуры, в том числе по отраслям растениеводства и животноводства, видам сельскохозяйственных работ, формам организации производства. Так, в 1965 году во всех хозяйствах СССР сев овощей был механизирован на 28,8 %, сенокошение на 29 %, копка картофеля комбайнами на 54%. В этот же период в животноводстве уровень механизации доения коров составлял 84,4 %, стрижки овец – 33,8 %, очистки помещений на фермах КРС – 17,6 %. Рассмотрение показателей данного вида деятельности в региональном разрезе также демонстрирует заметные различия, что наглядно видно на примере Поволжского региона. В 1985 году уровень комплексной механизации животноводства в Астраханской области составлял: на фермах КРС – 52 %, свинофермах – 49 %, птицефермах – 29 %, а в Ульяновской области 72 %, 28 % и 98 % соответственно [15, С. 49, 59]. Традиционно энерговооруженность совхозов в период модернизации 1960-х – 1980-х годов была выше, чем в колхозах. В Астраханской области, например, к концу восьмой пятилетки уборка овощей была механизирована в колхозах на 9 %, в совхозах на 19 %. В Саратовской области в 1970 году сев и посадка овощей в колхозах составляла 35,6 % и в совхозах 98,4 % [15, С. 49].

К особенностям производственной модернизации, пожалуй, можно отнести и то, что на протяжении большей части XX века экономическая модернизация сопровождалась поиском и созданием новых форм хозяйствования. На смену индивидуальных крестьянских хозяйствам приходят различные формы производственной кооперации, коммуны, советские хозяйства, колхозы, а в дальнейшем межхозяйственные и научно-производственные объединения, агрохолдинги, совхозы-заводы и современные фермерские хозяйства. Значительную эволюцию в советский период претерпевает и колхозно-совхозная система уже с конца 1930-х годов ставшая основой организации сельского хозяйства в СССР. Если период 1930-х начала 1950-х годов был отмечен быстрым ростом численности колхозов (неслучайно в советский обиход прочно вошло понятие «колхозная деревня»), то в 1950-е – 1960-е годы происходит процесс их массового преобразования в совхозы, а также создания большого количества новых совхозов на целине, пригородных и специализированных совхозов в результате чего к началу 1980-х годов совхозы выходят на лидирующие позиции по производству сельхозпродукции. На их базе создаются различные учебные хозяйства, отрабатывается внедрение новейших сельскохозяйственных технологий, форм организаций труда. До сих пор продолжаются дискуссии по вопросу эффективности колхозно-совхозного производства. Думается ставить точку в них пока что рано. Во всяком случае проведенный автором анализ экономической деятельности совхозов России в 1960-е – 1980-е годы показал, что подавляющее

большинство их вплоть до конца 1980-х годов работали рентабельно несмотря на все большее сокращение (начиная с середины 1970-х годов) государственных ассигнований на развитие сельского хозяйства [10, С. 195].

Завершая рассмотрение экономической составляющей аграрной модернизации, обратим внимание на существовавшую в течение основного периода XX века (советский период) отличительную особенность системы управления аграрной экономикой России и СССР. Сложившаяся в условиях социалистического строя система общественных отношений обусловила такую систему управления, которая базировалась на смешении партийных, хозяйственных и государственных функций при главенствующей роли в принятии важнейших решений партийного аппарата. Она стала формироваться еще в 1920-е годы и отличалась высокой степенью централизации, стремлением к территориально-отраслевому принципу. Существующий в этой системе приоритет административных методов управления над экономическими, всеобщая централизация хозяйствования неминуемо вынуждала правительственные органы совмещать в своей деятельности государственные и хозяйственные функции, о чем свидетельствует характер большинства решений по сельскому хозяйству. Вместе с тем, в силу тех же причин осуществлялось предоставление органам, выполнявшим сугубо хозяйственные функции (Наркомат земледелия, Наркомат снабжения, Наркомат совхозов, Министерство сельского хозяйства, Госкомсельхозтехника и т.п.), статуса государственных правительственных учреждений.

Другой особенностью организации управления сельским хозяйством являлось то, что меры по ее совершенствованию, принимаемые партийно-государственным руководством, были в основном направлены не на развитие управленческой активности тружеников первичных производственных коллективов, их личной заинтересованности в успешном решении экономических и социальных проблем, а на осуществление многочисленных структурных реорганизаций, которые в большинстве своем носили косметический характер, не затрагивая глубинных основ сложившейся системы. Еще в 1960-е годы специалисты, изучавшие проблемы управления народным хозяйством отмечали, что ни в одной его отрасли формы организации управления не претерпевали таких частых изменений, как в области сельского хозяйства [7, С. 186]. При знакомстве с этими изменениями в течение советского периода, да и постсоветского десятилетия тоже, создается впечатление, что они имели характер не столько поступательного развития к более совершенным формам, сколько движения по кругу: организовывались, расформировывались и вновь создавались различные управленческие структуры, разукрупнялись, ликвидировались и вновь объединялись в единые управленческие единицы различные ведомства, отделы и службы. Сама же система управления сельским хозяйством оставалась громоздкой, со множеством излишних, дублирующих друг друга звеньев. По мере ее развития усложнялись взаимоотношения различных управленческих структур, усиливались ведомственные интересы, которые оказывали негативное воздействие на производственную деятельность, сдерживая процесс экономической модернизации. Разбухал управленческий аппарат, несмотря на многочис-

ленные указы, требующие его сокращения и удешевления. В отличие от показателей роста эффективности производства процесс этот шел поступательно из года в год с завидными для производственных процессов темпами. Так, в апреле 1972 года при выделении из Минсельхоза РСФСР Минсовхоза общая численность министерского аппарата управления выросла на 900 человек. С 1972 по 1975 годы аппарат вырос еще на 2 тысячи единиц, а в 1977 году он составил уже 56, 7 тысяч единиц [2, Л. 258-260]. В результате только в системе Минсельхоза на одного специалиста, работающего в сфере производства, приходилось по 0,7 специалиста аппарата управления, и на каждого инженера – два инженера управленческого звена. Характеризуя впоследствии деятельность подобных управленческих структур, член корреспондент ВАСХНИЛ В.В. Милосердов отмечал, что рассчитывать на успешное развитие сельского хозяйства при такой системе было невозможно [3, С. 197].

Положение хозяйствующих субъектов в лице коллективных хозяйств усугублялось также чрезмерным разбуханием управленческого аппарата областных и районных звеньев, смешением функций партийных, государственных и хозяйственных органов власти. Все они направляли в хозяйства различные директивы, требовали отчетности. Стиль их работы был тот же, что и у партийной номенклатуры. Главным в работе была справка, отчет, количество проведенных мероприятий, решений, неукоснительное выполнение указаний «сверху». Этот поток указов, решений и отчетов с каждым годом нарастал. Только за 9 месяцев 1979 года, например, минсельхозом РСФСР было получено «сверху» 178,6 тысяч различного рода указов и распоряжений. Не отставали от местного высокого начальства и те, кто находился на более низких ступенях бюрократической иерархии. В 1980-е годы колхозы и совхозы получали от них 6–7 указов и распоряжений в день в среднем на одно хозяйство [12, Л. 14]. Все это в сочетании с административной чехардой, некомпетентностью господством централизованной системы планирования и ценообразования в конечном счете вело к усилению противоречия между увеличением затрат на модернизацию сельского хозяйства и отдачи от осуществления производственной деятельности.

Отметим попутно, что там, где принимались действительно назревшие, научно обоснованные решения и меры направленные на повышение эффективности аграрного сектора экономики, реализация которых, как правило, требовала предоставления хозяйствам экономической самостоятельности, государство ограничивалось полумерами, а региональные органы управления, опасаясь потери своего безраздельного господства над ними, делали все возможное, чтобы хорошие начинания утонули в административной суеде. Наглядным примером тому могут служить и судьба полного хозрасчета, вводимого в совхозах, и практика внедрения арендного подряда и многие другие начинания, благополучно почившие на ниве бюрократической рутины.

В целом экономическая модернизация, как, впрочем, и остальные ее составляющие, носила противоречивый характер. С одной стороны, государство было заинтересовано в увеличении сельскохозяйственного производства и принимало необходимые, по его мнению, меры в данном направлении. Неоспоримые

достижения в этой области были налицо. За период с 1913 по 1990 годы валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в России–СССР с 35,1 миллиарда рублей (в сопоставимых ценах) до 474,2 миллиардов рублей. Только за период с седьмой (1961–1965 гг.) до девятой пятилетки (1971–1975 гг.) капитальные вложения государства и колхозов в развитие сельского хозяйства по всему комплексу работ (в сопоставимых ценах) выросли с 48,2 до 130,5 миллиардов рублей. Парк тракторов с 1928 по 1990 годы в СССР увеличился с 27 тысяч штук до 2666,2 тысяч штук, зерноуборочных комбайнов с 2 тысяч штук до 683,2 тысяч единиц [6, С. 272, 294, 297; 5, С. 444–445]. В десятки раз увеличились показатели электровооруженности труда в сельском хозяйстве, поставки ему средств защиты растений, удобрений и т.п. В сельское хозяйство было внедрено за это время немало новых технологий, способствующих росту производительности труда, повышению эффективности производства. С каждым десятилетием возрастала обеспеченность сельского хозяйства квалифицированными кадрами, внедрение в производство новейших достижений сельскохозяйственной науки. Если бы не разрушительные последствия большинства реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов позитивные процессы экономической модернизации, видимо, носили бы еще более выраженный характер.

Но, с другой стороны, та же система государственной власти в то же время самой своей сущностью, всей сложившейся политической системой, механизмом управления экономикой тормозила процесс модернизации. Не случайно поставленная в послевоенный период архитекторами реформ задача перевода сельского хозяйства на рельсы интенсификации к концу советского периода так и не была в полной мере решена.

Противоречия экономической составляющей аграрной модернизации с неизбежностью сказывались на социальной. Они усугублялись идеологической заданностью аграрной политики советской власти, которая относила крестьянство к уходящему классу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Следует учитывать также и то, что в России до 1917 года ни институционально, ни функционально не существовало какой-либо целостной государственной социальной политики. При этом, как отмечал исследователь С. Савельев, «в условиях бурного развития русского капитализма пореформенного времени и начала XX века структура и характер производственных сил были полностью оторваны от социальной проблематики» [13, С. 243].

Процесс социального переустройства российской деревни советского периода условно можно разделить на два этапа: с 1917 года до начала 1950-х годов и с 1953 года до конца 1980-х годов. На первом этапе явно преобладали две диаметрально противоположные тенденции. Первая с определенными оговорками носит позитивный характер и включает в себя такие составляющие социокультурного измерения, как: ликвидация неграмотности, введение элементов социального обеспечения, приобщение его к достижениям российской и мировой культуры, создание сельских клубов, библиотек и т.д. Вторая имела явно негативный характер и проявлялась в таких формах, как коренная ломка многовековых крестьянских традиций и уклада сельской жизни, «обезбоживание»

деревни, уничтожение в социальной структуре деревни наиболее подготовленного для осуществления модернизации социального слоя крестьян-собственников, унификация всех социальных слоев сельского сообщества на базе технократизма и общественной собственности на средства производства, превращение крестьянина в винтик огромного производственного механизма, экономическое обескровливание деревни, повлекшее за собой массовый голод и полуголодное существование абсолютного большинства сельских жителей.

Второй этап отмечен был поворотом государства лицом к нуждам и социальным проблемам деревни. Модернизация производственных процессов стала сопровождаться в это время формированием социальной инфраструктуры деревни: масштабным строительством в сельской местности школ, больниц, жилых домов для колхозников и рабочих совхозов, предприятий торговли и общественного питания, службы быта. Впервые, возможно, за всю аграрную историю России государство активно включилось в процесс модернизации социальной сферы села. Одновременно решались вопросы повышения доходов колхозников и их семей, работников совхозов. Помимо заработной платы совокупный денежный доход семей сельских жителей включал такие элементы, как пенсии, стипендии, пособия по социальному страхованию, денежные дотации и т.п. В совхозах он рос медленнее, чем в колхозах. Тем не менее, за период с 1960 по 1985 годы этот доход в среднем по РСФСР вырос втрое. Уровень реальных доходов колхозников по отношению к доходам рабочих и служащих повысился за это время с 65% в 1960 году до 95 % в 1985 году [4, С. 241]. Совершенствование организации труда, механизация производственных процессов, специализация производства и другие мероприятия по модернизации земледелия и животноводства способствовали улучшению условий труда работников аграрной сферы. Так, по расчетам экономистов, внедрение двухсменного режима труда сокращало занятость работников на животноводческих фермах с 12–14 до 6–8 часов в сутки, в узко специализированных хозяйствах по сравнению с хозяйствами с уровнем специализации до 10 % на свиноводческих фермах в расчете на 1 % привеса свиньи, затраты труда были ниже в 5 раз, в специализированных птицеводческих хозяйствах они были в 6–8 раз ниже, чем в неспециализированном производстве [8, С. 59].

В общий процесс модернизации социальной сферы внесла свою лепту и потребительская кооперация. Через ее систему значительно возросли продажи на селе мебели, одежды и других товаров длительного пользования, также продуктов питания. Тем не менее, достижения в социальной сфере были далеки от удовлетворения потребностей села. И один из важнейших факторов, сдерживающих ее модернизацию, также крылся в противоречивости социальной политики государства в деревне. Нарастание объемов строительства объектов непроизводственной инфраструктуры в целом по стране сопровождалось ликвидацией в одночасье в так называемых неперспективных малых поселениях, включенных в планы ликвидации, десятков тысяч школ, хлебопекарен, магазинов, предприятий бытового обслуживания и других объектов социального назначения. В них практически приостановлено было строительство нового

жилья, сокращены централизованные поставки топлива, промышленных и продовольственных товаров. При этом во многих из них в течение ряда лет продолжали жить люди, а после отъезда молодых семей оставались люди преклонного возраста, брошенные на произвол судьбы.

Что касается периода 1990-х годов, то для социального обустройства российской деревни они оказались временем тяжелого лихолетья, отбросив назад и во многом перечеркнув достижения предшествующего периода, что не могло, в свою очередь, не оказать пагубного влияния на другие составляющие аграрной модернизации.

Итоги аграрной модернизации России XX века, также как и сам этот процесс, носили противоречивый характер. Эти противоречия в совокупности с особенностями не позволяют рассматривать его в виде поступательной эволюции от низких к высшим формам. Скорее аграрную модернизацию России XX века можно представить в виде совокупности локальных модернизационных циклов, каждый из которых имел как позитивные, так и негативные стороны, свои особенности и внутренние противоречия, свои этапы, темпы, размах и глубину эволюционных процессов. Складывавшиеся под ее воздействием аграрные отношения все больше утрачивали в себе традиционные черты крестьянской повседневности, ускоряя процесс раскрестьянивания российской деревни. В самой системе этих отношений на все протяжении XX века, несмотря на смену политических режимов и аграрной политики государства, был заложен механизм торможения, который то усиливаясь, то ослабевая оказывал влияние на все стороны процесса модернизации, сохраняя его антикрестьянское содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бухарин Н.* Избранные произведения / Н. И. Бухарин ; [редкол.: Г. Л. Смирнов (руководитель) и др.] ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва : Политиздат, 1988. – 497 с.
2. Государственный архив Российской Федерации Ф. А.616, Оп. 9, Д. 68
3. *Милосердов В.В., Милосердов К.В.* Аграрная политика России – XX век / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов. – М. : ФГУП ВО Минсельхоза России, 2002. – 544 с.
4. Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. Статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика. – 1986. – 400 с.
5. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. – М. «Финансы и статистика». 1991. – 500 с.
6. Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – Москва : Статистика, 1977. – 709 с.
7. Правовые проблемы науки управления. – М. 1966. – 255 с.
8. Проблемы труда в сельском хозяйстве. Социально-экономический аспект. – М. «Экономика». – 1982. – 210 с.
9. *Романченко В.Я.* Государственная власть и крестьянство в России XX века: единство и борьба противоположностей//Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века : международная научно-практическая конференция / [редкол.: Шевельков А. И. (отв. ред.) и др.]. – Коломна : КГПИ, 2007. – 21 см. ч. 1: Ч. 1. – 2007. – 623 с.
10. *Романченко В.Я.* Государственные сельские хозяйства России: исторический опыт, проблемы, уроки развития. – Саратов. Изд. центр СГСЭУ. 2000. – 186 с.

11. Романченко В.Я. О состоянии и некоторых проблемах изучения истории аграрной модернизации в России//Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Вып. 6. Межвузовский сборник научных трудов (к 100-летию СГАУ имени Н.И. Вавилова. – Саратов: «Саратовский источник». – 2012. – 352 с.

12. Российский Государственный архив экономики Ф. 7486, Оп. 21, Д. 528

13. Савельев С.И. Советская социальная политика в деревне 1917 г. – начала 1930-х гг. и ее результаты (На материалах Нижнего Поволжья) / С. И. Савельев. – Саратов : Саратовский ГАУ, 2004. – 246 с.

14. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Москва : Кн. Дом Ун-т, 2008. – 782 с.

15. Яковлев С.А. Государственная политика развития энергетической базы сельского хозяйства страны в 60-80 годы и ее результаты : (На материалах Поволжья) / С. А. Яковлев; Под общ. ред. В. А. Динеса. – Саратов : Образование, 1998. – 242 с.

УДК 33

М.Х. Саидов, Н.А. Ашурметова

Ташкентский государственный аграрный университет, г. Ташкент,
Узбекистан

ТЕОРИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Аннотация. Эффективное развитие аграрного сектора обуславливается большим многообразием факторов, в числе которых показатель добавленной стоимости. В статье приведены показатели добавленной стоимости сельского хозяйства и уточнены факторы, влияющие на формирование добавленной стоимости сельскохозяйственных предприятий.

Ключевые слова: валовой продукт, добавленная стоимость, промежуточный продукт, сельское хозяйство, цепочка ценности (стоимости), эффективность.

M.Kh. Saidov, N.A. Ashurmetova

Tashkent State Agrarian University, Tashkent, Uzbekistan

VALUE ADDED THEORY AND ITS VALUE IN AGRICULTURE

Abstract. The effective development of the agrarian sector is conditioned by a great variety of factors, including the value added indicator. The article presents the indicators of added value in agriculture and specifies the factors influencing the formation of added value in agricultural enterprises.

Keywords: gross product, value added, intermediate product, agriculture, value chain, efficiency.

Введение

Во всех странах мира агропродовольственный сектор играет ключевую роль в плане обеспечения населения необходимыми продуктами питания, формирования рынка труда и занятости, а также поддержании жизненного уровня в сельской местности. От состояния и темпов развития данного сектора зависит обеспечение продовольственной независимости, и как следствие, со-

хранение экономической, социальной и политической безопасности государства. В свою очередь, в современных условиях для устойчивого развития и повышения конкурентоспособности агропродовольственного сектора обществу необходима аграрная экономика нового типа, основанная на использовании передовых достижений науки и техники, цифровых технологий, необходимо осуществление государственной политики в сфере на основе новых подходов. С учетом всего этого, правительством Узбекистана уделяется особое внимание разработке целевых программ развития, направленных на улучшение условий развития аграрного сектора и эффективное использование его потенциала. Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 годы служит основой для реализации данных задач. Стратегия включает девять приоритетных направлений, в числе которых создание благоприятного агробизнес-климата и цепочек добавленной стоимости [1]. Добавленная стоимость является одним из важнейших показателей экономического развития, отражающего результаты хозяйственной деятельности, рациональность и эффективность использования средств производства.

Понятие цепочка добавленной стоимости впервые было использовано в 1985 году Майклом Портером, который считал, что при рассмотрении конкурентного преимущества «необходимо исследовать все осуществляемые компанией виды деятельности и разобраться в их взаимодействии» [3]. Для этого он использовал понятие цепочка создания стоимости, под которым подразумевается последовательность процессов по созданию продукта, начиная с момента возникновения концепции продукта до его реализации конечному потребителю на рынке. В цепочку создания стоимости входят такие виды деятельности, как разработка, производство, маркетинг, продажа, доставка, обслуживание. При этом, продукт проходит через все процессы в данной цепочке в определенном порядке и во время каждого процесса образуется дополнительная стоимость. По мнению М. Портера, различия в цепочках создания стоимости у компаний работающих в одной отрасли являются источником конкурентных преимуществ, которые получает компания, занимающаяся стратегически важным видом деятельности с меньшими затратами или более эффективно, чем конкуренты.

Методология исследования

Анализ в данной статье начинается с краткого обзора сельского хозяйства с использованием данных официальной статистики. В ходе исследования состояния развития аграрной отрасли были использованы экономико-статистический метод, а также общие методы научного познания: наблюдение, анализ, сравнение, обобщение.

Результаты и анализ исследования

Роль и место сельского хозяйства в экономике страны характеризует, прежде всего, такой показатель, как валовая добавленная стоимость сельского хозяйства, который определяется как разница между стоимостью произведенных товаров и услуг (выпуском) и стоимостью товаров и услуг, полностью потребленных в процессе производства (промежуточным

потреблением). В свою очередь, валовой выпуск продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства включает в себя валовой выпуск продукции (услуг) растениеводства и животноводства, стоимость произведенной продукции (услуг) в охотничьем хозяйстве, лесоводстве и лесозаготовках, рыболовстве и аквакультуре [2]. Так, по официальным данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан, общий объем продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства в январе–декабре 2020 года составил 260,3 трлн сум, в том числе в растениеводстве и животноводстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях – 251,8 трлн сум, лесном хозяйстве – 6,7 трлн сум, рыбном хозяйстве – 1,8 трлн сум.

Но как уже было отмечено, ВДС сельского хозяйства исключает промежуточный продукт, то, естественно, что данный показатель ниже валового выпуска на сумму всех материальных затрат (на сырье, материалы, топливо, энергию, покупные комплектующие изделия, полуфабрикаты и производственные услуги сторонних организаций, оказанные предприятию и оплаченные им), которые в 2020 году составили около 109 трлн сум.

В целом, на протяжении прошедших 2016–2020 годов, несмотря на снижение доли сельского хозяйства в ВВП, валовая добавленная стоимость сельского хозяйства имеет динамику роста. Так, ВДС сельского хозяйства вырос с 74 779,0 млрд сум в 2016 году до 151 251,0 млрд сум в 2020 году, т.е. более чем в 1,7 раза (рис. 1).

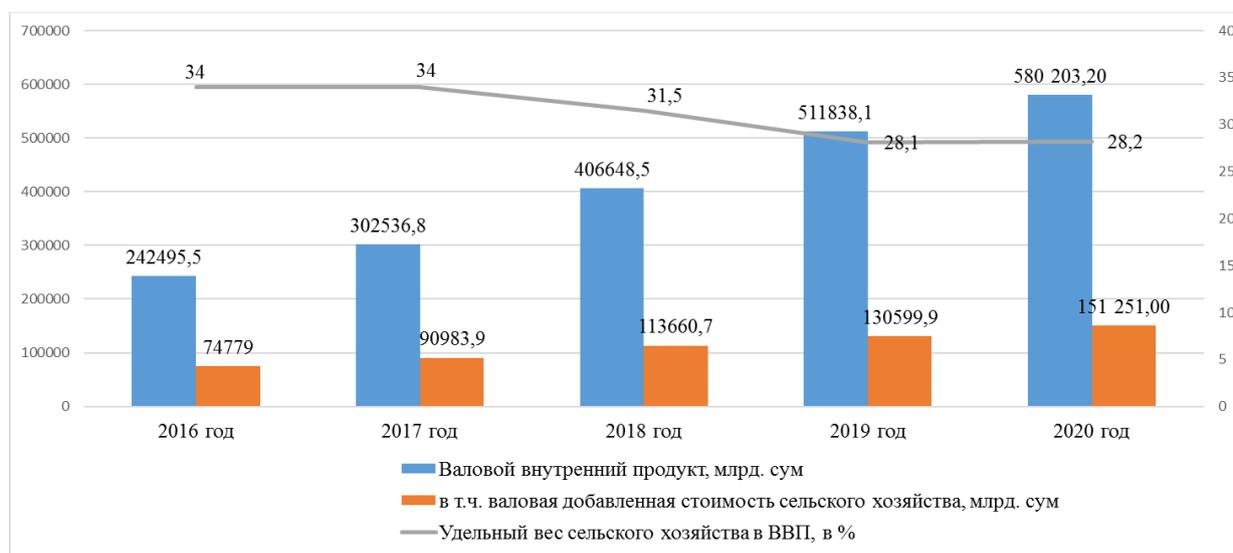

Рис. 1. ВВП, ВДС сельского хозяйства в Узбекистане [5]

Говоря о тенденциях развития валовой добавленной стоимости сельского хозяйства следует отметить, что цепочка стоимостей сельского хозяйства образуется из таких элементов, как цепь издержек поставщиков, цепь издержек покупателя, цепь издержек распространения, цепь издержек отрасли [4]. В сельском хозяйстве поставщики производят и поставляют сырьё и материалы (корма, семена, удобрения и средства защиты растений, сельскохозяйственная техника и др.), которые используются в цепочке ценностей отрасли и образуют их стои-

мость. Издержки покупателя связаны с затратами отрасли по производству и реализации готовой сельскохозяйственной продукции, которые формируют цену. Издержки распространения формируются на основе затрат работы дилеров и дистрибьюторов, от качества которой зависит степень удовлетворения спроса покупателя.

Цепь издержек отрасли состоит из затрат на первичные и вторичные операции. К первичным операциям относятся материально-техническое снабжение, производство сельскохозяйственного сырья (зерно, хлопок, свежие овощи и фрукты и т.д.), промежуточной продукции (семена, саженцы, корма, племенной скот и т.д.), производство готовой продовольственной продукции, реализация (оптовая и розничная торговля, переработка, общественное питание). Вторичные операции связаны с разработкой технологий, работой с персоналом, формированием инфраструктуры отрасли. При осуществлении названных действий (операций) в системе ценностей отрасли возникают вертикальные и горизонтальные связи. При вертикальной интеграции осуществляются тесные взаимосвязи с поставщиками и покупателями в целях совместной разработки стратегий малых затрат или дифференциации для общей, но обычно неравномерно распределяющейся выгоды.

Цепочка добавленной стоимости в сельском хозяйстве характеризуется сложной структурой участников и является скорее горизонтальной, чем вертикальной. Горизонтальные связи в стоимостной цепочке отрасли направлены на взаимосвязанные действия на взаимовыгодных условиях, способствующие снижению затрат при создании стоимости.

Анализ цепочки стоимостей в сельском хозяйстве позволяет получить информацию о том, где в цепочке может быть увеличена ценность для потребителя и где может быть уменьшена себестоимость. К примеру, при выявлении высокой стоимости на стадии производства целесообразно оптимизировать производственные процессы посредством применения инновационных (в т.ч. цифровых) технологий, использования наиболее производительной и экономичной техники, углубления специализации и концентрации производства, совершенствования организации и управления производством.

В цепи издержек поставщиков и реализации проблему высоких издержек можно решить путем усиления службы маркетинга, внедрения новых технологий управления, организации взаимовыгодных связей (кооперативных, договорных) между поставщиками сырья и производителями, покупателями (дистрибьютерами) и производителями. Возможна организация внутри хозяйства подразделения, способного обеспечить необходимым сырьем и материалом или создание собственной сбытовой сети. Применение IT-технологий дадут возможность не только предопределять и контролировать природные факторы, непосредственно влияющие на результаты производства в сельском хозяйстве, но также проектировать точные бизнес-процессы и прогнозировать результаты с математической точностью.

Выводы и предложения

Таким образом, можно сказать, что исследование всех элементов цепочки добавленной стоимости и выявление узловых моментов являются предпосылками для выработки механизмов объединения всех участников в единую цепочку добавленной стоимости в сельском хозяйстве. При этом, приоритетными направлениями в обеспечении высокой добавленной стоимости в сельском хозяйстве считаются углубление интеграции и кооперации, развитие кластерной системы, усиление партнерских отношений участников цепи, а также активизация инновационных процессов, автоматизация и цифровизация деятельности всех предприятий (хозяйств, фирм), создающих добавленную стоимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 23.10.2019 г. N УП-5853 «Об утверждении Стратегии развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 годы».
2. Методические положения по расчету валового выпуска продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства /Приложение к Постановлению Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике от 28 июля 2021 года № 26.
3. *Майкл Портер*. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – 1985
4. *Тимофеева Н.С.* Цепочка ценностей М.Портера в системе издержек сельского хозяйства региона //Актуальные вопросы экономики и агробизнеса: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (17 марта 2017 г., г. Брянск). В 4 ч. Ч. 1. – Брянск: Изд-во Брянского ГАУ, 2017. – С. 237–241.
5. <https://www.stat.uz>

УДК 94(47).084

О.А. Сухова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ 1920-Х – 1940-Х ГГ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922 – 1991)».

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, формы, региональные особенности развития и стратегии адаптации к политике государства индивидуального крестьянского хозяйства в СССР в конце 1920-х – 1940-х гг. На этапе кардинальной трансформации аграрного сектора сохранение традиционного уклада жизнеобеспечения крестьянства создавало возможность для маневра, выступало противовесом, компенсировало действие наиболее одиозных решений, минимизировало последствия гуманитарной катастрофы.

Ключевые слова: аграрная политика, единоличные крестьянские хозяйства, ЛПХ, региональные особенности

O.A. Sukhova

Penza State University, Penza, Russia

INDIVIDUAL PEASANTS IN A SOVIET VILLAGE AT THE LATE 1920s – 1940s

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 21-09-43020: "Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922 - 1991)".

Abstract. The article examines the factors, forms, regional features of the development and strategies of adaptation to the policy of the state of the individual peasant economy in the USSR in the end of the 1920s – 1940s. At the stage of radical transformation of the agrarian sector, the preservation of the traditional way of life support of the peasantry created an opportunity for maneuver, acted as a counterweight, compensated for the effect of the most odious decisions, and minimized the consequences of a humanitarian catastrophe.

Key words: agrarian policy, individual peasant farms, private household plots, regional features

В советской историографии тезис о 25 млн единоличных крестьянских дворов, объединенных в самое крупное в мире сельскохозяйственное производство колхозов и совхозов [21. с. 8], выступал аксиомой, демонстрировавшей ключевое преимущество советского строя. Процесс вовлечения единоличников в колхозное строительство был признан завершенным накануне Великой Отечественной войны и оценен как полная, безраздельная победа новых производственных отношений в деревне [14, с. 45].

Но, несмотря на, казалось бы, тотальный прессинг со стороны государства, по данным Наркомфина, к 1938 г. в СССР сохранили свою независимость 1346,7 тысяч хозяйств крестьян-единоличников [14, с. 39]. Их история длительное время вытеснялась на периферию исследовательского интереса по причине заданного идеологического ракурса, требовавшего определения единоличника как явления угасающего, рудиментарного, социально чужеродного и экономически бесперспективного.

Становление историографической традиции в деле изучения единоличников относится к к. 1960-х – 1980-м гг. и связано с формированием предметной области заключительного этапа коллективизации. Так, признанным авторитетом в этом контексте следует назвать М.А. Вылцана, предложившего оригинальную концепцию и методику изучения крестьян-единоличников [5, 7, 4, 14, 6]. Важнейшими параметрами анализа выступили: классификация единоличных хозяйств в критериях, определяемых финансовыми структурами, и разработка различных аспектов хозяйственной повседневности, прежде всего, «налогового» портрета советского единоличника. Подводя определенный итог тридцатилетним изысканиям в этом направлении в сборнике «Судьбы советского крестьянства», М.А. Вылцан отмечает сохранение ситуации ограниченности исследовательского поля [6, с. 364].

В н. 2000-х гг. эта тема привлекает под свои знамена все новых и новых сторонников и не только в силу своей малоизученности. В российской историографии 1990-х – н. 2000-х гг. единоличник прочно занял место основного акто-

ра, свидетеля вопиющей дискриминации со стороны государства [8, 12, 13, 1]. В период коллективизации «независимые» сегменты социальной структуры российской деревни сформировали системную оппозицию, активность которой, одновременно, минимизировала социальные издержки, выступая тем самым маркером эффективности экономической политики, и формировала весь спектр адаптивных практик российского крестьянства в 1920-х – 1950-х гг.

Собственно в правовом поле единоличник не противопоставлялся колхознику, а позиционировался в общем ряду социальных категорий, объединенных характером распределительных отношений и мобилизационной стратегией экономического развития. Это положение было зафиксировано и в Постановлении ЦИК СССР, СНК СССР от 25 февраля 1930 г. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге 1930 г.», предшествовавшем коллективизации, и в Положении о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г., а также в Постановлении ЦИК СССР, СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» и др. [18, 17] Определение доходной части сельскохозяйственного производства позволяет вычленить собственно индивидуальный сектор хозяйства советского крестьянства, уравнивавший единоличные крестьянские хозяйства и необобщественную часть хозяйств колхозников.

Следует признать, что единоличник в социалистической системе производственных отношений оставался весьма «неудобным» элементом на всем протяжении своей истории. Выявление частнохозяйственных аспектов деятельности (воспроизводство капитализма) вынуждало дробить крестьянское хозяйство (двор) на несколько самостоятельных субъектов (если, скажем, хотя бы один член семьи исключительно занимался сельским хозяйством, превышающим нормы, установленные Уставом сельскохозяйственной артели, в то время как остальные члены семьи работали в колхозе или были рабочими или служащими) [14, с. 39]. До середины 1930-х гг. сохранялась градация по классовому принципу на трудящихся единоличных крестьян и кулачество.

С другой стороны, с позиций управленческого императива единоличником нарекался тот, кто по разным причинам оказался вне колхоза, чем создавал определенную угрозу социально-политической стабильности. Это существенно расширяло количественные параметры данной социальной категории. Решением проблемы выступала заведомая неопределенность правового статуса, произвольное стирание граней между колхозником и единоличником в отношении обязательств перед государством, что нередко вызывало отчаянное сопротивление последних. Свидетельства тому мы обнаруживаем в делопроизводственной документации исполкомов местных советов. Анализ преамбул постановлений позволяет выявить знаковые индикаторы, при помощи которых власть создавала социально-экономический портрет единоличника. Прежде всего, это описание положения крестьянской семьи в период «до революции» и занятость в сфере сельского хозяйства. Так, в 1934 г. к категории крупно зажиточных было отнесено хозяйство В.И. Богословского, гражданина д. Майоровки Лещин-

ского сельсовета, Каменского района Среднев-Волжского края, по всей вероятности из-за деревянного дома, крытого железом, так как семья из трех человек владела (и до революции, и после) душевым земельным наделом, одной лошадью, одной коровой и семью овцами. Между тем, экономический потенциал хозяйства был явно ограничен, что вынуждало отца и сына Богословских искать дополнительный заработок на Майоровском заводе. Основным доказательством политической нелояльности единоличников было названо систематическое невыполнение обязательств перед государством. Великим «уравнителем» всех категорий сельского населения выступала 61 статья УК РСФСР, вводившая наказание за отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение [10, л. 52].

По решениям сельского и районного советов колхозники и представители «единоличного сектора» могли быть привлечены к выполнению любых повинностей: строительство и ремонт дорог, перевозка стройматериалов, транспортировка призывников, «копка ям для телефонизации, копка свеклы по заданию Райкома в свинсовхозе» и т.п. Исключительность социального положения единоличников во многом определялась возможностью владеть тягловым скотом. Угроза конфискации лошади в случае отказа от выполнения заданий власти порождала множество конфликтов между сельской администрацией и крестьянами. Показательно также определение социального статуса единоличников, встречающееся в документах райисполкомов: «выходец из колхоза» [10, л. 75].

Масштабы административного произвола и откровенного грабежа в середине 1930-х гг. породили столь же безграничный вал жалоб и обращений в секретариат ВЦИК СССР. Как сообщалось в докладной записке зав. секретариата Савельева М.И. Калинину, примеры жалоб единоличников можно было привести по любой административной единице и в любом количестве. В целях полнейшего хозяйственного разорения и принуждения к вступлению в колхоз к единоличникам широко применялась практика повторных обложений, нередко до трех раз и более. Это касалось не только сельскохозяйственного и единовременного налогов, но и госзаймов, страховых выплат, кооперативных марок и пр. Невыполнение требований сельской администрации было чревато конфискацией тяглогового и крупнорогатого скота, уничтожением надворных построек и пр. [23, с. 375-384].

Только в 1937 г. Директивой ЦИК и СНК СССР функция взимания налогов с жителей деревни была передана специальным финансовым органам. Этим же решением изъятие имущества и наложение штрафов в административном порядке допускалось только по решению суда [2, с. 198].

Характеризуя практики социальной адаптации и сопротивления крестьян политике коллективизации, нельзя игнорировать региональную специфику. Так, к 1937 г. в Западной области СССР насчитывалось свыше 61 000 единоличных хозяйств или 8 % от общего числа. Благодаря отходничеству, крестьяне без затруднений рассчитывались с госплатежами и в колхоз не вступали. В отдельных районах области были отмечены целые селения единоличных хозяйств, упорно препятствовавших коллективизации [22, с. 391]. В противостоянии с

государством самыми экстремальными формами сопротивления (смертельными для воспроизводства традиционной крестьянской культуры) единоличников были забой скота, уничтожение или порча инвентаря и семян, что позволяло саботировать выполнение плана сева и госпоставок [22, с. 391]. Массовое недовольство единоличников вызывало принуждение к принятию и выполнению планов посевных работ, проведению раскорчевок и пр. Привычным защитным механизмом в этом случае выступала подача коллективных заявлений о неpossильности плановых заданий, об отсутствии посевного материала, саботаж посевных работ [22, с. 85]. Не желая вступать в колхозы, крестьяне решались и на крайние меры: поджигали свои постройки и окончательно переезжали в города [22, с. 391].

Высокой к концу второй пятилетки оставалась и доля крестьян-единоличников в Ленинградской области и в целом по Северо-Западу России. Это объясняется многоотраслевым характером крестьянского хозяйства, широким распространением неземледельческих промыслов и близостью индустриальных центров [25, с. 16].

Особенностью северной деревни оставалось сохранение более значительной доли единоличных хозяйств с неземледельческими заработками и меньшим удельным весом дворов с рыночными доходами, получаемыми от сельского хозяйства [8, с. 15].

На Дону, Кубани и Ставрополье в структуре аграрного производства весьма значимой была роль единоличных хозяйств мелкотоварного типа по производству отдельных видов сельскохозяйственной продукции (картофель, овощи, фрукты), лидировавших среди других социально-экономических укладов. По мнению В.А. Бондарева, при определенных условиях они вполне могли бы послужить основой для развития фермерского хозяйства [1, с. 508].

В колхозном секторе экономики Урала, испытывавшем острый дефицит рабочей силы, активно использовались скрытые формы найма работников (например, путем «путем расплаты за работу сенокосами», т.е. на условиях «исполу» или даже 1/3 для единоличников; Первоуральский район Свердловской области) [15, с. 198–202]. Здесь отмечается доминанта хозяйств наемного типа. Доходы от наемного труда в колхозах могли быть соразмерны или даже превышать доход от собственного хозяйства. Так, в колхозе «Красный Урал» Большесосновского района Пермской области в 1938 г. единоличники получали по пуду зерна на трудодень, работая по найму [14, с. 41].

К середине 1930-х гг., в период так называемого Сталинского неонэпа в политическом дискурсе наметилась тенденция к отказу от дискриминационных ограничений в отношении единоличника. Так, избирательная кампания по выборам в сельские советы 1934–1935 гг. в Пензенской области прошла под лозунгом «Борьба за усиленное выполнение Пятилетки программы построения бесклассового социалистического общества, ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще», «Борьба за благоустройство, дорожное строительство, культурно-советскую торговлю», что предполагало участие в выборах единоличников наравне с членами колхозов [10, лл. 135–136].

Следствием ослабления административного прессинга стало незначительное укрепление индивидуального хозяйства в советской деревне. Так, по данным выборочных обследований, проведенных в ряде регионов СССР во второй половине 1930-х гг., проявилась тенденция перераспределения трудозатрат в пользу личного хозяйства колхозников. Только в 1937 – н. 1939 гг. доля времени, затраченного на работы в домашнем хозяйстве, выросла в целом (с учетом мужчин, женщин, подростков, стариков) на 1–2 % и составила, в частности, в Свердловской и Пермской областях около 24 % к общему итогу трудозатрат (а для женщин – свыше 40 %) [14, с. 34; 19, лл. 99, 100]. Отмечается также и укрепление хозяйственного положения единоличных хозяйств. Так, в Нижнесергинском районе Свердловской области число таких хозяйств, владевших двумя лошадьми, только с 1937 г. по 1938 г. выросло с 93 до 147 соответственно [14, с. 41]. Это было время активного поиска легальных и нелегальных стратегий адаптации индивидуального крестьянского хозяйства к аграрной политике советского государства. Структурировать этот поиск позволяет классификация хозяйств по производственно-экономическому принципу, предложенная В.А. Бондаревым в ходе изучения крестьянства Дона, Кубани и Ставрополья: ЛПХ колхозников: натурально-потребительское производство и мелкотоварные хозяйства; единоличников: хозяйства потребительского типа; хозяйства наемно-батрацкого типа; мелкотоварные хозяйства единоличников; хозяйства примитивно-коммерческого типа [1, с. 499, 506].

Угроза перспектив дальнейшего перераспределения трудозатрат и индивидуализации крестьянского хозяйства, а, следовательно, сокращения мобилизационных ресурсов хозяйствовавших субъектов в преддверии военного конфликта послужила фактором усиления налогового и административного прессингов. На практике это обрело форму борьбы с коммерческим использованием лошадей единоличниками («вне сельскохозяйственных работ в своем хозяйстве» и в целях «спекулятивной наживы»). С 21 августа 1938 г. вводился особый государственный налог на лошадей, составивший, в зависимости от региональной специфики, 275–350 или 400–500 рублей. За каждую следующую лошадь ставки налога возрастали до 450–550 и 700–800 рублей [11]. Дополнительным стимулом деградации единоличного сектора послужило изъятие излишков приусадебных земель, образовавшихся за счет общественных земель колхозов.

В результате принятых мер количество единоличных хозяйств значительно сокращается. Данные официальной статистики свидетельствуют о 959,9 тыс. единоличниках в 1939 г. и 640,5 тыс. в 1940 г. (всего за 1938–1940 гг. число крестьянских дворов – самостоятельно хозяйствовавших субъектов – уменьшилось на 706,2 тыс., и составило всего 3,1 % от общего количества дворов, а по посевной площади – 0,01 %) [21, с. 9]. И только вследствие территориальной экспансии СССР в 1940 г. мы наблюдаем резкое сокращение удельного веса кооперированного крестьянства (до 84,3 % дворов), и, напротив, рост числа единоличных хозяйств (до 15,7 %) [21, с. 9].

С позиции укрепления колхозного сектора экономики эффективность подобных мер, выглядит, мягко говоря, сомнительно. Так, за три предвоенных года число единоличных хозяйств сократилось более чем на 700 тысяч, а число плательщиков налога на лошадей, вступивших в колхоз, не превысило 100 тысяч [14, с. 42–43]. Единоличники, тем самым, превратились в очередную отливную волну сельского исхода, мощного миграционного потока: из села – на производство, в город. Очевидно, что и коллективизация не рассматривалась советским руководством самоцелью, скорее инструментом, позволявшим решать куда более глобальные задачи социокультурной трансформации, в частности, перераспределения трудовых ресурсов в промышленность, строительство, транспорт, т.е. сферы экономики индустриального общества.

Не последнюю роль играли фискальные соображения: рост налогообложения единоличных хозяйств становится дополнительным источником увеличения доходов государства. Из стимула развития сумма налогов на единоличника превратилась в систему государственного рэкета. Как отмечает О.М. Вербицкая, за период 1930-х гг. проявилась тенденция преимущественного роста налогов для так называемого трудящегося единоличника, имевшего доходы менее 500 руб., что указывает на стремление максимизировать доход путем расширения налогооблагаемой базы. В итоге «из-за разницы в величине повышения налоги практически уравнились для всех категорий. Так, для крестьянских единоличных хозяйств, имевших доходы менее 500 руб., общая сумма налогов за период 1930-х годов была повышена как минимум в 9 раз, с доходом в 1000 руб. – в 3,3 раза, с доходом в 1500 руб. – в 2,7 раза и т.д.» [2, с. 197].

Новым этапом в истории индивидуального хозяйства в колхозной деревне становится борьба с разбазариванием и хищением общественных земель, а также введение обязательного минимума трудодней. По решению Пленума ЦК ВКП (б) от 21–27 мая 1939 г., любые попытки урезать общественные земли колхозов в пользу личного хозяйства колхозников были отнесены к разряду уголовных преступлений. Этим же постановлением с 1939 г. вводился обязательный минимум трудодней для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы от 60 до 80 трудодней в хлебопроизводящих районах и 100 трудодней в хлопковых районах [16, с. 112, 114].

Падение трудовой дисциплины вынуждало руководство колхозов все чаще прибегать к исключению злостных дезорганизаторов производства из состава артелей, что предполагало лишение права пользования приусадебным участком. Нередко эти исключения носили массовый характер. Еще более уродливой практикой выступало лишение статуса члена артели и наем исключенных колхозников для выполнения работ в общественном хозяйстве [15, с. 207]. Так, в 1939 г. из артелей было исключено свыше 500 тысяч колхозников только по причине нарушения трудовой дисциплины. В целом же число колхозных дворов сократилось на 3,8 % [14, с. 37].

Сам факт появления постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»

свидетельствует о том, что крестьяне задавали свои правила игры. В колхозах повсеместно нарушались нормы крестьянского землепользования, закрепленные Уставом сельхозартели, относительно размера приусадебного участка. В интерпретации властей «разбазаривание и расхищение» осуществлялось путем выделения дополнительного участка в ходе мнимых семейных разделов либо в порядке прямого наделения за счет общественной земли с/х артели [16, с. 109].

Примечательно, что превышение нормативов по земельным участкам, находившимся в личном пользовании колхозников, происходило не без ведома правлений колхозов, а нередко санкционировалось и райисполкомами. Так, разбирая множественные случаи нарушения указанного постановления на территории Пензенской области, уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) Новиков, пенял первому секретарю обкома партии А.Ф. Кабанову, что в 1940 г. по колхозам области было выявлено 6621 случай захвата земли на площади 562 га, но изъято и прирезано к общественным землям только 272 га или 48 %; член колхоза «Гигант» (Сердобский район) Бывшев «под видом мнимого раздела семьи пользуется двумя приусадебными участками на площади 0,63 га»; «В результате массового самовольного захвата колхозной земли многие колхозники превратили приусадебные участки в основной источник дохода и систематически не вырабатывают установленного минимума трудодней»; «Чембарский райисполком в 1940 году официально утвердил приусадебные участки по 36 колхозам (1689 хозяйствам) с явным нарушением в сторону незаконного их увеличения от 0,02 га до 0,17 га» [9, лл. 67–72].

Тем самым, само существование и отчасти негласная поддержка со стороны местной администрации индивидуального крестьянского хозяйства доказывает неизбежность и необходимость сохранения рыночных элементов как балансира экономической модели. Как отмечает В.А. Бондарев, «Простое изъятие средств производства по марксистской доктрине не принесло полной и окончательной победы советской власти. Она была вынуждена пойти на попятную: вначале согласиться на существование значительного единоличного сектора, а затем узаконить функционирование ЛПХ колхозников [1, с. 505].

В годы Великой Отечественной войны настороженность и внимание спецслужб к единоличникам как к политически и социально чуждым элементам существенно повысились. Самим своим существованием и активной пропагандой традиций доколхозного крестьянского бытия единоличники укрепляли надежды на скорый роспуск колхозов и сокращение государственного тягла. Так, по данным М.Н. Федченко, в Курганской области только с осени 1943 г. по 15 июня 1944 г. органами НКГБ по обвинению в антисоветских выступлениях был арестован 21 крестьянин-единоличник, в том числе, шесть распространителей писем и листовок контрреволюционного содержания [24, с. 105].

Окончание войны единоличники встретили с тревогой и надеждой. На оккупированных территориях колхозная система была разрушена, и многие единоличники смогли увеличить земельный надел. Добавим сюда также повсеместное тиражирование идеи роспуска колхозов в награду за жертвы, понесенные крестьянством. Так, по данным А.В. Филимонова, во вновь образованной

Псковской области из-за управленческой неразберихи даже в старых колхозных районах единоличники вновь начали укреплять свои позиции и хозяйственное положение. Их количество в 1945–1946 гг. даже выросло на 851 хозяйство, в то время как число колхозных дворов уменьшилось на 4609 [25, с. 19].

В 1950 г. ситуация в Псковской области стала предметом отдельного разбирательства, инициированного представителем Совета по делам колхозов. Результатом проверки стало совместное постановление обкома ВКП(б) и облисполкома от 31 мая 1950 г. о незамедлительных мерах по вовлечению в срок до 20 июня всех хозяйств единоличников в колхозы [26, с. 33]. Как выяснилось, в некоторых районах области существовали населенные пункты, состоявшие полностью из дворов единоличников (например, в Новоржевском районе было выявлено 11 деревень, которые избежали коллективизации). На вопрос представителя Совета «а в колхоз вступить вам не предлагали», последовал ответ: «слава Богу, нет» [26, с. 32]. Результатом проведения Новоржевским райкомом разъяснительной работы, изъятия излишков земли, взыскания недоимок и выселения 11 единоличников по Указу от 2 июня 1948 г. как паразитирующего элемента, стало вступление 62 единоличных хозяйств в колхозы, но на момент октября 1950 г. все же 281 хозяйство так и осталось вне колхозной системы [26, с. 36].

В целом же за период 1946–1951 гг. общее количество единоличных хозяйств в Псковской области уменьшилось с 3705 до 1681 или на 55 %. Особенно серьезное сокращение затронуло самую многочисленную группу, ведущую полунаатуральное хозяйство (огород; временная занятость на производстве: с 3329 или 89 % от всей численности до 1109 или 66 % соответственно) [25, с. 25]

Во второй половине 1940-х гг. вследствие ужесточения административного и налогового бремени и спровоцированных этим миграционных процессов приобретает дополнительный импульс деградация личного подсобного хозяйства колхозников. В ходе реализации программы по слиянию сельскохозяйственных артелей к началу 1946 г. общая численность колхозов в СССР сократилась на 6,6 % (219 865 вместо 235 470 на начало 1941 г.). Реорганизация артелей позволяла крестьянам относительно безболезненно изменить свой социальный статус и перейти на более привилегированный уровень – пополнить ряды рабочих и служащих. Происходит существенное сокращение числа колхозных дворов. В тыловых областях, особенно в регионах с развитой промышленностью (Челябинская, Новосибирская области), убыль колхозных дворов составила почти половину. В Куйбышевской области число дворов уменьшилось в 2 раза [3, с. 27].

В ходе новой кампании по укрупнению в 1950 г. была зафиксирована особая практика самоликвидации колхозов. Так, после решения об объединении члены колхоза им. XVIII партсъезда Фроловского района Сталинградской области передали имущество в объединенный колхоз и ушли на работу в Арчединский совхоз и другие организации. Колхозники колхоза «Пролетарская воля», Калачевского района, той же области, вынесли решение об объединении с колхозом

им. Кирова, оставили землю и средства производства и выбыли из колхоза, перейдя на работу в Гидрострой [20, л. 12].

Резко сокращается и число единоличных хозяйств: на 1 января 1960 г. в СССР насчитывалось порядка 60 тысяч единоличников, что не превышало нескольких долей процента от общего количества хозяйств [21, с. 8–9].

Оценивая итоги борьбы крестьян за сохранение традиционного социально-экономического уклада, следует учесть цивилизационную перспективу перехода к индустриальному обществу и течение процесса урбанизации как факторы социального развития советской деревни. Кроме того, особое значение имеет воспроизводство и трансляция следующим поколениям практик социальной адаптации, в которых сохранялся, в том числе, и код индивидуальной частнохозяйственной деятельности, как своего рода ментальный результат развития индивидуального крестьянского хозяйства в эпоху перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарев В.А.* Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х – 30-х годах XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 520 с.

2. *Вербицкая О.М.* Социальные последствия советской мобилизационной экономики 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. – 2013. – № 11. – С. 185–205.

3. *Волков И.М.* Колхозная деревня в условиях перехода к мирному строительству // История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945– конец 1950-х гг. В 5-ти т. Т. 4. – М., 1988. – 499 с.

4. *Вылцан М.А.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). – М.: Наука, 1978. – 263 с.

5. *Вылцан М.А.* Материалы Наркомфина СССР как источник по истории советской деревни // Источниковедение истории советского общества. – М.: Наука, 1968. – Вып. 2. – С. 356–366.

6. *Вылцан М.А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. – М.: РГГУ, 1996. – С. 364–386.

7. *Вылцан М.А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). М.: Политиздат, 1970. – 200 с.

8. *Глумная М.Н.* Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг.: Автореферат дисс... к.и.н., – М., 1994. – 28 с.

9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. п-148. – Оп. 1. – Д. 414.

10. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. р-1922. – Оп. 1. – Д. 75.

11. Закон СССР от 21.08.1938 «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17092#bb3h9eSu4hco9yd11> (Дата обращения: 25.07.2021)

12. *Зелинин И.Е.* Коллективизация и единоличник (1933-й – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 35–55.

13. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение Сибирской деревни конец 1920 – начало 1950-х гг. – Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. – 167 с.

14. История советского крестьянства. – Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 : [В 2 разд.] / отв. ред. М.А. Вылцан. – М.: Наука, 1987. – 447 с.

15. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / Сост. Х. Кесслер, Г. Корнилов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 912 с.
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). – Т. 7. 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – 574 с.
17. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.05.1932 «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30858#sDyE9eSEx3U9MGUA1> (Дата обращения: 25.07.2021)
18. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 29 марта 1931 г. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге 1931 г.» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15026#QrxW9eSYcrMJSvwr> (Дата обращения: 25.07.2021)
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7486. – Оп. 3. – Д. 400.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7486. – Оп. 7. – Д. 1062 а.
21. Сельское хозяйство СССР. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 666 с.
22. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. В 4-х т. / Т. 4. 1935–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 984 с.
23. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. – В 5 тт. – Т. 4: 1934–1936 / Сост.: В. Данилов и др. – 2002. – 1053 с.
24. Федченко М.Н. Антисоветские настроения среди населения Курганской области (1943–1945 гг.) // XVII Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 5–6 декабря 2019 г.). – Курган: Изд-во курганского гос. ун-та, 2019. – С. 104–106.
25. Филимонов А.В. Последние единоличники в Псковской области. Статья 1. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2014. – № 5. – С. 15–27.
26. Филимонов А.В. Последние единоличники в Псковской области. Статья 2. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 29–38.

УДК: 9 (470.57) 084.5:314.14:63

Л.Ф. Тагирова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА ПО ПОДВОРНЫМ КАРТОЧКАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1920 Г. (НА ПРИМЕРЕ Г. СТЕРЛИТАМАК)

Аннотация. Земледельческое население г. Стерлитамак по данным подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения сравнительно 1917 и 1920 гг. в своем количественном составе оставалось примерно одинаковым, но Революции и Гражданская война, постоянная смена власти в городе, привели к многократному уменьшению посевов и рабочего скота, что уже тогда обозначило скорое полное уничтожение этой узкой прослойки населения города.

Ключевые слова: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, подворные карточки, Стерлитамак, земледельческое население, сельское хозяйство.

L.F. Tagirova

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

AGRICULTURAL POPULATION OF THE CITY ACCORDING TO DIGITAL CARDS OF THE AGRICULTURAL CENSUS OF 1920 (ON THE EXAMPLE OF STERLITAMAK)

Abstract. The agricultural population of the city of Sterlitamak according to the house cards of the All-Russian Agricultural Population Census in comparison with 1917 and 1920. In its quantitative composition remained approximately the same, but the Revolutions and the Civil War, the constant change of power in the city, led to a multiple decrease in crops and draft animals, which already then indicated the imminent complete destruction of this narrow stratum of the city's population.

Key words: All-Russian agricultural census, household cards, Sterlitamak, agricultural population, agriculture.

В настоящее время г. Стерлитамак является вторым по численности (после г. Уфы) городом Республики Башкортостан, в котором сложилась мощная химическая, нефтехимическая промышленность и машиностроение.

Он был основан во второй половине XVIII в. г. как соляная пристань, но в дальнейшем развивался, главным образом, как торговый, купеческий центр, чему способствовало его расположение на пересечении почтового и торгового трактов. Значительная часть сельскохозяйственной продукции проходили через этот город.

В XIX–начале XX вв. Стерлитамак быстро развивался. Открывались спиртоводочный завод и крупная, по масштабам того времени, мукомольная мельница. В городе развивались пимокатный, гончарный, скорняжный, красильный, плотницкий и воскобойный промыслы. Если в 1876 г. в Стерлитамаке проживало 6592 [5, с. 15] чел., то в 1895 г. уже 11590 чел [4], в 1903 г. – 14378 чел. [1], а в 1917 г. – 17901 [2], из которых 963 человека являлись земледельческим населением.

В данной статье мы сравним земледельческое население уездного города по сельскохозяйственной переписи 1917 и 1920 гг., показывая этим влияние Революций и Гражданской войны на эту небольшую часть населения.

Подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1917 г. изучал известный историк М.И. Роднов. Его подсчеты представлены в таблице ниже:

Автором было указано, что во многих подворных карточках национальность была не проставлена. Данные в подворных карточках г. Стерлитамака приблизительные, не полные, без скота, инвентаря, земли и пр. Скорее всего, сведения были получены не путем подворного опроса жителей, а из документации (поземельных окладных книг и т.д.) [3, с. 104].

Национальность	Число хозяйств	Число жителей	Площадь посева (дес.)	Поголовье рабочего скота	Дворы без посева	Дворы с посевом до 4 дес.	Дворы с посевом 4-10 дес.	Дворы с посевом 10-15 дес.	Дворы с посевом свыше 15 дес.
Русские	115	791	929,23	241	3	35	45	17	15
Татары	23	172	236,5	52	1	5	11	2	4

В свою очередь, перепись 1920 г. была более четкой и полной [6]. Указывались наиболее развернутые данные по посевам, скоту, возрасту и занятиям членов семьи. Единственное, менее полная информация была дана по татарскому сельскохозяйственному населению Стерлитамака (не обозначены возраст и род занятий). Один из переписчиков, ко всему прочему, указывал и адрес проживания. Например, Николай Радионович Агеев проживал по адресу Советская 163, семья Григория Кузьмича Пучкина – на улице Каретой 32, Степана Семеновича Ермилова – Нижней Тифлисской 60, Андрея Ильича Жаворонкова – Нижней Бухарской 106 [6] и т.д., которые были на окраинах города того времени, ближе к р. Ашкадар.

Сельскохозяйственное население г. Стерлитамак по подворным карточкам 1920 г. [6]:

Национальность	Число хозяйств	Число жителей	Площадь посева (дес.)	Поголовье рабочего скота	Дворы без посева	Дворы с посевом до 4 дес.	Дворы с посевом 4-10 дес.	Дворы с посевом 10-15 дес.	Дворы с посевом свыше 15 дес.
Русские	102	678	172,15	76	3	93	6	-	-
Татары	13	80	14,94	8	3	9	1	-	-
Мордва	3	15	3,01	2	-	3	-	-	-

Как мы видим из данных таблицы, число жителей, занимающихся земледелием, остается примерно таким же, как и в 1917 г. Но, более чем в 6 раз уменьшилась площадь посевов, более чем в 3 раза количество рабочего скота. Кроме этого, основная часть переписываемого населения заседали свои земли посевом до 4 десятин (из 118 хозяйств 105). Очень мало кто с 4 до 10 десятин (всего 7 хозяйств) и не осталось семей, заседающих свои наделы более 10 десятин. Самый большой посев в 8,5 дес. значился у Егора Осиповича Александрова (из них: 2 дес. озимой ржи, 1 дес. пшеницы, 0,5 дес. овса, 1 дес. проса, 0,5 – гороха, 3,5 дес. подсолнечника). В основном выращивали рожь, пшеницу, овес, просо, горох, подсолнечник, реже лен и гречиху. Практически у каждого на приусадебной пашне или огороде был картофель.

Во многих хозяйствах имелись лошади и корова. Часто держали овец, реже свиней и коз. Из птицы, самым популярным были курицы (чаще до 10 штук), реже встречались утки и гуси в малом количестве (по несколько голов). Пчели-

ные ульи обозначены лишь в одном случае (два улья в хозяйстве). В двух случаях имелись маслобойки (в подворных карточках обозначены неработающими), в одном случае – обдирка (неработающая) и действующая валяльня, где сам хозяин обозначен валяльщиком.

Если говорить о профессиональной деятельности земледельческого населения г. Стерлитамака, то по информации, данной по подворным карточкам переписи 1920 г. видно, что в семьях, все чаще, сельскохозяйственной деятельностью занимались 1-2 члена семьи, тогда как остальные работали в государственных учреждениях, чаще всего на низкоквалифицированных должностях. Например, в семье Меркурия Архиповича Савинова сам хозяин работал почтальоном, его жена занималась сельским хозяйством, дочь была уборщицей, а зять работал агентом в Башкоопотделе. В семье Лариона Кузьмича Манеева – он и его жена занимались сельским хозяйством, один из его сыновей работал литейщиком чугуна на литейном заводе, второй – курьером, третий служил уже как 1,5 года в Красной Армии. Ефим Иванович Кононов вместе с супругой занимались сельским хозяйством и видимо дали своим детям необходимое образование – две из их дочерей работали учителями в школах, третья – журналистом в Башпомощи, сын же служил в Красной Армии [6]. Необходимо отметить, что во многих семьях молодые мужчины призывного возраста находились в действующей войсках, что отмечалось в подворных карточках, вместе с периодом его отсутствия дома. Иногда писалось и место службы. Так, двадцатисемилетний сын Домны Николаевны Кононовой отмечен как красноармеец, уже год находящимся на службе в г. Ташкенте [6].

Естественно, на все эти сокращения в посевах и количестве рабочего скота сыграла политическая обстановка в городе и стране в целом. Власть в г. Стерлитамак в годы Гражданской войны попеременно переходила к красным, белочехам, колчаковцам и снова возвращалась к красным. Были разрушены заводы, разграблены лавки, погибли тысячи людей, как от рук «белых», так и «красных», от разгула преступности, болезней (грипп, тиф и пр.), экономика города была разрушена, воюющие стороны уводили скот, забирали припасы у мирного населения, что несомненно сказалось и на изучаемом слое населения. Его основная масса уже отходит от сельского хозяйства и вливается в слои рабочего населения города. Дальнейшая индустриализация и политика власти очень быстро приведет к полному исчезновению сельскохозяйственного слоя населения города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Уфимской губернии и Справочная книжка на 1904 год. – Уфа: Издание Уфимского Губернского Статистического комитета, 1904. Разд. паг.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии и Справочная книжка на 1917 год. – Уфа: Издание Уфимского Губернского Статистического комитета, 1917. Разд. паг.
3. Роднов М.И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. – Уфа: БирГСПА, 2010. – 129 с.
4. Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 год. – Уфа: Издание Уфимского Губернского Статистического комитета, 1895. Разд. паг.

5. Стерлитамак. [А. Боков и др; сост. Н.М. Бенин, М.И. Минеев] – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. – 146 с.
6. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 841. Б.п.

УДК: 338

Н.В. Уколова, Е.Б. Дудникова, Н.А. Новикова

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,
г. Саратов, Россия

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИЙ В МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Аннотация. Проблема обоснования и выработки мер по повышению инвестиционной привлекательности сельского хозяйства является актуальной с точки зрения науки, а в связи с усиливающимися негативными тенденциями финансового и агропродовольственного рынков приобретает важную практическую значимость.

Ключевые слова: инвестиции, сельское хозяйство, финансовые вложения, эффективность, инвестирование.

N.V. Ukolova, E.B. Dudnikova, N.A. Novikova

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

THE ROLE OF INVESTMENTS IN THE MODERNIZATION OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN RUSSIA

Abstract. The problem of substantiating and developing measures to increase the investment attractiveness of agriculture is relevant from the point of view of science, and in connection with the increasing negative trends in the financial and agri-food markets, it acquires important practical significance.

Keywords: investments, agriculture, financial investments, efficiency, investment.

Проблема поиска финансовых средств для инвестиций и достижения устойчивого экономического роста в аграрном секторе актуальна в современных условиях. Рост инвестиций в основные средства является одним из ключевых показателей Государственной программы развития сельского хозяйства.

Инвестиции – вложение финансовых и материально-технических средств в отрасль экономики, предприятие. Цель инвестора – получение дохода, цель инвестиционного кредитора – приобретение активов для приобретения оборотного капитала, создание основных средств, обеспечивающих прибыльную экономическую деятельность. В экономике инвестиции являются неотъемлемой частью производственной системы.

Сельское хозяйство относится к отраслевым группам, которые обеспечивают национальную безопасность и национальные интересы страны и уменьшают зависимость от других государств. Активная инвестиционная деятельность, масштабные инвестиции являются основным условием развития российского сельскохозяйственного производства.

Привлекая инвестиции в сельское хозяйство, можно говорить о довольно перспективных инвестициях, которые приносят стабильный доход в долгосрочной перспективе, поскольку в современном обществе продукция агропромышленного комплекса имеет немаловажное значение.

Инвестиции в сельское хозяйство считаются стабильным инвестиционным вариантом. К такому решению приходит достаточное количество организаций и частных предпринимателей.

Не каждый инвестор некоторое время назад решил инвестировать деньги в эту сферу бизнеса. Когда вы принимаете решения об инвестициях в сельское хозяйство, вы не можете рассчитывать на быструю отдачу от своих инвестиций. По мнению экономистов, из этого можно сделать вывод, что аграрный сектор относится к долгосрочным проектам.

Сельское хозяйство – это отрасль с долгосрочными инвестициями. Кризисные процессы в экономике, санкции и ответное эмбарго усложнили инвестиционные проблемы в России. Большинство ферм страны либо приносят минимальную прибыль, либо являются убыточными.

Современный российский агропромышленный комплекс представляет собой сложную и многофункциональную систему, охватывающую широкий спектр национальных экономических функций. Являясь важнейшей системообразующей отраслью экономики страны, она призвана сформировать свой сельскохозяйственный и продовольственный рынок, во многом обеспечить продовольственную безопасность и традиционно остается необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни населения. Граждане, обеспечивающие высокий уровень жизни, включая экономическую доступность продуктов питания.

В последние годы развитие отечественного агропромышленного комплекса происходило в сложной и далеко не двусмысленной социально-экономической ситуации в стране, поскольку частично сохранились старые и новые системные проблемы. Нестабильность экономики, нестабильность курса рубля, снижение реальных доходов населения, ужесточение внешних санкций, продолжающаяся фрагментация планирования АПК, рост внутренних и внешних рисков и угроз, прежде всего, оказали негативное влияние на сельское хозяйство как основную отрасль аграрного сектора.

Одним из наиболее важных вопросов обеспечения продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности страны остается привлечение инвестиций в сельское хозяйство, в том числе государственных.

Лучшие инвестиции – это инвестиции, окупаемость которых не зависит от колебаний рынка, удачи и других обстоятельств, которые не зависят от инвестора. Главной особенностью таких активов является надежность.

Инвестиции в агропромышленный комплекс имеют ряд преимуществ перед другими видами инвестиций: низкая конкуренция; постоянно высокий спрос на сельскохозяйственную продукцию; постоянный рост цен на продукты питания; популяризация натуральных продуктов; государственное содействие сельскому хозяйству.

В то же время инвестиции в сельскохозяйственные предприятия имеют недостатки: зависимость от погодных условий и сезонных факторов; длительный период между инвестициями и доходами; незначительное повышение производительности труда в промышленности; есть проблемы с продажами; долгосрочная отдача от инвестиций.

Рост инвестиций в сельское хозяйство и агропромышленный комплекс способствует инновационному развитию производства, повышает престиж профессий, связанных с сельскохозяйственной специализацией, улучшает условия труда и заработную плату, автоматизирует многие производственные функции.

Мы согласны с мнением российских ученых С. Глазьева, В. Ивантера, Р. Гринберга, А. Аганбегяна, которые считают, что модель экономического роста должна основываться в первую очередь на более быстром инвестиционном развитии. По словам Сергея Глазьева, для социально ориентированного роста российской экономики с годовым ростом ВВП на 6–8 % необходим рост инвестиций на 15–20 % [1].

С 2014 года инвесторы постоянно обращают внимание на стартапы, которые используют робототехнику и машинное обучение в сельском хозяйстве. Параллельно с агротехническим сектором идут тыс.

С 2014 года инвесторы постоянно обращают внимание на стартапы, использующие робототехнику и машинное обучение в сельском хозяйстве. Параллельно с агротехническим сектором, тыс. Самые активные венчурные инвесторы в агротехнологическом секторе – фонды Bessemer Venture Partners, Accel Partners, Khosla Ventures, Lux Capital и Data Collective. Основные вложения приходятся на разработчиков универсальных дронов (например, DJI) и технологии компьютерного зрения с акцентом на использование в сельском хозяйстве.

Приоритетные направления привлечения инвестиций в сельское хозяйство региона могут быть определены исходя из сложившегося уровня инвестиционной активности сельскохозяйственных товаропроизводителей [2]. Нарращивание инвестиционной деятельности необходимо осуществлять с учетом прогнозных балансов производства и потребления ресурсов в целях повышения эффективности инвестиционных вложений, обеспечения сбалансированного развития сельского хозяйства на базе системы стратегического планирования и усилении государственного регулирования инвестиционной деятельности, направленного на рациональное размещение и специализацию производительных сил страны [3].

Подводя итоги, можно утверждать, что инвестиции в сельское хозяйство в России, даже учитывая все их риски и недостатки, имеют огромные перспективы.

СПИСОК ЛИТКРАТУРЫ

1. Сайт С. Глазьева [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/73435-vosstanovlenie-trudovykh-dokhodov-isberezheniy-kak-predposylka-narodosberezheniya> – (Дата обращения: 01.12. 2021 г.)
2. Герасимов А.Н., Громов Е.И., Скрипниченко Ю.С. Инвестиционная активность аграрных предпринимательских структур в экономике Ставропольского края: эконометрическое моделирование и прогнозирование // АПК: Экономика, управление. – 2020. – № 7. – С. 42–53.
3. Маслова В.В., Савкина Г.М. Развитие инвестиционной деятельности в сельском хозяйстве России // АПК: Экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 29–37.

УДК 94(41/99)

И.В. Федорова-Кузнецова

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,
г. Саратов, Россия

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В переломные периоды развития русской истории аграрный вопрос всегда считался одним из наиважнейших и в то же время одним из самых трудноразрешимых. От его решения во многом зависела не только экономика, но и политическая ситуация в целом, стабильность политической системы и гражданский мир в стране. И в годы первой русской революции именно аграрный вопрос традиционно оказался одним из самых главных вопросов в повестке. В Государственной Думе этот вопрос неоднократно поднимался, вызывая острую полемику и дискуссии. Каждая из представленных в Думе политических партий давно выработала собственную позицию по крестьянскому вопросу, поэтому консенсуса достичь так и не удалось. Следующая попытка разрешения крестьянского вопроса была принята правительством Столыпина в ходе аграрной реформы 1906 года, но и она также носила незавершенный характер.

Ключевые слова: крестьянство, аграрный вопрос, первая русская революция, аграрная реформа, правительство, политические партии.

I.V. Fedorova-Kuznetsova

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

AGRARIAN QUESTION AND ITS IMPACT ON THE POLITICAL SITUATION IN THE FIRST YEARS RUSSIAN REVOLUTION

Abstract. During critical periods in the development of Russian history, the agrarian question has always been considered one of the most important and at the same time one of the most intractable. Not only the economy, but also the political situation in general, the stability of the political system and civil peace in the country largely depended on his decision. And during the years of the first Russian revolution, it was the agrarian question that traditionally turned out to be one of the most important issues on the agenda. In the State Duma, this issue has been repeatedly raised, causing sharp controversy and discussion. Each of the political parties represented in the Duma has long worked out its own position on the peasant issue, so a consensus has not been reached. The next at-

tempt to resolve the peasant question was undertaken by the Stolypin government in the course of the agrarian reform of 1906, but it was also incomplete.

Key words: peasantry, agrarian question, first Russian revolution, agrarian reform, government, political parties.

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала результатом целого комплекса противоречий в российском обществе, вызванных совокупным воздействием объективных и субъективных факторов. Аграрный вопрос, его неразрешенность и робкие попытки правящих кругов найти выход из ситуации так или иначе всегда присутствовали в общественной жизни России. И с началом революции аграрный вопрос вновь оказался одним из самых главных.

Своими корнями аграрный вопрос уходил в события 1861 года, когда крестьянское сословие, получив личную свободу и гражданские права, тем не менее не получило земли, которая так и осталась у помещика. Согласно императорскому Манифесту и Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года помещики обязывались выделить крестьянам наделы земли в бессрочное пользование, но не в собственность. Крестьяне должны были выкупать свою землю у помещика и выкупные платежи, продолжавшиеся до 1906 года, были крайне тяжелы для большинства крестьянских семей. Кроме того, до 1881 года крестьяне оставались временно обязанными, продолжая платить оброк и нести некоторые повинности. Также результатом крестьянской реформы 1861 года стало и сохранение общины в русской деревне. Общинное землепользование объективно сильно затрудняло развитие капитализма в сельском хозяйстве, консервировало старые, отжившие формы, замедляло расслоение крестьянства. По существу, аграрный сектор был обречен развиваться по замедленному «прусскому» пути развития капитализма. Все это в совокупности не способствовало быстрому развитию в пореформенной России капиталистических отношений и препятствовало ее движению вперед.

Одной из самых насущных проблем была проблема крестьянского малоземелья и она тоже требовала немедленного разрешения. В пореформенный период в результате демографического взрыва численность населения страны резко выросла и это явление в наибольшей степени наблюдалось именно в крестьянской среде (прирост мог составлять до 50 %). По мнению ряда исследователей, это было связано, прежде всего, с тем, что внутри общины количество земли на одну крестьянскую семью напрямую зависело от количества в ней мужчин. При этом семьи делились, число домохозяйств постепенно увеличивалось, а вот величина крестьянских наделов, наоборот, неуклонно сокращалась.

Кроме того, экономический курс правительства, связанный с увеличением экспорта хлеба, также не лучшим образом сказался на положении крестьян, уровень их продовольственной обеспеченности упал. Первые годы XX века были неурожайными для страны и это опять ударило по крестьянству. Но даже при таких условиях экспорт хлеба за рубеж активно продолжался, насущные же потребности крестьянского сословия по-прежнему игнорировались.

Нельзя сказать, что правительство совсем не осознавало всю важность решения крестьянского вопроса и все-таки делало попытки найти приемлемые пути

выхода. В 1902 году Николай II дал поручение министру внутренних дел В.К.Плеве провести работу по разработке крестьянского законодательства. Представленный проект комиссии В.К. Плеве, включавший обособленность крестьянского сословия, неотчуждаемость наделов, сохранение общины и общинного землевладения, оказался весьма сложным и противоречивым документом, а провести его практическое воплощение было крайне затруднительно. По существу, проект предполагал сохранить практически в неизменном виде основные принципы аграрной политики 80–90 гг. XIX в., что, конечно, не могло устраивать крестьянство. Но правительство и самодержавие защищали, прежде всего, интересы дворянства и действовали исключительно с этих позиций. Проект комиссии В.К. Плеве стал официальным выражением точки зрения властей по крестьянскому вопросу, несмотря на то, что решить его так и не получилось. И в результате в 1903–04 гг. количество крестьянских выступлений резко возросло.

Аграрный вопрос, требовавший немедленного разрешения, проявился в весьма острой форме и в ходе первой русской революции. Крестьянское движение приобрело невиданный размах и оказывало огромное влияние на весь ход революции. «Аграрные волнения крестьян подводили итог долго копившемуся против пережитков крепостничества и, несмотря на их недостаточную наступательность и организованность, были острыми формами революционных выступлений сельского населения. Крестьянское движение было органической составной частью революционного процесса 1905–1907 гг.» [3, с. 110–111] Первым и главным требованием российского крестьянства было требование дать землю за счет перераспределения частнособственнической земли. Состоявшийся в июле 1905 года I Всероссийский крестьянский съезд принял решение об отмене частной собственности на землю и о проведении реформы налогообложения. Принятые съездом резолюции старались максимально учесть интересы крестьянства. Также съезд принял решение об образовании Всероссийского крестьянского союза. Союз носил внепартийный характер, но на него оказывали влияние партия эсеров и РСДРП. Большую часть его членов составляли крестьяне, но в руководстве были в основном представители сельской интеллигенции. К осени 1905 года численность организации выросла до 200 тысяч человек [2].

После Всероссийской октябрьской политической стачки и издания Манифеста 17 октября, впервые даровавшего населению гражданские права, были предприняты первые шаги и по решению крестьянского вопроса. Так, 3 ноября 1905 года было принято решение об уменьшении наполовину выкупных платежей, начиная со следующего года, и о полной их отмене с 1907 года. И это было серьезной уступкой крестьянству. Однако крестьяне ждали решения, прежде всего, вопроса о земле.

После созыва Государственной Думы наиболее острые и ожесточенные дискуссии по крестьянскому вопросу стали происходить именно там.

В ходе выборов в Думу все политические партии, принимавшие в них участие, в своих предвыборных программах уделяли аграрной тематике особое

внимание, рассчитывая тем самым на поддержку самого многочисленного российского сословия.

Аграрная программа большевиков 1906 года предполагала полную конфискацию всех частновладельческих земель, в том числе помещичьих, церковных, монастырских, государственных и т.д., ее национализацию и передачу в собственность государства. При этом собственностью крестьянской общины и самих крестьян земля не становилась. Таким образом, именно государство становилось, по существу, главным участником аграрных отношений. Против такого расклада резко выступали меньшевики, считавшие, что любое государственное вмешательство в аграрную сферу неприемлемо. Они также выступали за конфискацию земли, но, по их мнению, землю следовало передать местным органам самоуправления для того, чтобы затем они могли ее предоставить в аренду крестьянам. Программа партии эсеров от 1905 года выдвигала идею социализации земли и полной отмены частной собственности на нее. Земля становилась общим достоянием всего народа и передавалась в распоряжение крестьянской общины с запретом ее купли-продажи вообще. Все партии левой ориентации были солидарны в том, что частные земельные владения должны быть конфискованы, а вот в дальнейшем их мнения серьезно расходились.

Партии либерального центра – кадеты и октябристы – в своих программных документах также выражали собственные позиции по аграрному вопросу. Кадеты допускали лишь частичное изъятие частнособственнической земли, но не безвозмездно, а со справедливой компенсацией ее владельцам. Партия также выступала за сохранение частной собственности и против всяких действий, направленных на обобществление земли. Октябристы предлагали решить проблему крестьянского малоземелья путем предоставления крестьянам пустующих земель, возвращения им отрезков и переселения на свободные земли в другие регионы страны. В целом, программы центристских партий поддерживали сохранение частной собственности на землю, а вопрос о земле для крестьян предлагали разрешить менее радикальными способами.

Партии, занимавшие в Думе крайне правые позиции и представленные монархистами и националистами – «Союз русского народа» и «Русский народный союз имени Михаила Архангела» – в отношении решения крестьянского вопроса были настроены консервативно. Они выступали за сохранение частной собственности на землю и помещичьего землевладения, против любых уступок крестьянству и считали, что крестьянские выступления следует подавить силой.

Поляризация мнений по аграрному вопросу в Государственной Думе была очень велика и в силу этих причин I и II Думы общей позиции по этому важнейшему вопросу выработать так и не смогли.

Все дальнейшие решения в аграрной сфере принимались уже в период спада и затухания революции. И главную роль здесь играло правительство, которое в 1906 году возглавил П.А. Столыпин при полной поддержке своих действий проправительственной III Государственной Думой.

9 ноября 1906 года появился указ, позволявший крестьянам выход из общины с целью образования отрубов и хуторов. «Истинной целью столыпинской

аграрной реформы было не только и даже не столько спасение помещиков «как вымирающих зубров», сколько разрушение общины и создание слоя мелких земельных собственников. По сути это была попытка уничтожить общинную форму земельной собственности и изменить общинную крестьянскую психологию, превратив крестьян в «маленьких помещиков» [1]. Вторым элементом аграрной реформы должно было стать переселение крестьян из центральных густонаселенных районов на свободные земли в Сибири и на Урале.

Однако своих первоначальных целей столыпинская реформа так и не достигла. Значительного слоя частных собственников в деревне, которые могли бы там стать надежной опорой власти, создать не получилось. Переселенческая политика также лишь отчасти оправдала себя. Крестьянам по-прежнему была нужна земля и ее скорейшее получение являлось для них наиболее приемлемым вариантом разрешения трудного аграрного вопроса. Собственно, именно этот сценарий и был осуществлен в 1917 году.

В годы первой русской революции российское крестьянство стало важнейшим ее участником и впервые заявило о себе как о самостоятельной и серьезной политической силе. Тем самым оно показало, что от своевременного и политически правильного решения аграрно-крестьянского вопроса, которое может обеспечить власти поддержку и лояльность многомиллионного крестьянского сословия во многом зависит сохранение в стране политической стабильности и основ государственного строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козлов А.П.* Аграрно-крестьянский вопрос в переломные периоды русской истории [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 7 (15). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/7/kozlov.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).
2. *Куреньшев А.А.* Всероссийский крестьянский союз, 1905–1930 гг. Мифы и реальность. – Москва : АИРО-XX : Санкт-Петербург, 2004.
3. *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М.; Наука, 1989.

УДК 94(470+571)

С.В. Филатов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА «ОТТЕПЕЛИ» КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Рассматриваются проблемы советской аграрной политики 1950-х гг. в сфере благосостояния колхозного крестьянства; на материалах бюджетных обследований домохозяйств показан рост доходов крестьянского двора, изменения в его струк-

туре, что являлось базовым индикатором не только качественных перемен в социальном благополучии крестьян, но и процесса «раскрестьянивания».

Ключевые слова: крестьяне, колхоз, аграрная политика, уровень жизни, семейный бюджет, раскрестьянивание.

S.V. Filatov

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia

AGRARIAN POLICY "THAWS" AS A FACTOR OF CHANGES IN THE WELFARE OF THE COLLECTIVE PEASANTRY (ON THE MATERIALS OF THE ROSTOV REGION)

Abstract. The problems of the Soviet agrarian policy are considered 1950s in the field of the well-being of the collective farm peasantry; Based on the materials of budgetary surveys of households, an increase in the income of a peasant household and changes in its structure were shown, which was a basic indicator not only of qualitative changes in the social welfare of peasants, but also of the process of “de-peasantization”.

Key words: peasants, collective farm, agrarian policy, standard of living, family budget, de-peasantry.

Важнейшим результатом мероприятий аграрной политики, начало которой было положено решениями сентябрьской 1953 г. пленума ЦК КПСС, стал рост благосостояния колхозного села [7, с. 75] [8, с. 129] [10, с. 81]. При этом, в этом процессе наметилась устойчивая взаимосвязь процессов повышения жизненного уровня колхозников и «раскрестьянивания». Как показали в своих работах О.М. Вербицкая [3, с. 211], М.А. Безнин [1, с. 188] [2, с. 91] и др. [5, с. 312], увеличение денежных выплат из колхоза в течение 1950-х гг. способствовало снижению доли личного подсобного хозяйства в совокупном доходе семьи, усиливал тенденцию его денатурализации, т.е. объективно способствовал утрате крестьянскими дворами ряда традиционных для них черт. Вместе с тем, динамика роста доходов колхозников, повышение благосостояния крестьян, имели региональные особенности [11, с. 65]. Анализ данных бюджетных обследований домохозяйств колхозников Ростовской области позволяет проследить как повышался в период «оттепели» денежный заработок крестьян, насколько изменились его структура и качество [4].

Материалы выборочных обследований домохозяйств колхозников свидетельствуют о существенном увеличении в течение 1953 – первой половины 1960-х гг. в бюджете крестьян Ростовской области доли денежных доходов. Если в 1952 г. колхозная семья Дона получила 5361 руб. денежного дохода, то в 1960 г. 12274 рублей, т.е. в 2 раза больше. При этом в Ростовской области, как и в других регионах РСФСР, основным источником поступления денег в бюджет крестьянского двора в течение 1950-х гг. явилось не личное подсобное, а общественное хозяйство [4].

Рассмотрим структуру денежного дохода. На Дону в течение 1952–1960 гг. денежные поступления из колхоза в бюджет крестьянской семьи увеличились в 5 раз, с 992,7 руб. до 5225 руб. Самым низким был уровень доходов от работы в общественном хозяйстве в 1952 г., когда его доля составляла 18,5 % всего де-

нежного дохода семьи. Данный показатель обуславливался небольшой денежной частью колхозного трудодня и ярко характеризовал дискриминационную «сталинскую» аграрную политику в отношении крестьян. Основными источниками получения денег в 1952 г. для крестьян Дона были работа в государственных, кооперативных организациях и в значительной мере продажа на рынке сельхозпродуктов из личного подсобного хозяйства. От работы членов колхозной семьи в кооперативных и государственных предприятиях в семейный бюджет в 1952 г. поступало в среднем до 19 % всех денег или 1054 рублей, что было несколько больше заработанного в общественном хозяйстве. Продажа сельхозпродуктов, скота, птицы играла основную роль в денежном обеспечении семьи и приносила 1897 рубля или 35 % всех полученных в 1952 г. денег, что в 2 раза превышало заработок в колхозе [4].

Поворот аграрной политики, обозначенный решениями ЦК КПСС и постановлениями Совета Министров СССР в августе – сентябре 1953 г., повысил совокупные денежные доходы донских колхозников в течение только одного года на 20 %. По итогам 1953 г. колхозная семья Ростовской области получила за работу в колхозе в 1,8 раза больше денег, нежели в 1952 г. – 1805 руб., что составило 27 % всех денежных поступлений. Доля денег, полученных от продажи сельхозпродукции на рынках, тоже выросла до 2361 рублей или 35 % от общего поступления денежных средств. Работа в государственных и кооперативных предприятиях принесла 1085 рублей или 16 % от всего денежного дохода [4].

В течение 1953–1960 гг. основной статьей денежного заработка колхозника неизменно оставалось общественное хозяйство. Так, уже в 1955 г. по трудодням и прочим расчетам от колхоза крестьянская семья получила 2302 руб., что превзошло показатель 1952 г. в 2 раза. В 1956 г. оплата труда в колхозе выросла еще на 556 рублей. Существенное увеличение оплаты произошло и в урожайном 1957 г., когда в среднем на колхозный двор Ростовской области пришлось 4339 руб. или в 1,5 раза больше, чем в 1956 г. и в 4 раза больше полученного в 1952 г. В 1958–1959 гг. увеличение производственных и других затрат колхозов области, вызванных принятием ряда волюнтаристских решений в аграрной политике, привело к уменьшению выделения средств на оплату труда колхозников. В результате за 1960 г. крестьянская семья получила 5225 руб. или на 795 руб. меньше, чем в 1959 г. Тем не менее, высокие темпы роста оплаты труда крестьян за работу в общественном хозяйстве значительно увеличили долю поступления денег из колхоза в общей структуре доходов семьи: если в 1955 г. она составляла 29 %, в 1960 г. – 42 %, то в 1963 г. – 53 % [4].

Темпы роста оплаты труда, а также других выплат из общественного хозяйства значительно опережали темпы роста доходов донской крестьянской семьи, получаемых от продажи сельхозпродуктов, работы членов колхозной семьи в государственных и кооперативных учреждениях, поступающих от государства в качестве пенсий и социальных пособий. Так, в хозяйстве донского колхозника с 1952 г. по 1960 г. доходы от продажи сельхозпродукции увеличились с 1897 до 2508 руб., т.е. в 1,3 раза. В 1957–1959 г. колхозная семья получила от торговли натуральной продукцией в 1,6 раз больше, чем в 1952 г. Тем не менее,

доля данной статьи в бюджете семьи заметно сократилась с 35 % в 1952 г. до 20 % в 1960 г. и только в 1963 г. она несколько увеличилась – до 24 %. Денежные поступления от работы в МТС, государственных и кооперативных организациях в бюджет донского колхозника выросли в 1952–1960 гг. в 1,6 раза, с 1254 до 2078 руб. Но в общей структуре денежных доходов доля указанной статьи уменьшилась с 23 % в 1952 г. до 17 % в 1960 г. В 1963 г. доля денежного дохода от работы в государственных и кооперативных организациях составила всего 14 % [4].

Определенным подспорьем в жизни колхозной семьи Дона и Кубани в течение 1952–1964 гг. служили средства, выделявшиеся государством в виде пенсий и выплат по социальному страхованию. Однако государственным обеспечением пользовалась небольшая часть крестьян: инвалиды Великой Отечественной войны и многодетные колхозники. Прав же на получение государственной пенсии по старости колхозники не имели вплоть до 1964 г. В рассматриваемые годы ее получали лишь председатели колхозов, специалисты сельского хозяйства, направленные на работу в колхозы, а также специалисты и механизаторы, перешедшие из МТС после 1958 г. В среднем в исследуемый период колхозный двор Ростовской области получал 373 руб. государственных выплат, составлявших 4 % денежного дохода. В течение всего периода сумма доходов по указанной статье была стабильной, за исключением 1957–1958 гг., отмеченных их ростом. В 1957 г. колхозная семья получила 503 руб., а в 1958 г. 469 руб. в качестве пенсий и пособий по соцстрахованию или в 1,5 раза больше уровня 1956 г. Увеличение государственных выплат последовало после выхода постановления Совета Министров СССР от 6 декабря 1956 г. «Об изменении порядка выплаты государственных пенсий по старости пенсионерам, состоящими членами колхозов» [6, с. 130] [9, с. 218]. Однако увеличение числа молодых трудоспособных колхозников в 1958–1960 гг. привело к общему снижению объемов государственных выплат по данной категории сельского населения. Поэтому к 1960 г. в среднем объем полученных колхозным двором государственных пенсий и пособий остался фактически на уровне 1952 г., сократилась и доля данной статьи в структуре денежного дохода хозяйства – с 7 % в 1952 г. до 2,5 % в 1960 г. [4].

Большое значение в поступлении денег в бюджет колхозной семьи в течение 1952–1960 гг. обрели средства, взятые из отложенных ранее на хранение в сберегательные кассы. Рост оплаты труда колхозников позволил увеличивать вклады в сберкассы и пользоваться средствами вкладов по прошествии времени. Если в 1953 г. колхозным хозяйством Дона было использовано 32 руб., взятых из сберегательной кассы, то в 1959 г. эта сумма составила уже 1280 руб., что было в 40 раз больше. В 1960 г. указанная сумма уменьшилась до 810 руб., но превосходила показатель 1953 г. в 25 раз. Поступление денег из сберегательных касс в хозяйства колхозников существенно увеличивалось и в структуре денежного дохода: с 0,5 % в 1953 г. до 9 % в 1959 г. и 6,6 % в 1960 г. [4].

Таким образом, за период 1952–1960 гг. денежные доходы колхозников Ростовской области выросли в абсолютном выражении в 2,3 раза [4]. Ни по одной

статье денежных доходов не происходило их существенного сокращения. При этом результатом проведения в жизнь аграрного курса сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС стало значительное, в 5 раз, повышение денежных выплат из общественного хозяйства. В результате доля денежного дохода, полученного от работы в колхозе, стала доминирующей в структуре денежных поступлений крестьян Дона, составив в 1960 г. 42 %, а в 1963 г. 53 % [4]. В течение 1953–1963 гг. партийно-государственным органам удалось по денежному заработку, если не сделать колхозы основой благосостояния семьи крестьянина, то, по крайней мере, близко подойти к поставленной цели. Одним из непосредственных результатов такой политики было значительное снижение роли приусадебного хозяйства колхозника в обеспечении семьи денежным заработком. Повышение закупочных и заготовительных цен на сельхозпродукцию в течение 1950-х гг., снижение норм обязательных поставок, а затем их полная отмена в 1958 г., а также высокий спрос на продукты питания на рынках городов и райцентров стимулировали производство сельхозпродукции в крестьянских подворьях. Увеличивались и денежные доходы от реализации продукции ЛПХ, тем не менее, их доля снижалась. В 1960 и 1963 гг. она оказалась в 2 раза меньше доходов, полученных из колхоза. Так традиционный крестьянский семейный труд в личном хозяйстве по своей прибыльности постепенно уступал место труду в крупном сельскохозяйственном предприятии.

В то же время для крестьян Ростовской области был характерен более высокий, чем в среднем по РСФСР, уровень денежных доходов, получаемых из общественного хозяйства. За период 1952–1960 гг. разрыв в поступлении денег из колхозов между колхозниками РСФСР, с одной стороны, и Ростовской области, с другой, составлял 1,5 раза, а в общем денежном доходе 2 раза. Так, по РСФСР на поступления денежного дохода из колхоза приходилось в 1952 г. – 620 руб., в 1960 г. – 3763 рубля, тогда как по Ростовской области соответственно – 992 и 5225 руб. Кроме того, в 1,5 раза меньше в 1958–1960 гг., нежели в Ростовской области, колхозники РСФСР получали денежных доходов и от работы в кооперативных и государственных предприятиях. В результате доля доходов от ЛПХ (выручка от продажи сельхозпродукции, скота и птицы) колхозников РСФСР, хотя и уменьшалась, но была больше, чем в Ростовской области, находясь на уровне 41 % в 1952 г. и 28 % в 1963 г. Региональная специфика сохранялась и в начале 1960-х гг. Например, в 1963 г. денежные доходы от общественного хозяйства колхозником РСФСР составили 47 %, тогда как в Ростовской области – 53 %. Доля ЛПХ в 1963 г. в поступлении денег по РСФСР составляла 29 %, тогда как в Ростовской области – 24 %. Приведенные данные позволяют говорить о том, что для крестьян Дона общественное хозяйство в большей степени, чем для колхозников РСФСР, стало в начале 1960-х гг. источником денежного дохода семьи [4].

Вместе с тем, заметный рост поступлений денег в бюджет колхозников Дона определил достаточно высокий уровень совокупного дохода семьи в сравнении со средними показателями РСФСР. Он ощутимо сокращал, хотя до конца и не устранил, разницу в абсолютной величине дохода рабочих и крестьян региона:

в 1960 г. в Ростовской области совокупный доход семьи рабочего составил 23210 рублей, тогда как крестьянского двора – 15420 рубля или в 1,5 раза меньше. Тем не менее, по характеру и источникам доходов колхозники Ростовской области приближались к городским слоям населения. Это видно из структуры совокупного дохода двора, в которой доля личных подсобных хозяйств существенно сократилась. При этом для Дона были свойственны некоторые региональные особенности. Так, в среднем по РСФСР в 1960 г. 40 % совокупного дохода крестьянского двора приходилось на поступления из колхоза, тогда как 42 % из личного подсобного хозяйства. В Ростовской области данное соотношение было иным. В 1960 г. в структуре совокупного дохода колхозника Ростовской области 54 % составили поступления из колхоза и 28 % из личного подсобного хозяйства [4].

Кроме того, доходы колхозной семьи, как в среднем по РСФСР, так и в Ростовской области, в результате значительного роста денежных поступлений из колхозов в течение 1952–1963 гг., переставали носить выраженный натуральный характер. По данным бюджетных обследований донских колхозников, в 1960 г. из общего совокупного дохода семьи в 15420 рублей на денежную часть приходилось 62 %. Практически такое же соотношение имел крестьянский бюджет в среднем по России – 61 % денежной и 38 % натуральной части [4].

Таким образом, анализ доходов колхозных семей Дона 1953 – начала 1960-х гг. свидетельствует о значительных сдвигах, произошедших в аграрной подсистеме советского общества. Благодаря мерам по укреплению экономики общественного хозяйства и повышению оплаты труда у донских крестьян заметно вырос совокупный доход, особенно его денежная составляющая. Это предоставляло крестьянству больше возможностей для увеличения потребления продуктов питания, разнообразных фабричных товаров, услуг, а значит, объективно способствовало повышению уровня жизни. Достаточно высокий по сравнению со средними показателями РСФСР уровень денежного дохода, а также меньшая доля ЛПХ в формировании совокупного дохода у колхозников Ростовской области обусловили постепенную переориентации крестьян на приобретение продуктов, товаров и услуг из торговой государственной сети. Это свидетельствовало о нарастающих процессах формирования в донской деревне социального слоя, выходящего за рамки «крестьянства» как традиционной категории населения аграрного общества, хотя и сохраняющего еще ряд характерных для него черт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безнин М.А.* Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье 1950–1965 гг. – Вологда, 1990.
2. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй в России в 1930–1980-е годы. – Вологда, 2003.
3. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. – М., 1992.
4. ГАРО. Ф.Р-4034. Оп.9. Д.4а. Л.91-94, 97-100; Д. 2047а. Л.17; Д.2249. Л.12; Д.2412. Л.17; Д.2677. Л.10; Д.3058. Л.51. Расчеты автора.

5. Гулин К.А., Димони Т.М., Карпов С.Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. – Вологда, 2003.
6. Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. Под общ. ред. Болдырева. В 2-х томах. – Т.1. – М., 1957.
7. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. – М., 2001.
8. Игнатовский П.А. Крестьянство и экономическая политика в деревне. – М., 1971.
9. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. – М., 1958.
10. Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов, 1967.
11. Тарасов А.Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную. – Ростов-на-Дону, 1967.

УДК 94(47)

О.Н. Шмыгина

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова,
г. Саратов, Россия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В 1960-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления государственной политики в сфере высшего сельскохозяйственного образования в 1960-е годы и их практическая реализация в вузах, затрагиваются вопросы работы аграрных вузов по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим образованием, повышению квалификации профессорско-преподавательского состава, улучшению материальной базы вузов.

Ключевые слова: государственная политика, сельскохозяйственное образование, сельскохозяйственные вузы, реформирование, подготовка специалистов.

O.N. Shmygina,

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

STATE POLICY IN THE FIELD OF HIGHER AGRICULTURAL EDUCATION AND ITS IMPLEMENTATION IN THE 1960S

Abstract. The article examines the state policy in the field of higher agricultural education in the 1960s and its practical implementation in universities. The issues of the work of agricultural universities on improving the training of specialists and improving the management of higher education, improving the qualifications of the teaching staff, improving the material base of universities are touched upon.

Keywords: state policy, agricultural education, agricultural universities, reformation, training of specialists.

К середине 1960-х годов СССР подошел к новому этапу своего развития. Стратегия индустриализации утрачивала свое значение, велением времени становилось замещение экстенсивных факторов производства интенсивными.

Реформационные преобразования последних лет правления Н.С. Хрущева привели экономическое развитие страны в тяжелое состояние: снижались темпы роста производства, низкой оставалась отдача капиталовложений. Экономические трудности вызвали необходимость радикальной реформации.

Путем реализации широкомасштабной программы аграрного реформирования намечалось обеспечить устойчивые темпы развития сельского хозяйства, вывести жизнь населения страны на более высокий уровень благосостояния и продовольственной безопасности. Поставленную задачу планировалось разрешить на базе существенного расширения комплексной механизации, мелиорации, химизации, использования удобрений, внедрения передовой технологии производства.

Начало новому этапу аграрных реформ было положено решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. В соответствии с мартовским курсом были определены новые принципы организации сельскохозяйственного производства, направленные на коренное улучшение его материально-технического оснащения, планирования, ценообразования, финансирования, кредитования. Большое внимание придавалось развитию механизма экономических рычагов и стимулов в организации сельскохозяйственных работ, с полноценным действием которых увязывались проблемы повышения их эффективности.

Усложнение экономических, технических и социальных процессов в аграрной сфере требовало существенного укрепления ее кадрового потенциала. Квалифицированные специалисты на селе признавались одним из решающих условий роста сельскохозяйственного производства, которые «...на деле должны были стать проводниками агротехнических и зоотехнических знаний, всего нового, прогрессивного» [2, С. 26].

Одним из ведущих каналов воспроизводства кадровых ресурсов в стране выступала система высших учебных заведений, в том числе сельскохозяйственного профиля. Важную роль в их дальнейшем развитии играли установки общеобразовательной политики государства. В ее рамках определялись пути развития образовательной системы страны, объемы кадровой подготовки, ведущие направления совершенствования деятельности учебных заведений.

К началу 1960-х годов в стране имелись достаточные условия для дальнейшего повышения вузовского уровня образования в стране. Высшая школа, развиваясь в русле поступательного исторического движения страны, в основном успешно решала задачу трансляции знаний будущим специалистам, необходимым народному хозяйству и для развития науки. Ведущей тенденцией в деятельности вузов этого времени выступала задача по реализации общегосударственной ориентации на всестороннее совершенствование профессиональной подготовки специалистов, приобщение их к научно-техническим достижениям, укрепление связи учебных заведений с производством [4, С. 4]. В соответствии с данным требованием в учебных заведениях перестраивались учебные планы, больше времени стало отдаваться практическому обучению. Вместе с тем в деятельности учебных заведений сохранялись существенные резервы как в организации учебно-воспитательного процесса, так и в области совершенствования

вузовской научно-исследовательской деятельности. Не в полной мере отвечали потребностям народного хозяйства планирование подготовки, распределение и использование специалистов.

Знаковым событием для существенного улучшения вузовской подготовки кадров стало партийно-государственное постановление «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов», принятое 9 мая 1963 года, в котором предлагался комплекс мер, нацеливающих на дальнейшее совершенствование организации профессионального образования в стране [1, С. 344–352]. В данном решении большое внимание обращалось на необходимость преодоления сохраняющихся еще в работе учебных заведений существенных недостатков в области перспективного планирования подготовки специалистов, профилирования обучения с учетом достижений научно-технического прогресса и требований производства. Мало еще выпускалось специалистов по отраслям новых технологий, механизации и автоматизации производства. В стране сохранялся дефицит экономистов. Существенные резервы для улучшения сохранялись в организации учебного процесса в вузах, в рациональном использовании их выпускников в производственных организациях. В постановлении подчеркивалось, что для исправления данной ситуации следует подготовку специалистов осуществлять более планомерно, в соответствии с народнохозяйственными потребностями. Отраслевым министерствам и ведомствам поручалось подготовить типовые номенклатуры должностей, подлежащих замещению специалистами с высшим образованием по отраслям народного хозяйства, планы перспективных потребностей в специалистах того или иного уровня. Предусматривалось также осуществление необходимых изменений в организации подготовке специалистов, особенно в ходе прохождения студентами вузов производственной практики непосредственно в трудовых коллективах. Руководителям хозяйственных организаций, выделенных в качестве базовых для практического обучения, следовало предоставлять будущему кадровому резерву места и должности в соответствии с получаемой в учебных заведениях специализацией.

В целях совершенствования образовательного процесса в вузах предполагалось наладить издание нового поколения учебников и другой учебной литературы, производство типового учебного и научного оборудования, приборов, необходимых для учебного процесса. Руководителям предприятий разрешалось безвозмездно передавать учебным заведениям образцы машин, другого оборудования из первых партий их серийного производства. В условиях роста контингента обучаемых для расширения площадей учебных заведений и общежитий планировалось выделение существенных капитальных вложений [1, С. 348–350].

Возможности для реализации такой масштабной реорганизации деятельности учебных заведений существенно увеличились в условиях, начавшегося с 1965 г. нового этапа реформационных преобразований в стране.

В этот период руководство страны усилило внимание к проблемам кадрового обеспечения промышленного и сельскохозяйственного производства. Совершенствование подготовки кадров в системе высшего образования продолжало оставаться важным направлением хозяйственной политики партии и государства.

Сразу же после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были приняты постановления «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» (сентябрь 1966 г.), «Об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров» (ноябрь 1967 г.), «Об организации подготовительных отделений при высших учебных заведениях» (август 1969 г.), в которых были определены пути дальнейшего развития высших учебных заведений, совершенствования форм и методов образовательной деятельности, укрепления материально-технических условий и быта студентов, конкретизированы объемы подготовки квалифицированных кадров в соответствии с народнохозяйственными потребностями [1, С. 77–80].

В зоне особого внимания партийно-государственного руководства в рассматриваемый период были также вопросы подбора и подготовки научно-педагогических кадров вузов, повышения уровня их научной квалификации. В вузах еще крайне медленно возрастало количество преподавателей, имеющих ученые степени и звания. Это негативно сказывалось на качественной стороне организации образовательной деятельности. В новых условиях для преодоления такой ситуации в данных решениях предлагалось поставить дело подготовки преподавателей вузов на более четкую плановую основу, существенно улучшить работу вузовской аспирантуры [1, С. 77–80].

Кадровая политика партии и государства нацеливала соответствующие министерства и ведомства на организацию планирования опережающей подготовки кадров по наиболее востребованным в период реформ специальностям.

В условиях активизации использования в хозяйственной жизни страны механизма действия экономических рычагов и стимулов возросли требования к экономическому образованию специалистов. В рассматриваемый период в системе вузовского профессионального образования стало больше внимания уделяться не только специальной подготовке экономистов, но и расширению знаний всех студентов в области экономики [4, С. 22].

Существующий в исследуемый период коллективистский тип организации производственных отношений стимулировал выполнение вузами их социальной функции – готовить специалистов, владеющих наряду с профессиональными знаниями, умением работать с людьми, организовывать трудовую деятельность производственных коллективов. Учитывая, что квалифицированные специалисты чаще всего выдвигались на руководящую работу, в учебных планах вузов было предусмотрено увеличение количества часов на изучение вопросов управления производством [4, С. 33].

В соответствии с новыми требованиями к организации образовательной деятельности в вузах страны развернулась работа по подготовке специалистов к

будущей профессиональной деятельности в трудовых коллективах. Высокими оставались темпы роста приема молодежи в вузы.

На новом этапе были введены новые учебные планы, в которых существенно увеличивались сроки проведения производственной практики студентов. Новые учебные планы нацеливали коллективы институтов на повышение эффективности учебного процесса, устранение дублирования учебной информации, более рациональную организацию аудиторной и самостоятельной работы обучаемой молодежи.

В рассматриваемый период усилилось внимание к проблемам повышения квалификации преподавателей вузов, от научного потенциала и методического мастерства которых во многом зависела результативность образовательной деятельности. На рубеже 1960–1970-х годов в стране функционировало 24 факультета повышения квалификации при крупных вузах, осуществлявших переподготовку педагогических кадров высшей школы [6, Л. 2, 27].

Сельскохозяйственные вузы продолжали наращивать темпы подготовки специалистов. Партийным руководством страны приветствовалось перевыполнение плановых заданий по приему обучаемых в вузы. В связи с этим не утрачивали актуальность задачи расширения приема в вузы сельской молодежи, важным на этом направлении оставалось улучшение методов комплектования студенческого состава, сокращение отсева обучающихся, всемерное содействие закреплению молодых специалистов в хозяйствах.

Из года в год в стране нарастали показатели количественного роста подготовки кадров в вузах сельскохозяйственного профиля. Так, только за период 1965–1970 гг. рост приема на очное обучение в данных вузах увеличился с 38200 человек до 48275 человек, т.е. на 26,5 процента [3, С. 9].

Для увеличения притока в вузы контингента обучаемых руководящими органами страны рекомендовалось расширять целевой прием молодых сельчан, поступающих на учебу по направлению трудовых коллективов, укреплять связь вузов с сельскими школами, активизировать в них профориентационную работу. Лучшему комплектованию студенческого состава сельскохозяйственных вузов должно было способствовать улучшение деятельности подготовительных отделений, действующих при вузах [5, С.18].

Продолжало расширяться заочное обучение. К середине 1965 года в сельскохозяйственных вузах было 97 заочных факультетов, на которых обучалось без отрыва от производства 222436 человек [3, С. 10]. В стране многое делалось для создания заочникам лучших условий учебы; существенно улучшилось укрепление их учебно-методической литературой. Однако многие вузы из-за несоответствия между числом заочников и размерами учебно-материальной базы оказывались не в состоянии проводить их обучение на качественно высоком уровне. Не все благополучно было с выпуском специалистов, обучающихся заочно. Не все поступающие на заочную форму обучения работали в сельскохозяйственном производстве, в связи с чем, не были готовы пополнять его после окончания учебы.

В условиях продолжающегося процесса аграрного реформирования, дальнейшее совершенствование высших школ, в том числе сельскохозяйственного профиля, зависело от: модернизации их материально-технической базы; наличия квалифицированного профессорско-преподавательского корпуса кадров; уровня организации и содержательного наполнения учебного процесса; достижения необходимого качества подготовки специалистов, соответствующего потребностям сельскохозяйственного производства, уровню его научно-технического развития; укрепления связи вузовской подготовки и науки с сельскохозяйственной практикой; трудоустройства выпускников. Данный комплекс вопросов, актуальных в жизнедеятельности вузов, находился в зоне постоянного контроля местных руководящих органов – областных комитетов партии и органов исполнительной власти, реализующих политику партии и государства в аграрной сфере и ее кадровом обеспечении с учетом региональной специфики.

Вопросы подготовки специалистов вузами осуществлялись в неразрывной связи с их использованием в сельском хозяйстве. В исследуемое время существовала практика распределения выпускников в хозяйства региона. Это направление кадровой работы в советское время было обязательным во всех профильных учебных заведениях.

Таким образом, с началом очередного этапа хозяйственного реформирования в стране и обострением проблем кадрового обеспечения данного процесса в кадровой политике руководящих органов страны большое внимание уделялось вопросам подготовки специалистов, прежде всего в системе высшего профессионального образования. В зоне партийно-государственного регулирования были практически все ключевые вопросы работы вузов, которые нуждались в дальнейшем совершенствовании – развитие их материально-технической базы, организация учебно-воспитательного процесса, подбор преподавательских кадров, рационализация и планирование приема студентов в вузы и использование их выпускников с учетом потребностей производства.

На новом этапе реформационного процесса перед высшими учебными заведениями, в том числе сельскохозяйственного профиля, осуществлявшими подготовку квалифицированных специалистов, выдвинулись новые задачи, связанные с совершенствованием образовательной деятельности, приведением ее к потребностям модернизирующегося производства.

Принципиальные установки решений партии и правительства страны в области кадровой, образовательной политики выступали нормативной базой деятельности высших учебных заведений, в том числе сельскохозяйственного профиля.

Целенаправленная работа вузовских коллективов по реализации руководящих нормативных установок партийно-государственных органов страны позволяла обеспечивать воспроизводство кадровых ресурсов всех отраслей народного хозяйства, в том числе кадровое пополнение аграрной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. – М. , 1983–1990. – 16 т. – В надзаг. : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 10 : 1961–1965. – 1986. – 493 с.
2. КПСС. ЦК. Пленум (1965, март). Стенографический отчет [Текст] / Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. – Москва : Политиздат, 1965. – 243 с.
3. *Красота В.Ф.* На главных направлениях сельскохозяйственной науки и производства. //Вестник высшей школы. – 1966. – № 2.
4. *Лысенко Н.А.* Деятельность Коммунистической партии по подготовке кадров для сельского хозяйства / Н. А. Лысенко. – М. : Высш. шк., 1983. – 144 с.
5. *Макаров И.П.* Неотложные задачи сельскохозяйственных вузов. //Вестник высшей школы. – 1982. – № 8.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3767.

Содержание

<i>Акабиров</i> Д.Н. Роль менеджмента предприятий АПК в повышении качества агропромышленной продукции	3
<i>Ахмедов</i> Т.Х. Проблемы повышения конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции	8
<i>Баранов</i> А.В. Этнический аспект взаимоотношений власти и крестьянства в условиях нэпа (по материалам Северо-Кавказского края)	13
<i>Бондарев</i> В.А. К вопросу о модернизационном потенциале коллективизации в СССР	17
<i>Гижов</i> В.А. Сельское хозяйство СССР в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.)	23
<i>Долгих</i> А.Н. Образ николаевской России в работах П.А. Зайончковского (1904–1983)	27
<i>Ескалиев</i> С.А., <i>Исмагулов</i> У.Ш. Казахские просветители о переходе кочевников к оседанию (XIX – начало XX века)	35
<i>Жимбуева</i> О.В. Культура села Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	40
<i>Жукова</i> В.С. Проведение коллективизации на европейском севере России (на материалах Вологодской губернии/округа)	44
<i>Изюмова</i> Л.В. Корпус председателей колхозов европейского севера России в годы Великой Отечественной войны	51
<i>Исайчиков</i> В.Ф. Исторические проблемы развития сельского хозяйства СССР в 20-е годы XX века и перспективы развития сельского хозяйства после 20-х годов XXI века – постановка вопросов. Часть I	56
<i>Касьянов</i> В.В., <i>Яхутль</i> Ю.А. Государственное регулирование земельных отношений в Адыгее накануне формирования СССР	71
<i>Комиссарова</i> И.А. Практика сбора единого и сельскохозяйственного налога в 1922–1924 годах на материалах Иваново-Вознесенской губернии	81
<i>Котельников</i> В.А. Повседневные формы сопротивления: слухи и мировоззрение колхозников Саратовского Поволжья в период сплошной коллективизации	85
<i>Крайнов</i> Г.Н. Экологическая деятельность профсоюзов агропромышленного комплекса	90
<i>Куреньшиев</i> А.А. Существовала ли трудовая крестьянская партия. К вопросу о политической борьбе вокруг проблем развития сельского хозяйства СССР в 1920 – начале 1930-х гг.	94
<i>Ножкина</i> И.А., <i>Шалаева</i> С.С., <i>Волкова</i> М.Б. Российская аграрная политика в контексте современной научной аналитики	101
<i>Орлов</i> Д.С. Развитие зерновой отрасли в совхозах и колхозах Алтайского края в 1960–1980-е гг.	105
<i>Поляков</i> В.А. К вопросу о характере партийного влияния на сельскохозяйственную кооперацию: на материалах Поволжья, 1923–1925 гг.	113
<i>Посадский</i> А.В. Бунт в Липовке Саратовской губернии 2 марта 1920 г.	118
<i>Решецкая</i> Т.Н. Анализ законодательства об аграрном образовании в Российской империи в конце XIX – начале XX века	123
<i>Рогатко</i> С.А. Переработка сельскохозяйственного типа в помещичьих и крестьянских хозяйствах в конце XIX – начале XX вв. – как один из центров агропромышленной интеграции в России	127
<i>Роднов</i> М.И. Саратовские купцы Борели на Южном Урале (имение в Уфимской губернии)	141

<i>Рожков А.Ю.</i> Информационные документы ОГПУ о социальном самочувствии и политической активности молодежи в северокавказской деревне (1924–1929 гг.) ..	148
<i>Романченко В.Я.</i> Особенности и противоречия аграрной модернизации в России XX века ..	156
<i>Саидов М.Х., Ашурметова Н.А.</i> Теория добавленной стоимости и ее значение в сельском хозяйстве.....	166
<i>Сухова О.А.</i> Индивидуальные крестьянские хозяйства в советской деревне в конце 1920-х – 1940-х гг.	170
<i>Тагирова Л.Ф.</i> Земледельческое население города по подворным карточкам сельскохозяйственной переписи 1920 г. (на примере г. Стерлитамак) ..	180
<i>Уколова Н.В., Дудникова Е.Б., Новикова Н.А.</i> Роль инвестиций в модернизации аграрного сектора России ..	184
<i>Федорова – Кузнецова И.В.</i> Аграрный вопрос и его влияние на политическую ситуацию в годы первой русской революции ..	187
<i>Филатов С.В.</i> Аграрная политика «оттепели» как фактор изменений благосостояния колхозного крестьянства (на материалах Ростовской области) ..	191
<i>Шмыгина О.Н.</i> Государственная политика в сфере высшего сельскохозяйственного образования и ее реализация в 1960-е годы ..	197

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР–РОССИИ
(XX – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВВ.)**

**Сборник статей международной
научно-практической конференции**

Издано в электронном виде

Размещено на сайте: sgau.ru

Компьютерная верстка *М.Б. Волкова*

Объем данных 920 КБ. Аналог печ. л. 11,85

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова»
410012, Саратов, Театральная пл., 1

Издательство ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ»
410012, Саратов, Театральная пл., 1